

vk.com/belle_books
vk.com/fashionable_library

Непристойная
Блистательная Любовь

Книга 2

КЕНДАЛЛ РАЙАН

АВТОР БЕСТСЕЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES И USA TODAY

Данная книга
предназначена только для
предварительного
ознакомления! Просим вас
удалить этот файл с
жесткого диска после
прочтения. Спасибо.

Кендалл Райан
«Непристойная
Блистательная
Любовь»

Непристойная

Блистательная Ложь — 2

vk.com/belle_books
vk.com/fashionable_library

Непристойная
Блистательная Любовь

Книга 2

КЕНДАЛЛ РАЙАН

АВТОР БЕСТСЕЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES И USA TODAY

Оригинальное название: Kendall Ryan “*Filthy Beautiful Love*” (*Filthy Beautiful Lies* #2), 2014

Кендалл Райан «Непристойная Блистательная Любовь» (Непристойная Блистательная Ложь #2), 2016

Переводчик: Иванна Иванова

Редактор: Екатерина Шевчук

Вычитка: Наташа Костешева

Обложка: Мария Суркаева

Перевод группы:

http://vk.com/fashionable_library

Любое копирование и

распространение

ЗАПРЕЩЕНО!

*Пожалуйста, уважайте
чужой труд!*

Оглавление

Кендалл Райан

*Любое копирование и распространение
ЗАПРЕЩЕНО!*

Аннотация.

Глава 1.

Глава 2.

Глава 3.

Глава 4.

Глава 5.

Глава 6.

[Глава 7.](#)

[Глава 8.](#)

[Глава 9.](#)

[Глава 10.](#)

[Глава 11.](#)

[Глава 12.](#)

[Глава 13.](#)

[Глава 14.](#)

[Глава 15.](#)

[ЭПИЛОГ.](#)

Аннотация.

Я никогда не предполагал, что увижу, как уходит Софи, тем более с нетронутой девственностью. Она принадлежала мне. Просто пока она об этом не знала. Новая цель: закрепить сделку и раскачать ее мир так основательно, чтобы у нее больше никогда не возникало мысли уйти.

Чрезвычайно сексуальная и эмоционально заряженная «Непристойная Блистательная Любовь» – провокационное завершение «Непристойной Блистательной Лжи».

Глава 1.

Софи

— Ты собираешься рассказать мне, откуда взялись эти деньги? — Бекка выжидающе смотрит на меня поверх уже третьего бокала Шардоне.

— Колтон, — отвечаю я своим ликёро-распущенным языком прежде, чем успеваю профильтровать. — У нас с ним была некого рода договорённость.

— Как ты с ним познакомилась?

— интересуется она, пытливо глядя на меня.

— Следующий вопрос, — я, может, и выпила уже несколько напитков, но ничто не вынудит меня рассказать про аукцион. Мне нужно сохранить хоть какое-то подобие достоинства в этой позорной ситуации.

Её глаза ни на секунду не отрываются от моих, пока она делает ещё один задумчивый глоток. Мы сидим в крошечном баре в лобби нашего отеля. Узнав о семейном положении Колтона, я сбежала напрямик домой, полностью уничтоженная разбитым сердцем. Бекка убедила меня, что нам нужны

девчачьи выходные где-нибудь вдали от всего этого. А я устроила всё гораздо круче, по одной лишь прихоти отправив нас обеих в Рим. Так что сейчас мы сидим здесь, на другом конце света, обсуждая точную тему того, почему я сбежала в этот райский уголок. Круто. Я делаю ещё один добротный глоток своего напитка. Боже, неужели у них в стране нет ничего покрепче вина?

— Какой договорённости ты могла придерживаться с человеком, который просто дал тебе полмиллиона долларов, Соф? — спрашивает она обличительным тоном. Хорошо, что ей ничего не известно об оставшихся деньгах,

спрятанных на моём банковском счете. Знаю, у моей семьи есть много вопросов на тему того, откуда у меня взялись деньги на лечение Бекки, но до сих пор я не сказала ни слова. До сих пор. Широко распахнув глаза, она хлопает ладошкой по своему рту. — Бог мой, ты была его секс-рабыней? — хихикает она.

Мои щёки ярко вспыхивают, но я качаю головой.

— На самом-то деле, для этого дела ты должна заниматься сексом, а я бы подумала...

Она всё ещё хихикает, поэтому я знаю, что она понятия не имеет, что попала не в бровь, а в глаз. Динь-динь-динь. У нас есть победитель.

— Давай не будем говорить о деньгах, Бекка. Это не важно. Колтон готов был всё обеспечить, и я ни о чём не жалею, потому что это помогло тебе поправиться. Прошу тебя, давай отпустим это, — умоляю её. На этот раз её здоровье идёт на поправку, и я хочу насладиться этой поездкой — только мы. Мне не хочется даже думать об имени Колтона Дрейка. Слишком больно.

— Если он так горяч, как ты рассказывала, мне было бы тяжело не скинуть свои шмотки и не запрыгнуть на него. Упс, прости, моя вагина случайно приземлилась на твой член.

Я выдавливаю улыбку на то, как

она меняет тему. Конечно, секс. Бекка не девственница, и в своем развитии в сфере секса определённо продвинулась дальше меня. Вы, наверное, подумаете, что всё должно быть наоборот, но нет, это я была осторожной, в то время как она, будучи больной с малых лет, научилась хватать жизнь за яйца и жить на полную катушку. И в этом я ей завидую.

Её первый сексуальный опыт произошёл с мальчиком в центре лечения рака. На тот момент ему было семнадцать, а ей всего пятнадцать. И она с гордым блеском в глазах рассказала мне каждую деталь. И это было так

вдохновляюще, словно она ничему не позволяла встать у неё на пути. В ту ночь, стоя на постаменте и ожидая, пока меня продадут, я призывала её внутреннюю силу.

— Соф? — зовёт она, вытягивая меня из далёких мыслей. — Ты в порядке?

— Я скучаю по нему, — признаюсь я тихонько. — Безумие, верно?

— Не безумие. Из того, что я слышала, при расставании это вполне нормально.

— Я с ним не расставалась. Он не был моим парнем. Он же женат, помнишь? — я рассказала Бекке почти всё — о своём с ним

проживании, о том, как мы стали ближе, и о том, как мы были голыми в бассейне, когда к нему домой среди бела дня заявила его жена. Конечно, Колтон пытался меня остановить, но меня заняла гостиная его особняка, неожиданно ставшая холодной и чуждой. Я ожидала, что он попытается отрицать, попытается объясниться мне всё, но, к сожалению, всё оказалось правдой. Стелла была его женой. Всё это время он был женат.

— Технически. Но я всё ещё думаю, что тебе необходимо продолжение истории. Очевидно же, что его жена там не жила. Как долго они жили отдельно?

Я пожимаю плечами.

— Он не занимался сексом два года, — если он не солгал и об этом. Я не знаю, во что верить.

— Это, чёрт возьми, настоящая засуха. И если он настолько горяч, как ты рассказываешь, то... не похоже, что ему не предложили бы, верно?

И, как раз-таки, я вхожу в число тех, кто предлагал. Я краснею, осознав, что практически положила и преподнесла ему свою вагину на серебряном блюдечке, а он несколько раз её опрокинул. Этого достаточно, чтобы у девушки образовалась низкая самооценка.

— Послушай, это нормально —

скучать по нему. Нормально чувствовать себя растерянной, — она тянется через пространство между нами и хватает меня за руку. Несмотря на то, что Бекка на шесть минут младше меня, она всегда казалась мудрее своих лет. Её советы чутки и уместны. Она опрокидывает остаток вина. — Но мы в чёртовом Риме — в девчачьей поездке, которая может произойти лишь раз в жизни, а потому хандра не допускается. Мы собираемся весело провести время.

Ура, веселиться. Моё сердце, кажется, пропустили через измельчитель для бумаги. Я киваю и выдавливаю улыбку. Бекка права. Эта поездка действительно может

оказаться единственной в нашей с Беккой жизни. Кто знает, что принесёт будущее. Я не могу тратить время на жалость к себе. Конечно же, легче сказать, чем сделать.

Я скучаю по постели Колтона, его запаху, ощущению его грубой щетины на своей щеке, когда мы целовались. Я скучаю по всему, что связано с ним. Просто всё то, что я полюбила, пока мы с ним сближались, внезапно вырвали из меня, оставив в груди зияющую пустоту.

Я стараюсь выбросить из головы все мысли о нём, допивая остаток своего вина, и окидываю взглядом окружающую нас очаровательную

обстановку, надеясь, что эта поездка станет тем самым отвлечением, в котором я нуждаюсь.

Стук в гостиничную дверь нашего номера на следующий день удивляет нас обеих. Мы обмениваемся взглядами. Бекка пожимает плечами, в то время как я пересекаю комнату, чтобы открыть дверь. По крайней мере, мы обе одеты.

Как только дверь распахивается, я отшатываюсь, встречаясь взглядом с тёмными, напряженными глазами, обрамлёнными густыми ресницами,

которые узнаю где угодно.

— Колт... — бормочу я, совершенно потрясённая тем, что вижу его здесь, в Италии.

— Соф... — возвращает он скрипучим голосом.

— Ч-что ты здесь делаешь? — задыхаюсь я, сама не зная почему.

— Ты, — просто отвечает он, удерживая своими горящими глазами мои.

И в мой разум сразу же врывается всё, что я пыталась забыть. Его глубокие голубые глаза, голодные и ищущие. Его мужественный подбородок, рост и даже запах вызывают во мне чувство дежавю. Я помню всё, в мельчайших деталях,

включая порочное удовольствие, которое он подарил моему телу. Я подавляю в себе тёплую дрожь.

— Привет, кексик, — произносит Пэйс, ухмыляясь мне позади Колтона.

Какого чёрта? Я вспоминаю о манерах и позволяю своему взгляду оторваться от Колтона, приветствуя Пэйса и заодно представляя его Бекке. Растерявшись из-за их присутствия здесь, я отхожу в сторону и впускаю их.

Бекка широко улыбается, пожимая руку Пэйса, тем самым напоминая мне о влиянии, которое он оказывает на девушек при первой встрече. Её щеки разрумянились, а

глаза светятся озорством. Ох, не к добру это...

— А это, должно быть, печально известный Колтон Дрейк, — говорит она следом, оценивая взглядом Колтона.

Оттого, как моя сестра оценивает идеальное телосложение Колтона с головы до ног, в моей груди становится тесно, и я чувствую, как глаза начинают жечь слёзы. А затем во мне поднимается гнев, когда я вспоминаю о его предательстве. Однако у меня сейчас такое шоковое состояние, что мне требуется время, чтобы мой рот вновь заработал.

— Игнорируй его. Он уходит, —

произношу я, вспоминая о том, что нас связывало.

— Боже, не будь такой, — бросает Пэйс. — Мы провели десять часов в эконом-классе, только чтобы увидеть тебя. Самое меньшее, что ты можешь сделать, — так это пригласить нас войти и позволить мне пофлиртовать с твоей сестрой, — его кривая улыбка возвращается на место, и, клянусь, я практически вижу, как у Бекки появляется слабость в коленках.

— Полёт эконом-классом из-за меня? — пробалтываю, не подумав.

— Это был единственный вариант. Реактивный самолет был недоступен. Я же хотел полететь

ближайшим рейсом, а первый класс был переполнен, — объясняет Колтон.

Я пытаюсь представить этих двух мужчин — рост каждого из которых составляет более шести футов — скрюченных в тесных сидениях самолёта на протяжении нескольких часов подряд.

— Это любовь, — отмечает Пэйс, шепча себе под нос.

— Вы тут живёте? — Колтон оглядывает крошечный номер, что занимает не более трёх секунд.

На поездку в это место потратилась, в первую очередь, я, и мне не хотелось тратить драгоценные деньги на авиабилеты первого класса

или шикарный номер в отеле. Хотя Бекка и хорошо реагировала на лечение до сих пор, нет никаких гарантий, что она останется здоровой или же что ей не потребуется ещё один раунд дорогостоящих лекарств.

— С номером что-то не так? Он не отвечает твоим высоким стандартам? — высказываюсь я, складывая руки на груди.

Он хмурится.

— Позволь мне сделать так, как лучше для вас. Я отвезу вас в более подходящее место, — просит Колтон, пытаясь потемневшими глазами найти мой взгляд.

Да как он смеет? Он не может

просто так явиться сюда, прервать мой отпуск и оскорблять место, в котором я живу. Он ничего не контролирует. Возникшее желание вытолкнуть его из комнаты и захлопнуть дверь перед носом становится почти подавляющим. Я глубоко вдыхаю, а он, прочитав неестественное выражение моего лица, делает шаг назад.

— Не бери в голову. Если тебе так комфортно, — он оглядывает простыни, словно проверяя их на наличие клопов.

Мудак.

— Так и есть, — или, по крайней мере, было до тех пор, пока он не появился тут из ниоткуда,

полностью отбрасывая мои мысли в ступор.

Пэйс пересекает номер, достаёт стул и плюхается на него. Его тело затмевает всё, что находится в нашей крошечной комнате. Выглядит он неуместно, но в хорошем смысле.

— Я даже не представлял, что у тебя есть сестра. Сексуальность, очевидно, семейная черта, — он подмигивает Бекке.

— Мы близняшки, — сообщает она ему.

Мы всегда слегка отличались друг от друга внешне, а сейчас и подавно. Волосы Бекки, вновь отросшие, волнистые и беспорядочные, спускаются до плеч.

Мои же, прямые, точно стрела, плотной завесой спадают вниз по спине. К тому же она на пятнадцать фунтов тоньше меня. Ещё бы, как бы выглядели вы после химиотерапии.

— М-м-м, — мычит Пэйс, блуждая глазами между нами. — У меня всегда были тайные фантазии о близняшках, — голодный взгляд в его глазах вполне может поставить женщину на колени. У Бекки нет никаких шансов против его чар.

Колтон шагает в мою сторону, сжав кулаки и стреляя злобным взглядом прямо в Пэйса.

— Не вынуждай меня убивать тебя сразу после приземления. Это омрачит поездку.

— Не вынуждай меня конфисковывать твои яйца. Теперь иди и поговори со своей женщиной, — парирует Пэйс.

Мой рот открывается, чтобы поправить его. Я — ничья, но мой мозг возвращается в прошлое, к той ночи, когда Колтон купил меня на аукционе. И я приняла деньги — а также потратила хорошенький их кусок. Значит ли это, что я всё ещё принадлежу ему, несмотря на то, что узнала о том, что он женат?

Я проклинаяю этот дурацкий контракт, как и этого мужчину, удерживающего моё сердце в плену. Это никогда не было частью плана.

Когда я вновь встречаюсь с ним

взглядом, он выглядит потерянным, сломленным, и это задевает что-то глубоко во мне. Несмотря на гнев, который я ощущала с того момента, как обнаружила, что он лгал мне, у меня всё ещё есть к нему чувства. Я не могу просто отключить их. Несмотря на его очевидные недостатки, он помог моей сестре и заставил меня почувствовать себя живой. Он всё, чего я хочу, хоть никогда и не подозревала об этом.

— Мы можем выйти на минутку в холл и поговорить? — спрашивает Колтон мягким шёпотом.

— Выслушай его, малышка. Сделай это для меня, — просит Пэйс, пуская в полную силу свои

ямочки, зная, что они действуют безотказно. Идиот.

Я сглатываю и незаметно киваю, прежде чем следую за ним в холл. Он пролетел полмира — меньше, что я могу сделать, так это выслушать его объяснения. Может, это даст мне столь необходимое завершение. Может, я смогу получить ответы, которые мне необходимы, чтобы двигаться дальше, и к тому же сумею выяснить, что будет с той огромной суммой денег. Он так и не довёл до конца свою часть сделки: я всё ещё девственница.

Когда мы выходим в коридор, Колтон встаёт передо мной, глядя мне прямо в глаза.

— Так, это Бекка, да? — он наклоняет голову в сторону двери.

— Ага.

— Она хорошо выглядит, то есть, здоровой.

Я киваю.

— Да, лечение помогло, — до сих пор. За две недели она перешла на другую стадию, но после всего, что произошло, полагаю, это самое подходящее время, чтобы уехать — для нас обеих. Мы с ней никогда раньше подобного не делали, но это вошло в планы, чтобы, наконец, действительно начать жить.

Он кивает.

— Вижу.

Мы молчим несколько секунд, и

рука Колтона дёргается, словно он хочет до меня дотронуться, но не делает этого. Спасибо тебе, Господи.

— Был ли твой побег в другую страну способом не иметь дел со... Стеллой?

Я невольно вздрагиваю. Мне ненавистен сам факт того, что он произнес её имя. Это сразу вызывает в моём воображении образы того дня в бассейне, когда весь мой крошечный мирок рухнул. В Италии её имени нет места.

— Расскажешь мне? — спрашиваю я.

— Всё, что хочешь знать.

— Ты разводишься?

— Это обсуждается.

— Тогда я уйду, — я поворачиваюсь к двери, сжимая рукой дверную ручку.

— Нет. Остайся. Пожалуйста, выслушай меня, — умоляет Колтон, перехватывая мои пальцы.

Его рука на моей коже посылает вспышку тепла от воспоминаний о том, что эти руки могут делать. Он по-прежнему единственный мужчина, доставивший мне оргазм. Я вздрагиваю, словно воспоминание обожгло какую-то часть меня.

До меня доносится волна девчачьего смеха из-за двери. Приятно слышать, как Бекка развлекается, и это моментально опускает меня на землю. Я

поворачиваюсь лицом к Колтону и глубоко вдыхаю, чтобы успокоиться.

— Ты любишь её?

— Нет, — его голос уверенный, настойчивый. — Я никогда не любил её так, как должен был.

Мои плечи расслабляются, но лишь слегка. Даже если моё тело готово бежать, а голова так и кричит: «беги» — моё тело, напротив, уже привязалось к этому мужчине. И, будь то плохо или хорошо, какой-то обнаружившейся части меня, необходимо его выслушать и разобраться в этой запутанной ситуации. Возможно, если мне удастся что-то понять, я смогу двигаться дальше.

— Прошу тебя, позволь мне объясниться — это всё, о чем я прошу, — он поднимает ладони в успокаивающем жесте.

Никогда прежде я не видела его столь опустошённым и разбитым. Тёмные круги под глазами и небритость. Хотя я и согласна его выслушать, меня омывает волна тошноты. Готова ли я справиться с тем, что он мне скажет? Для поддержки я опираюсь одной рукой о стену.

— Мне нужна всего минутка...

Он выпускает тяжёлый вздох, и, клянусь, его черты окатывает сожаление.

— Я дам тебе столько времени,

сколько нужно, сладкая, — шепчет он.

Ласковое обращение на его губах давит, как тяжесть, на мою грудь. Тяжёлое сердце отзывается глухими ударами у моей грудной клетки.

Из-за двери до нас доносится очередной приступ хихиканья Бекки.

— Он, видимо, пытается избавиться её от трусиков, — произносит Колтон.

— Не думаю, что она будет возражать.

— Должны ли мы проверить своих родственничков, пока идёт твоя минута?

Я киваю. Было бы хорошо. Не думаю, что уже готова выслушать

всю подлую сказку про то, как мужчина, в которого я влюбилась, оказался женат и не собирается разводиться. Крепкий напиток может помочь мне немного облегчить боль в груди.

Мы возвращаемся в тесный гостиничный номер и обнаруживаем, что Бекка и Пэйс стоят у открытых окон, глубоко погрузившись в беседу. Никогда ещё я не видела её такой бодрой и счастливой. Она открыто флиртует и выделывается, как павлин, накручивая волосы на палец и ярко ему улыбаясь. Наши каникулы станут намного веселее.

Понимая, что мы вернулись в комнату, Бекка поворачивается ко

мне.

— Соф, ты знаешь, что Пэйс провёл семестр обучения здесь, в Риме? Он собирается взять меня на экскурсию и показать все лучшие места, которых не было в тех путеводителях, которые мы прикупили.

Слишком много кайфа для Пэйса и Колтона. Это должна была быть девчачья поездка, но я не собираюсь отказывать Бекке в чём бы то ни было, и, могу сказать, она будет рада провести больше времени в компании Пэйса. Эта чёртова кривая ухмылка и ямочки так и умоляют тебя выйти и поиграть.

— Как ты узнал, где я? —

интересуюсь у Колтона.

— Кайли, — утвердительно говорит он.

Я начинала работать с Кайли в благотворительной организации Колтона несколько дней в неделю, и было не очень хорошо оставлять её в подвешенном состоянии. Хотя я намеревалась сообщить ей только о том, что уезжаю из города, ей каким-то образом удалось разболтать меня о поездке в Рим.

— Когда вы сюда прилетели? — интересуется он.

— Вчера вечером, — хотя уже полдень, из-за смены часовых поясов и выпитого ночью вина мы с Беккой так и не распаковали вещи. На самом

деле, то, что мы поднялись и приняли душ — маленькое чудо.

— Полагаю, вы ещё не обедали. Давай тогда поедим и я всё тебе объясню, — он поворачивается к моей сестре, которая по какой-то причине сжимает бицепс Пэйса, в то время как он, с обожанием улыбаясь, смотрит вниз на неё. — Пэйс, Бекка, как насчёт того, чтобы перекусить перед началом экскурсии?

— Я в игре, — отвечает Пэйс.

— Я тоже, — трезвонит Бекка, хватая свою сумочку.

Мне хочется затопать ногами и отказаться от поездки, но лишение себя пищи кажется слишком уж детским способом, чтобы его

наказать.

— Есть обслуживание номеров, — я киваю на меню, лежащее на тумбочке.

— Мы ни за что не будем просиживать в номере весь день, Соф, — подстрекает Бекка. — Ну же, это всего лишь обед.

Я стреляю в неё злобным взглядом. Предательница. Я делаю мысленную заметку не быть к ней настолько доброй. Экономия горячей воды для её утреннего душа — разовая сделка. Возможно, она думает, что помогает, сталкивая меня с Колтом, но она не права.

Я беру кошелёк, солнцезащитные очки, евро, которые

поменяла, прежде чем мы покинули аэропорт, и следую за группой к лифту. Это должно быть занимательно.

Глава 2.

Софи

Летнее кафе — прекрасно и элегантно. Чёрные кованые столики, стулья с мягкими подушками цвета вина и плющ, растущий вдоль небольшой решётки, отделяющей улицу от летнего кафе, замыкая пространство. Небо над головой сегодня солнечное и ясно-голубое, а день не слишком жаркий, поэтому мне трудно сохранять своё кислое настроение.

Колтон заказывает белое вино из местных виноградников и, когда его

приносят, оказывается, что я никогда не пробовала ничего столь лёгкого, бодрящего и освежающего. Его безупречный вкус — ещё один повод любить его. Но я не могу на это пойти. Нет. Моё тело и так уже предаёт меня, оживая каждый раз, как он оказывается рядом. Например, когда он помогал мне сесть на стул и его рука прошлась по моей пояснице. Оставляя мою кожу пощипывать. Когда он проскальзывает на стул напротив меня, его большое подавляющее присутствие вызывает в моей груди крошечное трепыхание. Мне следует держать себя в узде.

Его глаза бродят по открытым участкам моей кожи — голым

плечам, выглядывающим из-под топа, по груди и шее, вспыхнувшим румянцем.

Я рада, что наши младшие брат и сестра берут всё в свои руки, когда дело доходит до разговора, потому что и я, и Колтон всё ещё молчим. Светские беседы, кажется, не соответствуют моему настроению, и я понятия не имею что нейтрального можно произнести. Они болтают, позабыв об окружающем мире, в то время как мы с Колтоном обмениваемся тяжелыми взглядами.

— Так на сколько вы здесь, ребята? — интересуется Бекка.

— Всё зависит... — сообщает Пэйс.

— От чего? — бросаю я вызов. Насколько я могу судить, Колтон показал свою точку зрения, показавшись здесь в каком-то мужском представлении, заявляя права на свою собственность. Вот теперь он может катиться к чёрту, я сыта по горло.

Печальные глаза Колтона скользят по моим.

— Я хочу получить шанс, — сообщает он мрачным голосом.

Шанс всё объяснить или шанс быть со мной? Я благодарна за большие всеобъемлющие солнцезащитные очки, которые скрывают мои глаза от его.

— А разве не это она сделала,

дав тебе все те недели в ЛА? — спрашивает Бекка, поспевая мне на помощь.

Слава тебе, Господи.

Нормальная злющая сестра, которую я знаю и люблю, наконец, вернулась. Я бросаю взгляд на Бекку, молча выражая благодарность.

Колтон наблюдает за нашей взаимосвязью с Беккой, несомненно, задаваясь вопросом, что же я рассказала ей о проведённом мною времени в Лос-Анджелесе. Надеюсь, он знает меня достаточно хорошо, чтобы понять, что я никогда не разглашу наш секрет.

— Я облажался. Было неправильно, не рассказать тебе... —

в отличие от того, что я слышала раньше, голос Колтона переполнен эмоциями.

— Стелла — это мега-зверь, который... — начинает Пэйс.

Колтон вскидывает одну руку, вынуждая своего брата умолкнуть.

— Нет, Пэйс. Это мой беспорядок. Мне его и исправлять.

Понятия не имею почему, но внезапно во мне разгорается желание облегчить его боль и страдания.

— Я здесь, разве нет? — произношу, встречаясь взглядом с глазами Колтона. Конечно, я не настолько храбрая, чтобы снять солнцезащитные очки, но всё же.

Его печальный взгляд

рассеивается лишь немного.

Спустя час, когда мы приходуем уже вторую бутылку вина, официантка, наконец, додумывается притащить нам обеденное меню. Я осознаю, что предложение Колтона на быстрый перекус превратилось в дело на весь день. Темп приёма пищи в этой стране совсем не похож на принятый в США.

— Давайте закажем обед, идёт? — спрашивает Пэйс, протягивая мне меню, полностью напечатанное на итальянском языке.

Нашу еду, наконец, доставляют, и, пока мы едим, Бекка рассказывает о своём лечении. Не могу не заметить, как Колтон наклоняется

вперёд на локтях, впитывая каждое слово. Он знает, что заоблачная стоимость лечения стала возможна благодаря его щедрой аукционной ставке. И, возможно, это его милосердная сторона, но по его благоговейному выражению я вижу, что где-то внутри он чувствует гордость за оказанную помощь.

Когда Бекка начинает спрашивать Колтона о его работе, он сооружает импровизированную ремарку по поводу инвестиционного банкинга, а затем запускает в детальную дискуссию свой благотворительный фонд. Они близки к выполнению своей миссии в Африке. А в новой школе, которую

он построил, в ближайшее время произойдёт торжественное открытие.

Бекка с упоением слушает его — очевидно, он большой везунчик и стал в её глазах ещё лучше.

— Софи не хватает на работе. Она оказала большую помощь за те недели, когда Кайли навёрстывала упущенное, — он тянется к моей руке, и я убираю её под стол.

Хотя вокруг меня жужжат разговоры, я едва справляюсь. Моя голова переполнена вопросами о браке Колтона с женщиной, которую, по его признанию, он не любит. Почему же он женился на ней? Где она была, пока я спала в их постели?

Сейчас вся моя связь с ним кажется позорной.

Несмотря на наш сомнительный старт, я начала верить, что он вошёл в мою жизнь неспроста. Отправленный ко мне как ангел-хранитель, дабы исцелить Бекки и пробудить мою сексуальность. Я потратила два месяца, живя с ним, становясь ближе, влюбляясь в него.

Теперь я ещё больше задаюсь вопросом о том, почему он никогда со мной не спал. Это потому, что он не хотел изменять своей жене?

— Софи? — голос Колтона прорывается в мою голову. — Ещё вина?

Я качаю головой.

— Лучше просто вернусь в отель.

Он проверяет свои часы и хмурится.

— Ладно. Всё должно быть в порядке.

Мы заканчиваем наш обед, состоящий из салата, горячего хлеба, белого вина и нескольких бутылок газированной воды. После Колтон оплачивает обед, а Пэйс и Бекка, слегка навеселе, поднимаются из-за стола и охотно отправляются на исследование.

Всю дорогу обратно в отель Колтон и я молча идём бок о бок. Но тут столько новых впитываемых мною видов, запахов и звуков, что я с

трудом замечаю тяжёлую неловкую тишину, поселившуюся между нами. Простое перемещение по неровным мощёным улочкам в моих сандалиях требует доли концентрации.

Когда мы добираемся до отеля, Колтон открывает дверь и пропускает меня, а его тёплая ладонь вновь ложится на мою спину, вызывая прилив покалывания в этом месте.

Молодой человек, одетый в униформу отеля, останавливает нас в холле.

— Новый ключ для вас, Мисс, — его итальянский акцент ласкает слова, делая их звук гораздо сексуальнее, чем есть на самом деле.

— У меня есть ключ, — поднимаю его вверх.

— Да, но этот от ваших новых апартаментов. Семнадцатый этаж, — он кладёт ключ-карту в мою руку, забирая, тем временем, старую.

Помню, как Колтон остановился, переговариваясь с консьержем приглушенными голосами, прежде чем мы покинули отель. Это его рук дело?

Он поднимает бровь и пожимает плечами.

— Я просто хотел, чтобы тебе было удобно.

Я прикусываю язык, лишь бы не сболтнуть, что мне было удобно, пока не появился он и не вмешался в

нашу поездку, но глубоко внутри я знаю, что он всего лишь пытается быть милым, что раздражает настолько же сильно. Он не может вернуть меня заботливыми жестами и ласковыми словами. Назовите меня сумасшедшей, но у меня существует правило по поводу встреч с женатыми мужчинами: я с ними не встречаюсь.

— Тебе не следовало, — выговариваю я и поворачиваюсь к лифту, многократно ударяя по кнопке большим пальцем. Замечаю ожидающего рядом со мной Колтона и одариваю его острым взглядом. — Полагаю, ты можешь подождать в холле, пока Бекка и Пэйс закончат

осмотр достопримечательностей.

— Ты обещала, что мы поговорим, — произносит он, в его голосе чётко слышится недовольство.

Да, но это было до вина и тех собственнических пристальных взглядов, которыми он «угощал» меня весь обед. Прямо сейчас я не доверяла себе наедине с ним в одной комнате.

— Не думаю, что нахождение наедине в номере отеля с женатым мужчиной — правильно.

Он испускает низкий разочарованный рык и затаскивает меня в лифт, как только двери открываются.

В моей голове звучит

предупреждение. Я намереваюсь остаться наедине с мужчиной, который по-прежнему обладает властью над моим сердцем, несмотря на его недоступное семейное положение.

Будь сильной, Софи.

Колтон

Я прижимаю Софи к стене лифта, руки сжимаются в кулаки над её головой. Все силы, направленные на то, чтобы не толкнуться своими бёдрами в её и не заявить права на её рот, занимают каждую унцию моего самообладания. Я знаю, что потерял все права, но моё тело отказывается

ЭТО ПОНИМАТЬ.

Мне видно, как колотится пульс на её шее, когда я наклоняюсь к её уху.

— Не дави на меня сейчас. У меня эмоции, блядь, через край, и могу тебя заверить, что это ново для меня.

Она кладёт обе свои руки на мою грудь и отталкивает меня на несколько шагов.

— О, эмоции через край? Поставь себя на моё место (прим. пер.: дословно: примерь мою обувь), — её голос поднимается в отчаянии. — Я была полностью обнажённой в твоём чёртовом бассейне, пытаюсь тебя соблазнить, когда заявила твоя

жена, — последнее слово вылетает из её рта плевком, словно бомба.

— Ты сбежала прежде, чем у меня появилась возможность объясниться. Ты не отвечала на мои звонки, и я тут же пролетел шесть тысяч миль только для того, чтобы всё с тобой разъяснить, — я делаю глубокий вдох и выпрямляюсь. Спор с ней не увенчается успехом. Конечно, она имеет право злиться. — Послушай, Соф. Мне нужно было тебя увидеть. И я поднимусь наверх, чтобы поговорить с тобой.

После напряжённого противостояния её взгляд падает на пол, когда она осознает, что дальнейшие переговоры будут

бессмысленны.

— На каком я этаже?

— Верхнем, — отвечаю. У них самый лучший номер. Очевидно.

Осознав, что мы просто так стоим в неподвижном лифте, который ещё даже не оторвался от уровня земли, она осторожно протягивает руку и нажимает кнопку. Мой рот приподнимается в улыбке. Прогресс.

Согласно моим инструкциям, багаж Софи и Бекки переместили в новые апартаменты. Здесь есть гостиная средних размеров, две отдельные спальни, каждая со своим санузлом, и крошечный балкон с видом на фонтан во внутреннем

дворике. У неё уходит не больше минуты на то, чтобы сориентироваться в номере, она легонько пробегается пальцами по позолоченной антикварной тумбе и наклоняется, чтобы почувствовать запах свежей композиции из белых цветов на журнальном столике.

Я трачу каждую секунду, просто впитывая её. Хотя и прошло-то всего три дня с тех пор, как я видел её, держал в своих руках, засыпал с её теплым телом рядом, они казались очень долгими. Честь дотронуться до неё сорвана, и моё тело бунтует в безмолвной агонии, сердце болит, а кулаки беспомощно сжимаются и разжимаются по бокам. Я, блядь,

ненавижу это.

Нам нужно поговорить, как цивилизованным взрослым людям, но хрен его знает, как начать.

— Соф... — приступаю я.

— Колт... — говорит она в то же время.

Мы делим неловкую улыбку.

— Присаживайся, — я жестом указываю на диван — нейтральную территорию — и она подчиняется, выскользывает из сандалий и подворачивает ноги под себя, опускаясь на подушку подальше от меня.

— Спрашивай у меня всё, что хочешь знать. Больше никаких секретов, — обещаю я.

Покачиваясь на одном колене вверх вниз, она крутит кольцо на своем пальце.

— Как долго вы были женаты?

Я тяжело вздыхаю и рывком запускаю пальцы в свои волосы. Гораздо дольше, чем я хочу признавать.

— Если ты попытаешься скрыть... если будешь уклоняться... — она сглатывает.

— Всё, что хочешь знать. Даже если правду слышать тяжело, — подтверждаю я. Как бы я ни хотел защитить её от этой уродливой правды, я не стану этого делать. Нет, если она этого не хочет. — Я женат уже четыре года. Из которых два

последних мы живём даже не в одном штате.

— Почему в тот день она была в твоём доме?

— Хрен её знает. Мы пытались уладить наш развод в течение долгого времени. Но ни один из нас, как видно, не может прийти хоть к чему-нибудь.

Облизывая губы, она обдумывает эту информацию.

— Это она — причина, по которой ты ездил в Нью-Йорк?

— Да, Стелла живёт со своим бойфрендом в Нью-Йорке. Я отправился туда, чтобы попробовать поговорить с ней об условиях развода лицом к лицу. Не сработало.

На её лбу образуются морщинки.
— У неё есть бойфренд?

Киваю.

— Наш садовник. Я обнаружил, что они начали трахаться, после нашей свадьбы.

Её рот недовольно опускается:

— Ох.

— Получается, что она никогда меня не любила, и хотя моя семья предупреждала меня о её мотивах, я их не видел. Я хотел женщину в своей жизни и не знал... — рассеяно тру виски. — Может, это как-то связано с тем, что я потерял мать в таком молодом возрасте... Но мне понравилась компания, общение, кто-то, кто был на моей стороне.

Кто-то заботливый и любящий, с кем можно было разделить свою жизнь, — я похож на совершеннейшую киску, но именно так я видел мир в двадцатичетырёхлетнем возрасте. И Стелла была идеальной женой-трофеем, сопровождающей меня на рабочие мероприятия и одевающейся по последней моде, с вечно счастливой улыбкой на губах. Жаль только, что всё это было фальшью.

— Что случилось? — спрашивает мягким тоном Софи.

— Всё изменилось, как только мы обручились. Я думал, что это просто стресс из-за планирования свадьбы — она хотела, чтобы свадьба была событием десятилетия, о

которой вся элита Лос-Анджелеса жужжала бы долгие годы — она слишком много давления возложила на себя, планируя её. На тот момент я не замечал, что всё это делается для зрелища. Тут дело было больше в платье, вечеринке и французском шампанском, чем во мне и ней.

Софи жуёт губу, внимательно слушая. Хрен его знает, зачем я всё это вываливаю... но что-то подсказывает мне, что если я питаю надежду на спасение отношений между нами, мне нужно оголить душу.

Прочистив горло, я продолжаю:

— И, хотя братья пытались меня отговорить, я убедил себя в том, что

всё будет хорошо. Я не собирался отменять свадьбу просто потому, что моя fiancé (прим. пер.: в переводе с французского «невеста»), стала превращаться в капризную невесту. Я считал, что всё уляжется после свадьбы.

— Но этого не произошло? — тихо спрашивает Софи.

— Нет. Она отдалилась и стала холодной. Совсем не той улыбающейся очаровательной девушкой, в которую я влюбился с самого начала. Как только на её пальце очутилось кольцо, а чернила на брачном свидетельстве просохли, она превратилась в совершенно другого человека. В ту, какой, как я

подозреваю, она и была всё время. Она играла со мной. Вышла за меня замуж ради денег, а я влюбился в неё, как последний дурак.

— Мне жаль, Колт... — начинает она.

— Нет, надо, — не она должна передо мной извиняться. Головная боль, которую я чувствовал ранее, вернулась, отдаваясь пульсацией в висках. Я продолжаю: — После игрушек Стеллы с перетягиванием меня, мне стало невыносимо даже думать о том, чтобы довериться другой женщине. Проживая последние два года отдельно, я пытался ходить на случайные свидания. Мне не хотелось, на самом

деле, но мои братья иногда подсовывали мне женщину. За каждой милой улыбкой и каждым кокетливым взглядом находился кто-то, кто был заинтересован лишь в пачке банкнот и образе жизни, который я мог обеспечить. Я хотел искренних отношений, а не трофейную жену. Но вскоре осознал, что с моим статусом и состоянием, настоящую любовь найти будет не так-то просто.

— Зачем же ты пошёл на аукцион? — замешательство отражается между её бровями, пока она ждёт моего ответа.

— Грубо говоря? — ухмыляюсь я.

Она кивает мне, чтобы я продолжал.

— У человека есть свои пределы. Сдерживаемая сексуальная неудовлетворенность в течение двух лет... я был чертовски возбуждён. и мне нужно было заняться сексом.

Её рот дергается в улыбке.

— Это совершенная правда. Я точно знал, за что платил, без всяких шансов на чувства или ложные обещания.

— Почему бы просто не нанять эскорт?

Я пожимаю плечами. Эта мысль проскакивала в моей голове несколько раз.

— Полагаю, я не тот парень,

который бы нанял эскорт. Мне хотелось чего-то более разумного. Я не мог допустить, чтобы информация просочилась. Руководители компаний, пойманные за наймом проституток, обычно заканчивают в вечерних новостях.

Она кивает в молчаливом понимании.

— В аукционе мне понравилось медицинское тестирование и соглашение о неразглашении и конфиденциальности, которое мне обещали. Плюс дружеское общение, которое покрывало нас прежде.

— Но ты никогда... мы никогда...
— она останавливается.

— Я никогда не трахал тебя, —

заканчиваю я за неё.

Она поднимает подбородок в негодовании.

— Почему же нет? Это потому, что ты бы чувствовал, что изменяешь ей? — спрашивает она, большими голубыми глазами глядя в мои.

Я протягиваю к ней руку и перетаскиваю её к себе на колени, не в силах сопротивляться физическому теплу, которое она дарит.

— Нет. Так было потому, что иначе я бы чувствовал себя так, словно обманываю тебя. Ты заслуживала большего, и я это знал.

Её нижняя губа дрожит, и желание втянуть её к себе в рот разгорается внутри меня с новой

силой.

Убрав свою руку обратно, Софи поднимается на ноги.

— Ты не можешь так говорить, — в её глазах появляется гнев, и я не могу произнести ни слова. Не могу даже вообразить себе все те мысли и эмоции, которые роятся в её голове. Поэтому даже не пытаюсь. Она идёт к окну и торжественно выглядывает наружу.

Поднявшись на ноги, я становлюсь за её спиной, борясь с желанием затащить её обратно.

— Я не могу потерять тебя, — шепчу. — Не тогда, когда я, наконец, почувствовал, будто моя жизнь возвращается на круги своя. Ты была

недостающей частью. Ты была сыром для моих макарон, — я слегка улыбаюсь, в надежде, что она помнит.

Она поворачивается ко мне лицом. Её мягкий пристальный взгляд приклеивается к моему, и, могу сказать, мы оба вспоминаем то время, проведённое вместе. Эти ощущения просто прекрасны.

— Я не могу сделать этого, Колтон. У меня зарождались настоящие чувства к тебе.

Зарождались? Знаю, я влюбляюсь в неё, и это чертовски ужасает. Я отгоняю подальше мысль, вновь пытающуюся меня убедить, что мой интерес к ней связан лишь с

договоренностью.

— Ты женат, — напоминает она мне.

Растоптав свои эмоции, я сглатываю:

— Только юридически. И, если сумею заставить её согласиться с условиями, я подпишу развод...

— Подожди. Так это ты не даёшь развод? — гнев вспыхивает в обычно спокойных голубых глазах Софи. Перемена в ней очевидна. Похоже, я ненароком споткнулся о какой-то провод, и бомба вот-вот взорвётся. Делаю неуверенный шаг.

— Да.

— Но... Я не понимаю...

Блядь. Как ей объяснить это, не

расстраивая ещё больше?

— Если я разведусь с ней, она победит. Она заберёт половину всего, плюс я буду обязан выплачивать ей алименты, — дело не в деньгах — ладно, полагаю, именно так, потому что мои миллионы, выделенные на проект в Африке окажутся под угрозой. И это значит, что я попадусь на удочку. Стелла — один, Колтон — ноль. Но хуже того, финансирование школы, больницы и все те проекты, которые я планировал, — всё это остановится, поскольку все мои деньги пойдут на судебные тяжбы. Я не позволю своей личной ошибке (прим. пер.: дословно: проёб (fuckup)) стать причиной такой

разрухи. Я пожертвую каждым центом, который у меня есть, на эту благотворительность, но не отдам и доллара Стелле на Маноло Бланик (прим. пер.: дизайнерская женская обувь Manolo Blahnik), пока дети голодают. Нет, блядь.

— Ты... — её глаза широко распахиваются, а потом закрываются. — Вы не составили брачный договор, а теперь твоя мужская гордость слишком, чёрт возьми, твердолоба, чтобы принять удар по финансам, — она моргает, глядя на меня, отчего что-то глубоко внутри моей совести начинает ворочаться.

Она права насчёт брачного

договора, я облажался. В двадцатичетырёхлетнем возрасте, когда мы связывали себя узами брака, я думал, что люблю. Но в остальном она ошибается.

— Это не имеет ничего общего с мужской гордостью. Моя цель всё время состояла в том, чтобы переждать и закончить мой проект в Африке до завершения развода. Не отдавать деньги на какой-то судебный процесс, а, пока могу, делать с ними что-то, чёрт возьми, в самом деле полезное.

Софи смотрит на меня осуждающим взглядом, а её непреклонная поза вынуждает меня заметить, что, возможно, ничем

хорошим это не кончится. Пережив Стеллу, мне стала нужна женщина, которая поймёт мое стремление и желание видеть в мире хоть что-то хорошее. Я думал, что Софи будет такой женщиной. Но, пожалуй, это не так. Я делаю успокаивающий вдох, изо всех сил пытаюсь очистить голову.

Софи, придерживаясь нерушимой осанки, пересекает номер и подходит к дальнему окну, выходящему на внутренний дворик. Сделав лишь несколько шагов, я останавливаюсь за её спиной и вдыхаю аромат её волос.

— Соф... — бормочу я.

Её плечи расслабляются, и она всхлипывает в плаче.

Развернув её к себе, я вижу, что её лицо покраснело, а по фарфоровой щёчке скатывается одинокая слезинка.

— Не плачь, — я смахиваю влагу большим пальцем. — Ты — всё, чего я хочу. С остальным — Стеллой, бумагами — я разберусь. Мне всего лишь нужно время. И твоя вера в меня, — я не знаю, почему вдруг это оказалось таким важным для меня, но это так. Её глаза медленно закрываются, но она не отступает. И это только начало.

Никогда раньше я не пресмыкался так, как сейчас, но, с другой стороны, никогда раньше я и не чувствовал к женщине ничего

столь сильного, как к Софи. Не в силах сопротивляться желанию прикоснуться к ней, я провожу кончиками пальцев вдоль её незащищенной руки, осторожно лаская гладкую кожу.

Софи сглатывает и моргает, глядя на меня. Я наклоняюсь вниз, чтобы опустить свой рот на её, и шепчу у её губ:

— Ты моя, сладкая.

Мой член был полутвёрдым на протяжении всего обеда, но сейчас, когда мы остались наедине, зверь требует внимания. Я проехал тысячи миль, чтобы заставить её слушать, а теперь — последнее, что я хочу делать, так это говорить. Я жажду её,

будто наркотик.

Её рот приоткрывается, и я пользуюсь случаем, нежно целую её полную нижнюю губу, а потом верхнюю, аккуратно осыпая сладкий ротик нежными поцелуями.

Её руки сжимают в кулаки мою рубашку, и на мгновение мне кажется, что она собирается оттолкнуть меня, но она, напротив, притягивает меня ближе, отчего мои поцелуи из целомудренных ровно за две секунды перерастают в горячие. Понимание того, что я не потерял её, отправляет по телу трепет.

Мой язык толкается сквозь её приоткрытые губы, лаская. Я так скучал, чёрт возьми, по всему тому,

что этот рот может делать. А бушующая эрекция в штанах помнит всё слишком хорошо.

Во мне вспыхивает потребность попробовать её, поглотить каждую её частичку. Мысль о кровати в соседней комнате вынуждает мой мозг вращаться от возможностей. Я хочу больше. Я хочу всё, что она может мне предложить, но заставляю себя замедлиться и встретиться с ней глазами, проверяя их на наличие любых признаков неудовольствия. Её взгляд выражает чистую неприкрытую жажду.

Моя рука скользит под подол юбки, которую она надела. Если бы она знала о тех мрачных мыслях, что

поселились в моей голове сейчас, то не стала бы носить её в моем присутствии. Но она, кажется, пребывает в блаженном неведении о том, что я хочу трахнуть её жестко и быстро, пока у неё не заболит всё тело, а ноги не подкосятся от моего неоднократно пронзающего её члена.

Мужчина, которого она знала и который учился сдержанности и контролю на каждом шагу, сейчас исчез. Не в силах сдерживаться, я скольжу рукой вверх по внешней стороне её бедра, чувствуя, как она дрожит, но не вырывается. Не шевелит ни единой мышцей.

Обвив её рукой, я ладонью накрываю её ягодицу, мягкую и

тёплую, и сминаю сочную плоть в руке. Она сводит меня с ума от желания. Я хочу её задницу. Каждую её частичку.

Преисполнившись смелости, я запускаю один палец под резинку её трусиков и ощущаю, как её дыхание прерывается. Правильно, малышка. Позволь мне коснуться тебя.

— Ты ведь хочешь этого, не так ли? — шепчу я у её ключицы.

Она качает головой.

— Не лги мне, сладкая.

Я провожу пальцами вдоль её шелковистых складочек. Она уже влажная от желания. Мой палец проникает в её щелку, раздвигает губы и находит клитор. Подушечкой

кружит по маленькому комочку нервов, чувствуя, как он набухает. Да, чёрт возьми. От воспоминания о том, как я заполучил её в первый раз, член наливается кровью, становясь твёрдым как скала, почти причиняя боль.

Руки Софи по бокам стиснуты в кулаки, и выглядит она так, словно с чем-то борется. Лоб испещрён морщинками, а дыхание неустойчивое, но она не отходит, а поддаётся бёдрами навстречу моим прикосновениям, наклоня бёдра так, чтобы я мог потереть её клитор под прямым углом. Её тело хочет этого, но разум говорит: «нет». И, полагаю, её руки крепко сжаты лишь

для того, чтобы удержаться и не потянуться коснуться меня. Конечно, она чувствует мою неистовую эрекцию, прижимающуюся к её бедрам.

Всё в порядке, ты можешь коснуться его, детка.

Пожалуйста, блядь, коснись его.

Я хочу почувствовать, как её маленький кулачок окружает моё естество, сжимая его. Мне кажется, что я скоро умру, если она не потрогает меня. Я в двух секундах от того, чтобы вытащить член и начать поглаживать его, пока не кончу.

Как только Софи начинает тихо похныкивать и, могу сказать, стремительно приближаться к

освобождению, она делает шаг назад, прочь из досягаемости, так что моя рука выскользывает из её трусиков. Глаза у неё голодные, с плавающими в них невысказанными эмоциями.

Дерьмо.

Глава 3.

Софи

Глаза Колтона скользят по моей фигуре, словно проверяя, в порядке ли я, прежде чем вновь остановиться на моих глазах. В этом нет ничего нормального, но я не в силах его остановить. Я боюсь этого огромного количества чувств нему, но также мне страшно и отпустить его, поэтому я делаю единственное, что могу — отдаюсь интуитивному удовольствию, пробежавшемуся по мне, вымаливая сладкое освобождение. Моё тело

практически вибрирует от потребности в нём, но мне необходимо время, чтобы осмыслить происходящее, поэтому я делаю шаг назад.

— Не беги от этого, — мурлычет он.

Придвинувшись ближе, Колт цепляется руками за мою талию, длинными пальцами впиваясь в бёдра, приподнимая меня. Мои ноги обвивают его торс, а сердцевина ищет трения о твёрдый хребет в передней части его штанов.

Я задыхаюсь от безумного смешения эмоций и неукротимого чувства, настигшего мой организм. Мне следует остановить его,

отодвинуть, но я не хочу этого делать. Мне не хватало этой его стороны. Неожиданно у меня возникает желание оказаться на коленях с его горячим массивным членом во рту. Воспоминания о проведённых нами вместе неделях доверху затопляют мои чувства, лишая возможности отвернуться.

— Колт... — шепчут мои губы. А я понятия не имею, о чём прошу и о чём его мягкие глаза умоляют мои.

Он без усилий удерживает мой вес, обеими руками поддерживая меня под задницу. Мне хочется, чтобы его пальцы снова... Я была так близко. А сейчас взвинчена и растеряна.

— Я потерялся в тебе. Я не могу позволить тебе уйти, — произносит он, оставляя на моих губах ещё один поцелуй. Он на мгновение заглядывает в мои глаза. На меня не должны влиять прерывистые нотки его голоса и то, как его тёплая ладонь скользит по моей выпирающей тазовой кости. Я не должна жаждать его прикосновений, но это так. Мне не хватало его. Я скучала по этому. По этой растущей связи между нами. Она забирает каждую унцию моих сил на сопротивление ему.

Прежде, чем всё полетело к чертям с появлением его жены во второй половине дня, я чувствовала, что мы движемся вперёд, к чему-то

настоящему — если не к любви, то к чему-то близкому. Я неопытная, но, учитывая шансы, знала, что могу влюбиться в Колтона Дрейка. А это означает, что пустить его в мой номер, позволить целовать меня, смотреть в мои глаза и сломать все мои стены — опасный шаг. Моё сердце на грани. Но он разыскал меня и пересёк полмира. Это же должно что-то значить, верно?

— Сладкая, — бормочет он хрипловатым тоном, который, как я поняла, означает, что он возбуждён.

Голос пропадает, как и слова протеста, погибающие у меня в горле. Я должна сказать ему «нет». Мне нужно заставить его уйти. Он

сделал то, что нельзя исправить. Он вынудил меня поверить в его одиночество, неделями скрывая правду. И теперь я задаюсь вопросом: рассказал ли бы он мне когда-нибудь об этом, не появись тогда Стелла? Несмотря на свои женские инстинкты, я отдала ему всю себя. Даже была готова подарить ему свою девственность.

Кончики его пальцев начинают двигаться под моей юбкой, вытягивая меня из мыслей. Моё естество начинает гореть с осознанием того, что его умелые пальцы находятся в нескольких сантиметрах от того места, где они мне нужны. Да, да, да. Трусики насквозь мокрые и я

раскачиваюсь напротив него, но мой хриплый голос противоречит всему, о чём кричит моё тело:

— Нет... я не могу... — я распутываю ноги с его талии и опускаюсь на пол.

— Ты хочешь этого так же сильно, как и я, — говорит он голосом глубоким и уверенным.

Мои глаза поднимаются к его, видимо, рассказывая ему всё, что ему нужно знать. Моё желание по отношению к нему написано прямо на моём лице. Мысли выдают меня. И Колтон пользуется этим в полной мере, наклоняясь и вновь целуя меня.

— Скажи мне, что шанс всё ещё есть, — шепчет он у моих губ.

Я сглатываю, но не могу ответить. Не могу доверять самой себе, что скажу что-нибудь правильное. Я веду внутреннюю дискуссию, задаваясь вопросом, смогу ли я довериться ему снова, если всё-таки впишусь в его образ жизни...

Искрящийся женский смех и звук открывающейся двери приводят меня обратно в чувства.

Бекка и Пэйс втекают в комнату, неся между собой полдюжины сумок.

Моё здравомыслие возвращается, и я включаю серьёзный тон, поворачиваясь к Колтону:

— Самое время вам, парни,

уйти.

Пэйс и Бекка прощаются, в то время как я стараюсь не встречаться взглядом с потемневшими глазами Колтона. Потому что знаю, что, сделав это, растеряю всю свою решимость. Я всё ещё не оправилась от того поцелуя — моё тело разгорячено, а кровь бурлит в венах.

Он впивается в меня обжигающим взглядом и наклоняется так близко, что я могу почувствовать запах его одеколона. Головокружительный эффект.

— Это ещё не конец. Развлекайся с Беккой, а мы поговорим, когда ты вернёшься домой.

Хотелось бы мне сказать ему, что он ошибается и мы закончили, но понимаю, что не в состоянии что-либо ответить. Он даёт так необходимое мне сейчас пространство, но я понятия не имею, что будет дальше.

Как только они уходят, я хватаю бутылку воды из укомплектованного мини-бара и делаю длинный глоток, потому что мне просто необходимо полностью себя охладить, прежде чем повернуться к Бекке. Она ничего не говорит о перемене гостиничного номера, но я замечаю, как её глаза блуждают по окружающему нас пространству.

— Так что произошло с Пэйсом?

Не думала, что вы, ребята, вернётесь так быстро. Я, фактически, раздумывала над тем, увижу ли тебя вообще за время этой поездки. Думала, что тебе хватит одного взгляда, чтобы затащить его в приватный номер, — я ухмыляюсь ей, пытаюсь снять напряжение.

— Поверь мне, это было заманчиво. Он великолепен. А эта маленькая упругая задница? — она драматически обмахивается. — Серьёзно, эти двое смертельная комбинация для либидо.

— Есть ещё и третий. Их старший брат Коллинз — такой же привлекательный.

— Дьявол. Полагаю, хорошая

генетика, — она сваливает сумки на диван, чтобы я рассмотрела её покупки. — После обеда я действительно забеспокоилась, что оставила тебя с Колтоном. Подумала, это не самая лучшая идея, и поэтому мы сократили нашу экскурсию. Всего лишь прогулялись по той миленькой крошечной площади и зашли в парочку бутиков, — она подносит крошечный сарафан к моему телу. — Я подумала, он будет мило смотреться на тебе.

— Симпатичный, — мягкая ткань лавандового цвета с примесью синих ниток. — Можно надеть его с серебристыми сандалиями на ремешках.

— Я тоже так думаю, — она достаёт красную мини-юбку из своей кучи одежды.— Давай, переодевайся. Мы уходим.

Бекка и я провели остаток дня за осмотром достопримечательностей, а в настоящий момент мы сидим в причудливом маленьком баре, пережёвывая оливки и сыр и попивая вкусное вино. До сих пор не могу поверить, что Колтон и Пэйс в самом деле прилетели в Италию за мной. И, сидя здесь и слегка навеселе, я воспроизвожу в голове нашу короткую интимную встречу.

— Я знаю, как ты могла бы избавиться от неё, — произносит Бекка, задумчиво вращая вино в

бокале.

— Что?

— От твоей девственности. В смысле, если ты всё ещё хочешь.

— Как? — спрашиваю я, в то время как мои мысли начинают вращаться.

Она наклоняет подбородок в сторону компании, состоящей из трёх симпатичных парней, сидящих напротив бара.

— Мы могли бы пойти и закадрить несколько красавчиков.

Давайте-ка рассмотрим это... Когда в Риме... Почему бы и нет, чёрт возьми?

Потому что я всё ещё принадлежу Колтону, вот почему.

Даже притом, что я не хочу, какая-то странная часть меня понимает, что это правда. Он должен быть тем, кто заберёт мою девственность. Когда я думаю о его тёмных голодных глазах, сжигающих меня, его полных губах, целующих мою шею, и о его толстом, длинном члене, то понимаю, что это должен быть он. Грудь вспыхивает жаром, и я переносюсь назад, немного ранее, когда находилась там, на краю. Всего несколько толчков его пальцев — и я бы распалась на части. Мне всегда казалось, что для того чтобы кончить, мне нужны секс-игрушки, но, как оказалось, мне нужен был Колтон.

— Ты снова думаешь о нём, —
ухмыляется Бекка.

— Не должна.

— Но думаешь.

Остальная часть нашего путешествия проходит почти идеально. Великолепная летняя погода, долгие дни, которые мы тратим на прогулки по прекрасному и чарующему Риму с лучшей подругой. Но по ночам меня преследуют воспоминания о Колтоне, хотя я и предполагала, что это неизбежно, учитывая ситуацию.

После того дня, когда он и его

брат Пэйс неожиданно заявили сюда, я от него и слова не услышала. Я рада, что не стала модернизировать свой телефон услугами на международные звонки. Потому что понимаю, что недостаточно сильна и не смогла бы проигнорировать его в таком случае. Поэтому каждое утро после завтрака я вынуждаю себя пройти мимо компьютера в бизнес-центре, лишь бы избежать подключения к электронной почте. Мысль о том, что там может быть ожидающееся меня послание от Колтона, всё сильнее и сильнее давит на мой разум.

Как бы я ни старалась убедить себя, что между нами всё

закончилось, какая-то часть глубоко
внутри меня понимает, что это
неправда.

Глава 4.

Колтон

Вернувшись в Калифорнию, я с головой ухожу в работу. Это единственный способ удержать мысли от Софи. Я жесток на совещаниях, груб в общении и постоянно, блядь, напряжён. Все эмоции собираются в одном треклятом месте, а потребность в сексе увеличивается в четыре раза, когда я вновь оказываюсь возле Софи. Чувство тоски лишь усиливается от одиноких ночных блужданий по огромному пустому

дому.

Я писал ей пару раз, но так и не получил ответа. Она вернулась из Рима в прошлые выходные и поддерживает контакт с Кайли — единственным источником, от которого я знаю хоть что-то.

Я должен бы чувствовать облегчение. Ведь теперь Софи знает правду. Всё раскрыто. Больше не нужно скрывать от неё разрушенный брак, и никто никогда не узнает мою тёмную тайну о покупке секс-рабыни. Всё это может закончиться — мы свободны от нашей договорённости. Вот только я этого не хочу.

Мне нужно лишь уйти, но я не

могу этого сделать. Я всё ещё хочу её трахнуть. Дерьмо, если быть честным с самим собой, всё намного глубже. Она мне нравится. Нравится её истинная натура, самоотверженность, которую она проявила, выставив себя на аукцион. Она не похожа на других девушек. Она, блядь, приготовила мне макароны под сакэ и отказалась от помощи, заключающейся в дополнительных деньгах. Она не похожа на женщин из моего прошлого. Или же она чертовски хорошо притворяется.

В любом случае, я хочу сделать её своей. Но говорю себе, что это лишь потому, что она не может мне

принадлежать. Недели, проведённые в ожидании, пока сексуальная напряжённость и предвкушение между нами возрастёт до эпических размеров, оставили меня с самым крупным критическим в мире случаем посиневших яиц. Уровень террористической угрозы на красном. Мой мешочек собирается взорваться. Дерьмо, на этом пункте возникает вопрос — помню ли я вообще, как нужно трахаться? Это не сложно, так ведь? Я выбрасываю крутящиеся в голове мрачные мысли.

Я хочу заявить права на её тело, стать первым мужчиной, проникшим в её киску. И, как бы я не старался это отрицать, что-то внутри меня

хочет большего. Весь смысл шарады заключался в том, что я поклялся себе больше никогда не спутываться с женщиной. А этого и не произошло. В Софи я погряз. Полностью утонув в этой женщине, у меня, похоже, не осталось шансов. Но теперь я не отступлюсь. Ни за, чёрт возьми, что.

Я купил её и заплатил за её девственность, поэтому не позволю ей ускользнуть сквозь пальцы из-за какой-то формальности.

Когда я вспоминаю её в гостиничном номере в Италии, то, как она позволяла прикасаться к ней... перед тем как окончательно закрыться от меня, мой живот

сворачивается в узел.

Я не привык сдаваться, и это совсем не то чувство, к которому мне хотелось бы привыкать. Я бы не добрался туда, где нахожусь сейчас, бездействуя. Поэтому я решаю взять дело в свои руки и звоню Софи ещё раз, давая ей последний шанс, прежде чем заявиться на порог дома её родителей и забрать её обратно к себе.

Возможно, у меня есть проблемы с доверием и мне всё ещё нужно разобраться со Стеллой, но всё это не мешает забрать то, что принадлежит мне. А Софи моя.

Ожидая услышать голосовую почту, как и всякий раз во время

МОИХ ЗВОНКОВ, Я УДИВЛЯЮСЬ, КОГДА ПОСЛЕ ЧЕТВЁРТОГО ГУДКА ОНА ОТВЕЧАЕТ.

— Софи? — удивление проявляется в моём голосе.

— Привет, — говорит она небрежно.

— Нам нужно поговорить, — она молчит несколько долгих минут, и только мягкие звуки её дыхания подсказывают мне, что она всё ещё на линии.

— О чём? — спрашивает она, наконец.

— У меня есть для тебя новое предложение.

Когда лимузин, посланный мною, высаживает смущённую и уставшую Софи на подъездную дорожку, я радуюсь, что её родители живут в нескольких часах к северу от Лос-Анджелеса. Это значит, что я должен быть в состоянии удержать её здесь на протяжении, по крайней мере, всей ночи. Софи придётся выслушать меня.

Шагнув на солнечный свет, я встречаю её возле машины. Кулаки бесполезно сжимаются по бокам от осознания того, что она не моя и мне нельзя прижать её к себе. Я поднимаю с дорожки дорожную сумку и выдавливаю улыбку.

— Спасибо, что приехала.

Она кивает.

— Спасибо, что прислал лимузин. Но можно было обойтись и без этого, — она крутит кольцо на пальце, очевидно, сгорая от любопытства и желая узнать, зачем я пригласил её сюда, когда между нами всё, казалось бы, закончилось.

— Пошли внутрь.

Я пропускаю её вперед, оценивая соблазнительно покачивающиеся сзади изгибы. А затем следую за ней, как щеночек на поводке.

Когда она проходит внутрь, её шаги становятся неуверенными, а во взгляде появляется робость. Сдаётся мне, что лучше будет сразу объяснить

ей, зачем я привез её сюда, поэтому отвожу её в берлогу. В ту же комнату, куда привёл её первой ночью. Воспоминания о ней на коленях, берущей мой член в рот и посасывающей меня с таким мастерством и энтузиазмом, мгновенно заставляют мой член затвердеть. Блядь.

Я перевожу дыхание и прочищаю горло, надеясь, что она не станет блуждать глазами по передней части моих штанов.

— Присаживайся.

Софи слушается и аккуратно устраивается на край дивана. Интересно, прожигают ли её мозг воспоминания о той первой ночи

так, как прожигают мой. Несмотря на все мои усилия, я не могу выбросить из головы видение её полных розовых губок вокруг головки моего обезумевшего члена. Поддразнивание её языка по всей длине стержня, руку, обёрнутую вокруг основания и поглаживающую по мере того, как глубоко она берёт.

Бедная моя эрекция убивают всю мою концентрацию, и мне требуется время, чтобы понять, что говорит Софи.

— Колтон? — она моргает, разглядывая меня и вырывая меня из порно, разыгравшегося в моей голове.

— Я рад, что ты приехала, —

произношу я.

Она пожёвывает нижнюю губу, нервничая почти так же, как и в тот день, когда я привел её сюда впервые. Её взгляд проходится по всей комнате, спина прямая, как стрела. Она не хочет ослаблять бдительность и, предполагаю, это потому, что она мне не доверяет. Понимаю. Я и сам себе не доверял.

— Принести тебе что-нибудь? Вино? Бутылочку воды?

Она качает головой.

— Что ты хотел обсудить? По телефону ты говорил расплывчато.

Она права. Говорил я расплывчато, в основном потому, что понятия не имел, что сказать, дабы

убедить её. Мне необходимо видеть её глаза, прочесть их выражение и сформулировать своё предложение. Но передо мной сидит неуверенная, нервная девушка, поэтому мне нужно вести себя осторожно. Я подумывал надавить на неё и убедить в том, как хорошо нам физически, убедить быть со мной, потому что знаю, чего она хочет. Но теперь вижу, что мне необходим другой метод, ибо наблюдать за тем, как она снова уходит за дверь — не вариант.

— Я знаю, что облажался, скрывая от тебя свой брак. В моих глазах всё кончено, и это является таковым на протяжении уже многих лет. Единственное, чего не хватает —

пары подписей на бумаге. Но это не важно, теперь я понимаю, какую боль это тебе доставляет. Я совершил чудовищную ошибку, — она кивает, встречаясь со мной взглядом. Я облизываю губы и продолжаю: — Но не думаю, что из-за моего прошлого, всё это должно закончиться.

— Что ты предлагаешь? — спрашивает она робким голосом, слегка затаив дыхание.

Я хочу трахнуть тебя. Владеть тобой днями и ночами, занять каждую твою мысль — как ты заняла мои.

— Я хочу, чтобы ты осталась.

Её брови сходятся, в то время как она спокойно наблюдает за мной.

Она не отклоняет предложение сразу
— это начало.

Софи

Я смотрю на Колтона, аккуратно устроившегося в кресле напротив меня. Его дыхание становится глубоким и ровным, Тогда как моё сердце бухает, словно молот, вынуждая мою грудную клетку вздыматься.

Честно, понятия не имею, что я здесь делаю и почему согласилась приехать. А если быть предельно честной, то этот человек имеет в отношении меня какое-то

магнетическое притяжение. Я неспособна бросить его целиком и полностью, несмотря на все мои намерения держаться подальше. И по какой-то странной причине, я чувствую себя ещё и виноватой, так как разорвала договорённость, так и не выполнив свои обязанности. Он до сих пор не получил то, за что заплатил, и эта маленькая деталь никак не даёт мне покоя.

Он собирается с духом и слегка наклоняется в мою сторону. Я понимаю, что если бы он схватил меня в охапку и поцеловал, то я была бы не в состоянии сопротивляться. Я замечаю, что мой взгляд порхает между его губами и глазами, пока

жду, когда он начнет говорить.

Наконец, он произносит:

— Помню, ты как-то говорила, что тебе нравится иметь что-то своё — жить подальше от дома и впервые быть независимой, — произносит Колтон.

Я хорошо помню тот разговор. Он состоялся, когда мы впервые сели за ужин, приготовленный его шеф-поваром в тихой столовой. Я слишком много говорила, слишком сильно себя обнажая. Но какой-то части меня нравится, что он помнит об этой детали. Хотя меня не особо это удивляет, ведь Колтон контролирует каждый аспект своей жизни.

— И, думаю, ты знаешь, что мне нравилось, когда ты была здесь, — признаётся он.

Я молчаливо киваю, подтверждая. О чём он говорит? Мы не можем продолжать встречаться, пусть даже и делали это. Он женат. И он лгал мне об этом. Могу ли я ему доверять?

— И знаю, что Кайли хотела бы, чтобы ты вернулась к ней на работу.

— Колтон? — наконец, спрашиваю я, сдвинув брови.

— Нет никакой причины, почему мы не можем оставаться друзьями.

— Друзьями? — мой голос срывается на высокие ноты, когда

меня пронзает шок от его предложения.

Его темные глаза бродят по моему лицу, на губах появляется намёк на улыбку, и он слегка кивает.

Понятия не имею, в какую игру он играет, но друзья? Это вообще возможно для двух людей, которых так тянет друг к другу?

Как будто прочитав мои мысли, Колтон продолжает:

— Нет никаких причин, из-за которых этому должен прийти конец, Софи. Мне нравится твоё общество, и, думаю, ты чувствуешь то же самое. Ты можешь продолжать жить здесь, и пока я буду разбираться со своим прошлым и смотреть, куда всё это

приведёт, между нами всё будет развиваться медленно.

— А наше соглашение? — спрашиваю.

Озорная ухмылка озаряет его лицо.

— Друзья, так что никакого секса. Никакого соглашения.

Живот скручивает, и меня поражает непрошенное чувство разочарования, когда я осознаю, что больше не являюсь никакой секс-рабыней.

— Тогда я верну деньги.

— Деньги твои. У меня никогда не было желания платить за секс, Софи. Я всего лишь не хотел, чтобы тот козёл, делающий ставку на

аукционе, отправился домой с тобой. Ты слишком хороша, слишком чиста и прекрасна, чтобы принадлежать ему, — от его признания у меня захватывает дух. Я чувствую себя беспомощной и неконтролируемой, да ещё и плакать хочется.

— Я потратила большую часть денег на лечение Бекки, и я не смогу тебе их отдать, но могу вернуть то, что осталось, — заикаюсь.

— Во-первых, я бы никогда не принял возмещение. Если бы я познакомился с Беккой до того, как всё началось, то с удовольствием заплатил бы за её зачисление в экспериментальную программу лечения. Я никогда не ждал возврата

денег.

— Мне не по себе, что я оставляю их себе.

— Они твои, делай с ними всё, что пожелаешь.

Этот разговор напоминает игру в пинг-понг, отчего возникает ощущение, что мой мозг расплывается.

— Так... как это будет работать?
— интересуюсь я, в шоке отмечая, что на самом деле рассматриваю это.

— Ты согласилась дать мне шесть месяцев, — напоминает он мне.

— А ещё согласилась отдать тебе свою девственность, — добавляю.

— Но я её не возьму.

— Нет, не возьмёшь, — соглашаюсь с ним. Реальность мучительна.

— Ты всё ещё нетронута? — спрашивает он голосом хриплым и глубоким.

Тёплый ток пробивает меня, щёки вспыхивают, а трусики намокают.

— К-конечно, — голос хрипнет, а взгляд Колтона, которым он впился в меня, не позволяет говорить чётко.

Я отмечаю пульсирующую венку у основания его горла.

— Хорошая девочка, — наставляет он.

Я ждала двадцать один год, и неужели он действительно думал,

что я возьму и просто изменю всё за те две недели, что мы были в разлуке? Почему у меня ощущение, будто всё это — продуманная уловка, чтобы удержать меня здесь, в постели?

— А где я буду спать? — спрашиваю я.

Его улыбка меркнет лишь частично.

— Где тебе нравится.

— Думаю, в гостевой комнате, — заявляю больше себе, чем ему, раздумывая над его странным предложением.

— Если ты так хочешь.

Он так любезен, так услужлив. После того эмоционального ада, в

который он меня поместил, некоторые перемены освежают. Я ещё не уверена в его предложении, и если он на самом деле ждёт, что я останусь здесь жить на следующие шесть месяцев, по какой-то причине мне не ненавистна эта идея. Мы молча смотрим друг на друга несколько минут, каждый из нас переваривает, что для нас будут означать дружеские отношения. Сердце болит лишь от мысли об этом. Значит, я не смогу прикасаться к нему, не почувствую жара его тела, решительно прижимающегося к моему. Я легонько вздыхаю.

— Если ты оставляешь мне деньги, то, полагаю, я могу

потратить их куда пожелаю?

— Конечно, — говорит он.

— Тогда я хотела бы пожертвовать их на благотворительность в Африку.

Медленная улыбка расплывается на его губах.

— Тогда ладно.

Я приехала в Лос-Анджелес лишь затем, чтобы забрать свои оставшиеся вещи из особняка и отделаться от Колтона, выслушав всё, что он хотел мне рассказать, чтобы там ни было. А вместо этого я переносу свои вещи из хозяйского

шкафа вниз, в гостевую комнату, пахнущую ворсом и средством для полировки мебели.

Кровать украшает голубое постельное бельё, мебель современная — чистые линии в белой эмалевой краске. На стене висит большое зеркало, а обитое материей изголовье кровати с обеих сторон обрамляют декоративные подсвечники.

Потянувшись, я раздвигаю белые просвечивающиеся шторы, затеняющие панорамные окна с видом на бассейн внизу. Прохладная дрожь пробегается по мне, и я обнимаю себя за талию. У меня нет желания находиться рядом с этим

бассейном, поэтому задёргиваю шторы, скрывая вид. Всего лишь взгляд на кристально-голубую воду, искрящуюся от солнечных лучей, вызывает в памяти новую волну боли и унижения из-за свирепого взгляда и ледяного тона Стеллы, когда она недвусмысленно сообщила мне, что является его женой. Слово «жена» — относительно Колтона — не резонирует. Особенно изо рта той женщины. Я никогда и представить не могла его с женщиной вроде неё. Они просто не подходят друг другу. И это наводит на вопрос: знаю ли я его вообще? Ещё одна хорошая причина побыть друзьями, пока буду выяснять это. С Колтоном я хочу большего.

Мне хочется вернуть те времена, когда всякий раз, когда он оказывался рядом, между нами перетекала необузданная сексуальная энергия. Но я согласна быть друзьями в данный момент и двигаться по этой ухабистой дороге, на которой мы нашли себя.

Закончив перетаскивать своё скудное имущество в новую комнату, я остаюсь наедине с чувствами скуки и одиночества. Но вместо того, чтобы отправиться на поиски Колтона в этом чудовищном доме, я плюхаюсь на кровать и набираю Бекке.

— Привет-привет, — отвечает она бодро, как всегда, будто вовсе и

не она последних несколько лет упорно борется с четвёртой стадией рака.

— Привет, — от её силы и стремления к жизни у меня перехватывает дыхание, и вдруг все жалобы о моей дилемме с Колтоном кажутся мне детскими и незрелыми.

— Что случилось? — спрашивает она.

— Ничего, — ложь легко высказывает из моего рта. — Просто я пробуду здесь дольше, чем предполагала.

— А? Мистер Сексуален, Богат и Красив, уже добился твоего возвращения?

— Вроде того, — признаюсь я.

Колтон был более открытым и незащищённым, чем я предполагала, и это задело что-то глубоко во мне. — Он предложил мне продолжить жить здесь и работать с Кайли.

— И, я так понимаю, ты согласилась? — интересуется она.

— Подумываю попробовать, — подтверждаю я.

— Мне не за что винить тебя. Я бы тоже не стала жить с мамой и папой, если бы могла.

Мы не обсуждаем тот факт, что она не в состоянии жить самостоятельно из-за состояния её здоровья. Об этом больно даже думать.

— А что насчёт вас, ребята? —

спрашивает она. — Вы пара или что?

— Нет, — на этот раз мой голос твёрд. — Он сказал, что мы будем просто друзьями, и я согласилась. Мы притормозим, пока он работает над своим прошлым.

— Думаю, это хорошая идея. Знаю, ты была там счастлива. Но что заставило тебя передумать? Он висит, как слонёнок, правда?

— Бекка! — отчитываю её. — Всегда на уме только секс.

— Ничего не могу с этим поделать. Пусть лучше мои мысли ускользают в сторону этого, чем к чему-то более болезненному. Пенис — моё счастливое место.

Я слышу её улыбку через

телефон, и мне это нравится.

— Пенис — хорошая штукавина.

— Так... что ты собираешься делать с пенисом Колтона?

— Двигаться медленно, как он и предложил. И я вполне уверена, что это означает, что в моём ближайшем будущем пениса не ожидается.

— Бу-у. Ты зануда. Я собираюсь отправиться к МакДжилрою и взять мороженое со взбитыми сливками.

— Аппетит вернулся? — спрашиваю я.

— Ага. Я растолстею прежде, чем ты это поймёшь.

Как же. Увидеть Бекку не тощей палкой было бы чудом. Ей нелегко удаётся удерживать еду — отсюда и

проблема с весом.

— Повеселись. Люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, но повеселиться нужно именно тебе. Выясни способ, каким можно ускорить его развод, чтобы ты могла прыгнуть к этому парню.

— На него, — улыбаюсь я и сбрасываю вызов.

После окончания разговора я несколько минут баюкаю телефон в руках. Боже, я люблю свою сестру. Полностью обставив комнату, я решаюсь отправиться на поиски Колтона.

Он сидит на стуле за кухонным островком, перед ним планшет, переполненный сообщениями,

которые он пролистывает.

— Я помешала? — интересуюсь, хватая бутылочку воды из холодильника.

— Конечно, нет. Ты в порядке?

Кивок.

— Я позвонила Бекке и сказала ей, что остаюсь.

Он молчит, но его спокойствие подсказывает мне, что это его радует.

Вместо того чтобы сесть рядом с ним, я обхожу кухонный островок и становлюсь напротив него, опираясь локтями на подставку из гранита.

Он усмехается мне.

— Что у тебя на уме, сладкая?

Не думала, что это так очевидно.

Я расправляю плечи и расслабляю

собравшиеся на лбу морщинки.

— Ты и Стелла... — мне не стоит спрашивать, я лишь мучаю себя, но не могу ничего с этим поделать. Мне необходимо знать, потому что я просто не могу представлять его с ней. — Я хочу знать о характере ваших отношений. Это был обычный брак со всеми привилегиями или взаимовыгодный брак?

Он нажимает кнопку на планшете, отчего экран темнеет, и вздыхает.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты жил здесь с ней. И, думаю, для тебя этот дом полон воспоминаний, и мне странно думать

о тебе, живущем здесь с другой женщиной, засыпающей когда-то в постели, которую делила с тобой я...

— Что ты хочешь знать? — интересуется Колтон.

— Думаю, я хочу знать... был ли ты счастлив? За наше очень краткое общение Стелла представилась довольно отличающейся от меня, — она была бесчувственна, резка и ухожена до последнего дюйма.

— Вы разные. Чёрт, Софи, ты — другая.

Мне нравится мысль, что, возможно, то, что мы с ним разделили, отличается от того, что было у него с ней.

— Какая?

— Ты мягкая, милая, нежная. Ты заставляешь меня смеяться.

— Мне ненавистно, что у тебя есть воспоминания с ней о том, чего я с тобой никогда не разделяла.

Уверена, он в курсе, что я говорю о сексе, поэтому мои щёки слегка краснеют. Он сказал, что мы всего лишь друзья, так что я понятия не имею, почему подталкиваю его рассказать мне об их сексуальной жизни. Я похожа на ревнивую подружку, но не могу себя остановить.

Колтон наклоняется ко мне, приковывая к месту тёмными глазами.

— Хочешь знать, почему с тобой

я хотел только орального секса?

Я киваю, не в силах противостоять ценной информации, которую он вывешивает передо мной.

— Потому что это то, чего Стелла бы делать не стала.

— Что ты сказал?

— Я никогда не трахал её рот. Я никогда не терял себя в ней. Каждый раз с тобой были только мы. Не было никаких горьких воспоминаний, которые бы всё испортили. Это было наше время.

Его слова порождают во мне прилив противоречивых эмоций. Сердце трепыхается в груди, в то время как я с особой ясностью вспоминаю наше эротическое

столкновение.

— Она не стала бы... почему?

Он пожимает плечами.

— Говорила, что ей не нравится вкус. И, конечно же, именно за этим занятием я поймал её с садоводом — глубокий минет с ним в библиотеке. Ей приходилось это по нраву, до тех пор, пока не оказывалась со мной.

Моё сердце болит за него. Я так же зла, как и он, и начинаю понимать, чем вызвана глубокая боль и недоверие, что он носит с собой. Я вспоминаю его не очень-то большое желание входить в ту комнату, и моё сердце чуть-чуть смягчается. Как бы банально это не звучало, мне нравится знать, что минет делала ему

только я. Сейчас мне ясно, что он испытывал отвращение также и к библиотеке.

— Жизнь с ней была просто удобной. А ты — мой выбор. Выбор, который, я отчаянно хочу сделать, если ты мне позволишь.

Его слова ошеломляют меня. Я не могу доверять ему — не после того, как он солгал о своём прошлом, вынудив меня поверить, что он одинок. Однако никакая часть меня не отрицает желание, питаемое к нему.

— Но ты сказал «друзья», — мой голос писклявый. С его стороны не потребовалось бы никаких усилий, чтобы убедить меня в том, что нам

будет лучше, если мы будем больше, чем друзьями. Жар между нами набирает обороты — приятный и напряжённый.

— Пока, да. Я хочу, чтобы ты снова мне доверилась. Поэтому пока не стану давить.

Пока что. Эти слова громко звенят в голове. Я с трудом сглатываю, пытаюсь расшифровать скрытый смысл в его словах. Он хочет меня вернуть — в этом я уверена. Так какого чёрта он не разведётся со Стеллой и не двинется дальше? Два года ожидания — чересчур. Даже для такого упрямого и самоуверенного человека, как Колтон.

— Прости... — прошу прощения, хотя и не совсем понимаю для чего. Мне просто невыносима сама мысль о том, как Колтон находит эту ведьму на коленях, делающую другому мужчину то, в чем сама же отказывала ему.

— Не надо, — говорит он спокойно. Но его глаза говорят о другом. Они тёмные и далёкие, словно он борется, дабы избежать мрачных мыслей, преследующих его во всех комнатах собственного дома.

Я оставляю Колтона за работой и начинаю разгуливать по комнатам его дома, в результате чего оказываюсь в библиотеке. Я ненавижу Стеллу. Не могу сказать,

что никогда раньше по-настоящему не ненавидела что-либо. Я ненавижу рак Бекки, ненавижу тот факт, что Колтон женат, но большего всего ненавижу Стеллу. За то, что она сотворила с мужчиной, столь нежным при его внешнем непоколебимом самомнении и своих связях. Я долгое время стою в этой библиотеке, молча вглядываясь в пространство.

Позже, найдя Колтона в кабинете, я убеждаю его оставить работу на ночь и поспать. Тёмные круги под его глазами что-то задевают внутри меня, но я не сдаюсь перед желанием обернуть свои руки вокруг его шеи. Он не

принадлежит мне, чтобы его успокаивать.

Пожелав друг другу спокойной ночи, мы расходимся на верхней лестничной площадке. Путь до комнаты кажется очень долгим и довольно странным. Пока я заползаю под одеяло на прохладную простыню, мои мысли целиком и полностью устремляются к мужчине, находящемуся дальше по коридору.

Следующий день оказывается весьма занимательным. По мере того, как он проходит, чувство тревоги во мне возрастает. Мы

вместе кушаем, я отправляюсь на пробежку, Колтон работает за кухонным островком, пока я листаю журнал, но не могу не чувствовать, что что-то не так. Мы с трудом находим наш ритм в роли друзей. Я продолжаю украдкой поглядывать на него, отмечая, как его белая футболка облепляет его скульптурную грудь, и чувствую, как он смотрит на мой зад, когда я хожу. Мне ненавистно, что я не могу к нему прикоснуться.

Возможно ли быть лишь другом мужчине, которого я так отчаянно желаю?

Когда наступает ночь, я моюсь, чищу зубы и выполняю свой регулярный ночной ритуал, однако

совсем не готова ко сну. Моё тело слишком напряжено. Я уже начинаю думать, что эта новая договорённость, на которую я согласилась, никогда не сработает.

Проворочавшись в течение примерно часа, я решаю отправиться к Колтону. Знаю, мои действия — прогулка в его спальню посреди ночи — определит то, как мы проведём ближайшие несколько месяцев, но мне плевать. Мне необходимо увидеть его, поговорить с ним, чтобы понять, во что я впутываюсь.

На цыпочках, словно притаившийся взломщик, я крадусь по коридору и легонько стучусь в его дверь.

Молчание.

Может, он уже спит.

Я захожу, оглядывая глазами тёмную комнату. Одежда свалены в беспорядочную кучу на кровати, но я не замечаю никакого движения.

— Колтон? — говорю шёпотом.

Ничего.

Я подкрадываюсь ближе и становлюсь на колени у края матраса. Теперь, когда мои глаза привыкли к крошечной тьме, я вижу, что его здесь нет. В комнате тихо и пусто.

Укол разочарования сопровождается разгорающимся внутри любопытством.

На свой страх и риск, я

отправляюсь на его поиски.

Глава 5.

Софи

Сумерки уже почти окутали дом крошечной тьмой, но маленькие светильники, стратегически размещённые в разных местах по всему дому, здорово выручают. Мне достаточно излучаемого ими света, и я вижу, куда ступаю, поднимаясь по лестнице в офис к Колтону. По пути туда я заглядываю в берлогу и убеждаюсь, что там его тоже нет. Быть может, он тоже не мог уснуть и взялся за работу. Одежда его были разбросаны по всей кровати, словно

он боролся с ними. Мне кажется, он, как и я, тоже пытался заснуть, но проиграл эту битву.

Дверь его кабинета открыта, пропуская полосу мягкого света от лампы. До меня доносятся какие-то хрюкающие звуки, и мой желудок ухает вниз.

Я ступаю в дверной проём, и на меня накатывает шок от того, что я там обнаруживаю.

Колтон сидит в своём кожаном кресле, его штаны расстёгнуты, а толстый член горделиво стоит. Он двигает рукой вверх-вниз краткими неровными движениями и сдавленно мычит.

Моя киска сжимается при виде

него. Я издаю тихий всхлип, и его глаза встречаются с моими.

— Иисусе, Софи, — он запихивает его обратно в штаны, что не так-то и легко. Его член твёрд как камень, да и таким уж счастливым в перспективе быть замурованным в ограниченном пространстве не выглядит. Меня коробит даже от обычного взгляда на него.

— Не могла, блядь, постучаться? — рявкает он в мою сторону.

— Дверь была открыта, — бормочу я, чувствуя себя по-идиотски.

Он смотрит на открытую дверь позади меня.

— Думаю, так и было. Почему

ты не в постели?

— Кажется, будет лучше спросить это у тебя, — я чувствую себя дерзкой, и мне хочется посмотреть, как он извивается, будучи пойманным. Кроме того, собравшись и утихомирившись, он продолжает спокойно смотреть на меня. Затем он просто качает головой, явно не попавшись на удочку.

— Не задавай вопросов, ответы на которые услышать не готова.

Я не до конца понимаю, что он имеет в виду, но пересекаю комнату и становлюсь перед ним, мои ноги всё ещё трясутся из-за того, свидетелем чего я только что стала.

— Ты доставлял себе удовольствие.

Он тих и неподвижен.

Я и не хотела, чтобы мои слова прозвучали как обвинение, но, к счастью, Колтон, кажется, и не обиделся.

— Мне просто любопытно...

— Как ты знаешь, Софи, у меня есть потребности.

Кивок.

— У нас у обоих они есть, — я подступаю ближе.

— Осторожнее, сладкая. Ты играешь с огнём, искушаешь меня, вынуждая хотеть того, чего у меня быть не может.

— Кто сказал? — не знаю, что за

девушка сейчас дразнит его, но я чувствую себя смелой, взволнованной и одинокой. Это не лучшая комбинация, но мне хочется её разыграть.

Он приподнимает одну тёмную бровь, устремляя на меня пристальный взгляд.

— Ты изменишь своё мнение, потому что я трахну тебя здесь и сейчас, так глубоко, что на следующий день ты всё ещё будешь чувствовать меня внутри.

Больше я ничего не произношу, по большей части потому, что не знаю, что сказать, однако моё тело горит от нетерпения. Соски затвердевают под тонкой майкой, а

трусики прилипают к чувствительным складочкам.

Колтон разочарованно стонет и проходится рукой по своей эрекции, которая наверняка всё ещё не ослабла.

— Что за херня, Софи? — его тон — нечто среднее между игривостью и гневом.

— Мне жаль, что я тебя прервала, — говорю я.

— Пофиг, — отвечает он, откидываясь затылком на спинку кресла и закрывая глаза.

Когда он снова их открывает, в них нет гнева. Я вижу только похоть.

— Почему ты никогда меня не брал? — спрашиваю я.

— Пока пролетали те недели, ты начинала значить для меня всё больше. Я не хотел брать у тебя ничего, что не принадлежало мне.

«Оно твоё », — хотела сказать я ему.

— Но в тот день, когда заявила Стелла, ты собирался, — я вижу в его глазах ту самую решимость и понимаю, что он, наконец, показывает мне настоящего себя.

— Потому что в тот момент я знал, что ты принадлежишь мне. Без аукциона, без соглашения. Ты была моей.

Я смотрю в его глаза, ни с чем не соглашаясь. Я всё ещё его.

Скольжение его тёмного взгляда

по мне говорит о том, что он хочет меня, но пока ещё придерживается своего выбора — не подталкивать. Я хочу знать, почему.

— Почему ты предлагаешь быть просто друзьями? — интересуюсь я.

Он глубоко вдыхает и неспешно выдыхает. Затем указывает мне сесть на один из стульев напротив его стола.

Я следую его указанию и сажусь, подворачивая свои босые ноги под себя. Либо короткие пижамные шорты и майка, в которые я одета, не ровня прохладному воздуху кондиционера, либо моё тело всё ещё бьёт дрожь от того, что я увидела, когда вошла.

— У меня развивались к тебе настоящие чувства, что до смерти пугало, учитывая моё прошлое.

— Не понимаю. У нас обоих были чувства... — впервые я признаю свои истинные чувства, но что-то подсказывает мне, что у него они удивления не вызывают.

Колтон ничего не отвечает, лишь терпеливо наблюдает за мной, как будто мы всю ночь должны просидеть, разговаривая загадками. Возможно, его предложение остаться «просто друзьями» — способ заставить меня не уходить.

— Если ты на самом деле хочешь попытаться, мне нужно от тебя несколько вещей, — произносит он.

— Например?

— Ты знаешь, что раньше я обжигался, когда дело доходило до женщин, денег и доверия.

— Да, — подтверждаю я.

— И обычно женщины хотят только денег, — добавляет он.

— Какое это имеет отношение ко мне? — я к золотоискательницам отношусь в последнюю очередь.

— Ну, ты должна признать, что начало наших отношений не очень-то внушает доверие. В ту ночь ты согласилась пойти со мной только потому, что я тебе заплатил.

— Да, но, когда мы сблизились, ты понял, что дело не в деньгах. Эти деньги предназначались Бекке. Я же

сказала, что могу вернуть тебе остаток прямо сейчас.

— Не это мне нужно, — его тон категоричен, а я чувствую, что мы ходим кругами.

— Тогда что?

— Нечто более ценное... — его глаза проходятся вдоль моего выставленного декольте, вынуждая мои соски затвердеть.

Я по-прежнему молчу, выжидая и гадая о том, что у него на уме.

— Я хочу знать, что могу доверять тебе. Мне нужна твоя вера в меня, как и вера в то, что я смогу разобраться со своим прошлым.

— Ты можешь мне доверять... — начинаю я.

— Разговоры бесполезны, я и этим раньше обжигался. То, что случилось со Стеллой, повлияло на мою веру в женщин, Софи. Отсутствие здравого смысла и один разрушенный брак за плечами — это ещё ничего, но два? Этим я рисковать не готов. На данный момент, друзья безопаснее.

— Ты не доверяешь мне?

Он не отвечает.

— Именно ты скрывал правду, — вырывается у меня.

— Так и есть, но ты хотела знать, что я чувствую. Это мой ответ, — отвечает он.

— Я не понимаю, что ты пытаешься мне сказать, — признаю

я. — Ты же должен знать, что я не такая, как она, Колтон.

Мне ненавистно, что какая-то порочная женщина разрушила всё, что между нами осталось.

Он одаривает меня недоверчивым взглядом.

— Ты появилась в моей жизни только по материальным причинам. Я заплатил тебе, чтобы ты была здесь, а как только всё усложнилось, ты сбежала. Что я должен думать? — говорит он, поймав мой разгорячённый взгляд.

Боже, он прав. Когда я смотрю на свои действия именно с этой стороны, то понимаю, о чём он говорит. Я же была здесь только из-за

денег. А столкнувшись с его прошлым, тут же сбежала, отказываясь выслушать хоть единое слово.

— Я должен быть в состоянии доверять женщине рядом со мной, — добавляет он.

Мне неприятно смотреть на наше соглашение его глазами, зная, что он воспринимал меня как очередную женщину, интересовавшуюся только его деньгами. Я встаю, скрестив руки на груди. Не знаю, почему я никогда не думала о том, что вся эта фигня с «просто друзьями» может быть хорошей идеей.

— Со мной это не сработает. Я

хочу тебя. Ты хочешь меня. Ты всё ещё не можешь довериться женщинам. А я не могу закрыть глаза на твой брак. Мы в тупике.

— Кажется, так, — Колтон барабанит пальцами по своему столу.

Стоя там, в его тихом пустом кабинете, я задаюсь вопросом: что же мне теперь делать? Я раздумываю и над тем, чтобы запаковать чемоданы и отправиться домой, но где-то глубоко внутри понимаю, что это не решение. Ведь тогда я поступлю именно так, как ожидает Колтон. Сбегу. Мне необходимо остаться и показать ему, что есть и другой выход. Даже если всё это пугает меня до усрачки.

Идея захватывает меня, и я уже не могу от неё избавиться. Мой рот начинает двигаться до того, как мозг осознаёт, что именно я предлагаю.

— У меня есть моральные принципы. Которые диктуют мне, что я не сплю с женатыми мужчинами.

Он с интересом смотрит на меня.

Я снова сажусь перед ним и успокаивающе вздыхаю.

— Я хочу доказать тебе, что ты можешь довериться мне. Что ты можешь снова поверить в женщину.

— Как?

— Отойду в сторонку и предоставлю тебе возможность

сделать то, что ты должен был сделать ещё в первый день.

Его голодные глаза вспыхивают.

— Не понимаю.

— Я боюсь, Колт. Всего этого.

Своих чувств к тебе, боли, боюсь дарить тебе свою девственность. Боюсь, что ты не разорвёшь свой брак со Стеллой. Но я верю в тебя. И таким образом я продемонстрирую, что доверяю тебе сделать всё правильно, и лучший способ доказать тебе, что я никуда не денусь, — отдаться тебе.

— Софи... — стонет он, запуская руку в волосы.

— Ты можешь взять меня так, как пожелаешь.

— Ты же не в этом смысле.

Я медленно киваю, позволяя своему предложению впитаться.

— Как угодно.

— Я хочу твою девственность, сладкая. Хочу предъявить на тебя права. И это единственный способ показать мне, что ты действительно здесь ради меня.

— Но ты сказал «друзья», — немного поддразниваю я, растягивая восхитительную словесную перепалку, которая так походит на прелюдию.

— К чёрту друзей. Я хочу оказаться в тебе.

— Я тоже этого хочу, — говорю я. — Больше всего на свете.

— Ты уверена?

Я киваю, встречаясь с его мрачным взглядом.

— Был один парень, которого я встретила в баре в Италии, он был привлекательным, вежливым и...

— Ты хотела трахнуть с ним, Софи? Хотела, чтобы он засунул в тебя свой член?

Из-за его властной стороны я чувствую себя разгорячённой и взволнованной.

— Просто послушай, — укоряю его. — Я могла переспать с ним, как и призывала Бекка. Она сказала, что девственность — мой выбор, и я могла это сделать.

— Но ты этого не сделала?

Я качаю головой.

— Я знала, что это должен быть ты. Я хочу, чтобы это был ты.

Он поднимается на ноги и притягивает меня к себе. Моя грудь набухает от его близости, и он обвивает руки вокруг моей талии, прижимая меня к себе. Дыхание перехватывает, и я стою, не шевелясь, позволяя ему изо всех сил держаться за меня. Это его движение полно поразительной нежности, и могу сказать, что от моего предложения что-то внутри него обрушилось.

Я думаю над тем, что сказать, однако с ошеломительностью ясностью понимаю, что это не то, что можно выразить словами. Ему

нужно видеть мои поступки, чтобы осознать мою преданность. Как только я начинаю обдумывать свой следующий шаг, он опускает голову мне на плечо, прижимаясь щекой к верху моей грудной клетки. Я чувствую его мягкое затруднённое дыхание над ореолами своих сосков. Моя кожа горит от его близости, но в этом нет сексуального подтекста. Всё дело в его ласковом жесте, которым он словно признаёт моё согласие и весь собственный багаж.

Я уже собралась обернуть свои руки вокруг него, как он останавливает меня, берёт мои руки и удерживает их по бокам, переплетая свои пальцы с моими. Он

приподнимает голову с моего плеча и смотрит прямо мне в глаза. Наши ладони прижаты друг к другу, и ни один из нас не произносит ни слова. Это ощущение близости и интимности.

Я ненавижу то, насколько Колтон разрушен, но только в этот момент я осознаю всю его глубину. Обычно он такой уверенный, такой требовательный, что эта его нежная сторона совершенно ошеломляет.

Наши глаза остаются прикованными друг к другу, как будто мы думаем об одном и том же. Мы делаем гигантский шаг вперёд как пара, обнажая себя друг для друга. Он — решив научиться снова

доверять, я — бросая все предостережения на ветер, отдав предпочтение женатому мужчине. Он владеет мной даже без контракта, и я сглупила, думая, что смогу просто так от него уйти. Я его.

Приблизив свою голову к моей, он лёгким поцелуем прижимается к моим губам. Глаза лениво закрываются, и я раздвигаю губы, принимая его. Его язык поглаживает мой, приглашая порезвиться.

После нескольких минут его глубоких голодных поцелуев я отстраняюсь, задыхаясь.

— Ты сказал, что прошло два года. Несколько долговатое время для ожидания.

Он глотает, и его адамово яблоко подпрыгивает. Убирая свои руки от моих, он поднимает их и обхватывает ими моё лицо.

— В какую игру ты играешь? — спрашивает он растерянным голосом.

— Никаких игр. Только мы. Ты должен быть в состоянии доверять женщине, которая будет с тобой рядом.

— Конечно, — соглашается он.

— Я ваша, сэр. Всё, что вам угодно. Любые ваши извращённые фантазии, — мой взгляд устремлён прямо на него, подтверждая каждое слово. Я чувствую себя игривой и сексуальной, и мне это нравится. Я

уже обнажила себя немного, и теперь понятия не имею, о чём он думает.

— А если я захочу нагнуть и трахнуть тебя, когда ты будешь не готова?

В его голосе безошибочно прорезается голод. Мне хочется исполнить каждое его желание и облегчить эту напряжённость между нами даже больше, чем сделать следующий вздох.

— Всё, что вы пожелаете, — шепчу я.

— И если я захочу взять твою маленькую тугую попку?

Сердце ёкает, но глаза не отрываются от его. Не знаю, пытается ли он напугать меня или же

на самом деле хочет этого.

Расправляя плечи, я отвечаю:

— Тогда я в игре. Я верю в тебя.

И верю в нас.

— Ты уверена? Потому что, только оказавшись в тебе, я не смогу остановиться.

— Уверена, — по крайней мере, я так думаю. — Когда начнём? — спрашиваю я.

— Сейчас.

Его суровый тон пугает меня. И в комнате словно становится на несколько градусов жарче.

— Ты хочешь мой рот? — спрашиваю я, опускаясь коленями на мягкое покрытие.

— Нет, — он смотрит на меня,

поглаживая мою щеку большим пальцем. — Каким бы заманчивым ни был твой красивый маленький ротик, мне нужно трахнуть тебя.

Дыхание перехватывает. Я и забыла, насколько он может быть откровенным в своих потребностях. Милый нежный Колтон исчез. Мужчина, стоящий передо мной, обладает невероятной мужской силой, подавляя своим присутствием.

Я сглатываю и с трудом киваю.

Колтон

Софи не знает, что я уже подписал бумаги на развод, но её вера в меня — всё. Я знал, что мои

инстинкты не ошибались насчёт неё. Она не только воплощённая мечта каждого мужчины, но ещё и обладательница золотого сердца. Она понимает мои проблемы с доверием и готова рискнуть единственным известным ей способом, чтобы доказать мне, что она здесь по правильным причинам. Я хочу чуть ли не заплакать, когда это осознаю.

Софи в ожидании опирается на руки и колени, совершенно обнажённая передо мной. Её полное доверие по отношению ко мне поражает и застаёт врасплох. Она распяляет все те чувства, от которых, как я думал, я давно отрёкся.

Внезапно ночь приобретает

неожиданно приятный поворот. После бурного телефонного разговора со Стеллой я лёг в одинокую кровать. Лёжа в ней, не в силах уснуть, я осознал, что веду себя невероятно по-детски. Отшвырнув от себя одеяла, я решил отправиться в офис, чтобы разобраться с залежавшимися в моём ящике документами, которые прислал мой адвокат. Распаковав, я пялился на них целую вечность. Голова гудела, а сердце болело. Как только подписи в нужных местах были расставлены, тяжесть в моей груди сразу же исчезла.

Не знаю, почему я сказал Софи, что хочу быть её другом. Я был так

напряжён, что даже не успел осознать, как так вышло: я как раз взял свой член в руку, когда Софи нашла меня. И вот теперь она стоит передо мной на коленях, её задница приподнята, а руки зарыты в плюшевый ковёр, покрывающий пол моего кабинета. Я же кружу вокруг и смотрю на её напряжённую спину.

— Расслабься, сладкая, — говорю я. — Ты обещала мне всё, что я захочу, — напоминаю ей.

Я останавливаюсь позади неё, наслаждаясь блеском её влажной киски. Я пока ещё не трогал Софи — лишь приказал ей раздеться, что она и сделала, полностью оголив себя, прежде чем по моей команде

опуститься на колени. Это чертовски красивое зрелище, и мой член болит от одной только мысли о том, что я наконец-то возьму её. Однако, спешить я сегодня не буду.

Стоя над ней, я медленно расстёгиваю рубашку и отшвыриваю её к лежащей на полу одежде Софи. Она наблюдает за мной — её голова повёрнута в сторону, чтобы видеть меня. Меня подпитывает мысль о том, что она смотрит на меня, что она возбуждена, как и я. Её глаза прожигают меня насквозь, порождая физическую боль. Не торопясь, я расстёгиваю ремень и постепенно вытягиваю его из петель брюк. Распахнув штаны, толкаю боксёры

вниз по бёдрам, беру член в правую руку и поднимаю взгляд, потому что мне нужно видеть и знать, что она ловит каждое моё движение.

Софи следит за тем, как я поглаживаю себя по всей длине, за каждым движением, её глаза обследуют каждым твёрдый дюйм.

— Ты готова для меня, сладкая девочка? — интересуюсь я.

Её глаза устремляются к моим, и она безмолвно кивает.

Я опускаюсь на колени, располагаюсь позади неё и укладываю руки на округлый изгиб её ягодиц. Используя большой палец, раздвигаю половые губы и обнаруживаю её влажной и готовой.

Вот это чертовски возбуждает. Я ещё даже не прикоснулся к ней, а мой ангел уже насквозь промокла для меня.

Я устраиваюсь у её входика и поддразниваю кончиком члена, скользя вперёд-назад. Её тепло нежно обволакивает меня, и от этого ощущения мои шары сжимаются. Бляядь. Я уже сказал, что секс между нами обещает быть насыщенным, а я ведь даже ещё не проник в неё. Она говорит, что хочет этого, но я должен удостовериться, прежде чем взять от неё нечто столь ценное. Она шевелит бёдрами, толкаясь ко мне, и я почти, блядь, теряю контроль прямо здесь и

сейчас. Мои руки сжимают её зад, и я заглушаю стон, наблюдая, как головка члена прижимается к её розовой плоти.

Судорожный вздох срывается с её губ.

— А что насчёт презерватива, — лепечет она.

Я отодвигаюсь назад и вновь принимаюсь дразнить, поглаживая её членом.

— Сегодня я хочу трахнуть тебя своим ртом. А если ты будешь хорошо себя вести, завтра я трахну тебя своим членом.

— А послезавтра?

— Если ты всё ещё будешь в состоянии стоять, — да.

Она резко выдыхает.

— И ты трахнешь мою задницу?

Чёрт. От этих слов, что проронили её идеальные губы, на моём кончике выступает капля.

— Пока нет, милая. Скоро, но пока ещё нет. Я пойму, когда ты будешь больше подготовлена.

— Ох.

— Поторопившись, я сделаю тебе больно, — объясняю я.

— Сделаешь мне больно?

— Не сделаю. Не нарочно. Но задница у тебя действительно тугая, — я игриво шлепаю её по ягодице.

Она с вызовом ухмыляется мне.

Я снова шлепаю её, на этот раз жёстче, за что награждаюсь

приятным резким звуком и прерывистым вдохом Софи.

Она может думать, что всё контролирует, отдаваясь мне подобным образом, но я собираюсь показать ей, что контроль всё ещё в моих руках.

Склоняясь над ней, я целую две ямочки на её пояснице, эти чертовски сексуальные местечки прямо над её задницей.

Двигаясь всё ниже, я опускаю лицо к линии между её бедер.

Она тут же застывает, осознавая, как близко моё лицо подобралось к её заднице.

— Колтон... — хнычет она. Её тон неуверенный, колеблющийся, и

она начинает извиваться напротив меня, пытаясь выкрутиться из моей хватки.

— Не надо, — предупреждаю я и подтягиваю её бедра поближе. У неё нет причин скромничать рядом со мной. Я хочу поклоняться её киске с помощью своего рта. Я мог бы оставаться там по несколько часов, и этого было бы недостаточно. Мои руки крепко удерживают её на месте, пока я пробегаюсь языком, вылизывая её сверху донизу. Она издаёт тихий стон и прекращает попытки вырваться.

Её вкус напоминает сладкую конфетку, что доставляет мне невероятное удовольствие; я не

сбавляю ритма у её клитора до тех пор, пока её стоны удовольствия не становятся достаточно громкими, чтобы перебудить всех соседей.

— Колтон! — кричит она снова и снова.

Она прямо там, на том прекрасном моменте, предшествующем оргазму, что уже пробирается сквозь неё. Я погружаю два пальца глубоко вовнутрь, ощущая, как она сжимается вокруг.

Внезапно просто наблюдать за тем, как она кончает, становится недостаточно, я хочу, чтобы она кончила сильнее, чем когда-либо в своей жизни, хочу знать, что это из-за меня.

Она толкается задницей назад, трётся об мои пальцы, и в моей голове проскакивает видение о том, как она объезжает мой член.

— Вот так, детка. Отпускай, — я впиваюсь зубами в мясистую плоть ягодицы её идеальной задницы и скручиваю пальцы вверх, чтобы достичь чувствительного местечка внутри.

Софи кончает, снова и снова произнося моё имя, задыхаясь и сжимая мои пальцы.

Её тело дрожит от силы освобождения, и я приподнимаю её из полулежачего положения, укачивая в своих руках и целуя её шею, лоб и губы.

— Дерьмо, это было горячо, малышка.

— Колтон... — шепчет она снова. Её глаза подёрнуты поволокой, взгляд расфокусирован, сама же она задыхается, словно пробежала марафон. — Такого никогда не было.

— Потому что это я и ты, — говорю я, имея в виду каждое слово. Мы делим неразрывную связь, кроющуюся много глубже физической. Я не знаю, из-за тех ли это недель, которые мы провели вместе, узнавая друг друга, и всего остального, за исключением игнорирования взрывной химии между нами, однако это не только отличается от всего, что я когда-либо

испытывал, но и сильнее.

Наши губы встречаются в порыве голодных поцелуев. Руки Софи блуждают вниз по моему телу, прохаживаются по прессу, двигаются вниз, пока не натыкаются на мой твёрдый член. Сперва она дразнит меня, исследуя кончиками пальцев, легонько царапая ногтями кожу и обхватывая нежной рукой мои яйца. Я издаю хриплый звук, когда она сжимает меня и начинает лениво поглаживать вверх-вниз. Я толкаюсь бёдрами навстречу её прикосновениям.

— Сильнее, детка, — я показываю ей, как мне нравится, положив свою руку на её и

увеличивая темп движений.

Её губы всё так же на моих, тогда как она сосредотачивается на поиске ритма. Когда она его находит, удовольствие вливается в моё тело, и я возвращаю руку к её шее.

— Так хорошо, — стону я, запуская руки в её волосы и подтягивая её рот обратно к своему.

Пока наши языки сталкиваются и исследуют, Софи использует уже обе руки, поглаживая меня по всей длине, до тех пор, пока я не готов взорваться.

— Соф, — хриплю я. — Ты собираешься заставить меня кончить...

Она смиренно опускает голову и

берёт меня в тёплую пещерку своего рта, посасывая головку члена. То, что она хочет попробовать меня — неожиданно и сексуально, и я больше не могу сдерживаться ни секунды. Запутывая пальцы в её волосах, я извергаю поток бессвязных проклятий и опустошаюсь ей в рот.

Софи издаёт стон и проглатывает каждую каплю.

— Чёрт возьми, детка, — я изумленно пялюсь на неё. Не могу поверить, что она это сделала.

Она застенчиво улыбается и опускает взгляд на мой расслабленный член, после чего одаривает его ласковым похлопыванием.

— Я рад, что ты согласилась быть друзьями, — я смахиваю волосы с её лица и целую в губы.

— Ты знал, что это никогда не сработает, так ведь?

— Я знал, что это не то, чего мне хотелось, но я был готов попытаться, раз только так ты могла задержаться в моей жизни, — это чистая правда.

Она смотрит на меня сияющими обожанием глазами.

— Я хочу всё.

— Я тоже, сладкая Софи. Я тоже.

Я поднимаюсь на ноги, баюкая её в своих объятьях.

— Пора в постель.

— А что с нашей одеждой? — она опускает взгляд на грудку сброшенной одежды и бельё, украшающее пол моего кабинета.

— Она послужит поводом хоть для каких-то сплетен прислуге.

Она кладёт голову мне на плечо и издаёт довольный вздох, позволяя мне нести себя вверх по лестнице.

Глава 6.

Софи

На следующее утро, когда я просыпаюсь, Колтона уже нет в постели. Взглянув на часы, я осознаю, что сейчас десять минут седьмого, а поскольку сегодня понедельник, полагаю, он встал пораньше, чтобы собраться на работу.

Желая встретиться с ним до того, как он начнёт свой день, я выскользываю из постели и спускаюсь по лестнице вниз, одетая лишь в его футболку, в которой спала. Тёплый хлопок на моей коже

напоминает, что есть много всяких мелочей, связанных с ним, по которым я скучала. В уголках моего рта играет счастливая улыбка.

Я нахожу его на кухне, в тёмном костюме, белоснежной рубашке и синем галстуке. Его ноги по-прежнему голые. Выглядит он прекрасно. Возможно, его-то я и возьму себе на завтрак.

Он поднимает на меня глаза и опускает свой сотовый на островок.

— Разве ты не прекрасна, — он блуждает взглядом по выделяющимся под футболкой изгибам, а затем скользит им по моим обнажённым ногам. — Иди сюда.

От его простого приказа моё

тело сжимается в предвкушении. Я пересекаю кухню и останавливаюсь перед ним.

— Хорошо спалось? — спрашиваю я и протягиваю руку, чтобы поправить его галстук.

— Как чёртовой скале, — он целует меня в висок. — Слава Богу, ты вернулась.

Я обнимаю его за талию и тихонько вздыхаю, когда он притягивает меня к себе, крепко сжимая. Один только взгляд на него, одетого в костюм, с застёгнутыми пуговицами и галстуком, порождает во мне желание растрепать его, раздеть и проделать всякие шаловливые проделки — прямо

здесь, на кухне.

— Ты говорил, что сегодня... — я поднимаю лицо к его шее и шепчу ему на ухо, позволяя словам задержаться между нами. Перспектива секса в дальнейшем сделала моё тело слишком хорошо осознающим его близость и запах.

Рот Колтона изгибается в игривой ухмылке:

— Чёрт, Соф...

Я играюсь с краями своей футболки, и он устремляет взгляд на юг. Одетая всего лишь в старую серую футболку, я никогда не чувствовала себя более сексуальной. Я приподнимаю футболку и показываю ему, что на мне нет

никаких трусиков, тогда как вдруг Колтон начинает прочищать горло, будто он не в своей тарелке.

— Что? — спрашиваю я.

Он выдыхает.

— Марта здесь.

Огорчение пронзает меня, и из меня почти вырывается стон разочарования. Отпустив края футболки, вновь прикрывая себя, я заглядываю за Колтона в сторону кухонного окна, открывающего обзор на подъездную дорожку. Красный спортивный автомобиль припаркован на дороге, но её самой нигде не видно. Странно.

— Пойду, оденусь, — говорю я и оставляю его на кухне. Назовите

меня старомодной, но, как мне кажется, я должна надеть как минимум трусики, если здесь находится один из сотрудников Колтона. Я оставляю его футболку и просто надеваю нижнее бельё и штаны для йоги, прежде чем снова спуститься вниз.

Я сталкиваюсь с Мартой в холле, возле одной из гостевых комнат.

— Софи? — она выглядит удивлённой, её брови взлетают, когда она оглядывает меня.

— Привет, — я оглядываюсь, отмечая несколько чемоданов в гостевой комнате и разбросанные по кровати вещи. Какого чёрта? Я не понимаю, что происходит, однако

вместо того, чтобы остаться и поболтать с Мартой, во мне возникает желание поговорить с Колтоном. Я направляюсь напрямиком на кухню.

— Марте, похоже, довольно уютно наверху.

— Она поживёт здесь, — произносит он без последующих объяснений.

— Почему? Разве у неё нет своего дома? — если он начнёт заливать о дружеском общении или о том, что дом пустует, я выйду из себя. У меня уже были подозрения о том, во что вылились их отношения, после фиаско с его браком, но я не смогу выдержать ещё одну

информационную бомбу, если она обрушится на меня сейчас.

— У неё дома произошло нашествие крыс, и теперь её квартира на восстановлении. Это всего на несколько дней.

Крысы? Фу.

— Ладно.

— Что случилось? Похоже, ты расстроилась.

— Просто мне показалось, что она удивилась, когда увидела меня здесь, будто не знала о моём возвращении.

Он пожимает плечами.

— Ты вернулась только вчера. У меня ещё не было времени сказать ей.

Его ответ имеет смысл: мне просто не нравится идея о том, что, как только Колтон вновь остался один, Марта не потеряла времени впустую и переехала. И, судя по трём гигантским чемоданам, привезённым с собой, она планирует остаться здесь на чуть больше, чем пару дней.

Марта выбирает именно этот момент и заходит на кухню, доставая себе из шкафчика чашку для кофе. Я знаю, что это ненормально, но её фамильярные отношения с этим мужчиной и его домом меня бесят.

— Готов к работе, босс? Мы можем поехать вместе, — обращается она к нему с улыбкой.

Колтон чмокает меня в губы и

смиряет меня умоляющим взглядом, прежде чем повернуться лицом к Марте.

— На самом деле, мы, вероятно, будем работать в разное время, поэтому нам лучше ездить отдельно.

— Нет, всё нормально. Я не против, если тебе придется работать допоздна, я всё равно в игре. Плюс, это подходящее время, чтобы мы наверстали упущенное. И я могу ускорить ремонтные работы, которые ты запланировал в домике у бассейна.

— Что за ремонтные работы в домике у бассейна? — осведомляюсь я.

— Колтон не сказал тебе?

Я качаю головой.

— Один из насосов оказался неисправным, и домик рядом с бассейном затопило. Я взялась за ремонт после... не бери в голову, — Марта кокетливо улыбается, обмениваясь с Колтом загадочным взглядом.

— После чего? — спрашиваю я.

Она пожимает плечами.

— После Стеллы — она же декорировала его. Однако мне показалось, что фиолетовый и золотой интерьер не совсем подходит Колтону, и я поняла, что пришло время для создания нового образа.

Колтон скользит своей тёплой ладонью по моей — этот жест

предназначен для того, чтобы успокоить и подбодрить меня. Понятия не имею, почему я веду себя так территориально по отношению к этому мужчине, ведь я даже не уверена, что он мой, однако после того, как я увидела сегодня утром Марту, все мои чувства пришли в состояние повышенной готовности. Если я собираюсь завязать с Колтоном настоящие отношения, мне нужно, чтобы женщины из его прошлого перестали заявляться сюда без предупреждения. Я делаю мысленную заметку поспрашивать Колтона о деталях его отношений с Мартой.

Я стою в пижаме возле парадной

двери, наблюдая за тем, как Колтон и Марта забираются в её маленькую красную спортивную машину. Они выезжают через ворота на дорогу, а грохочущие звуки музыки задерживаются до тех пор, пока они не исчезают из виду.

Я вздыхаю и закрываю дверь. Мне потребуется какое-то время, чтобы привыкнуть к новой жизни.

Глава 7.

Колтон

Как успешный предприниматель, который работает в двух компаниях и регулярно общается с топ-менеджерами, проводя переговоры с непримиримыми конкурентами, я считаю, что это практически смешно: возбудиться из-за крохотной девушки, одетой в одну только мою футболку. Как только Марта трогает, мои мысли тут же упорхают к Софи, как это часто и бывает.

Я набираю ей сообщение:

«Я уже по тебе скучаю»

Её ответ приходит почти

мгновенно.

«Я сильнее»

Улыбаясь, я печатаю ответ.

«Сегодня ночью мы

повеселимся»

«Обещаешь?»

Её ответ вынуждает меня

усмехнуться.

«Всё, с чем ты справишься,

сладкая»

— Так, Софи вернулась? —

спрашивает Марта, убавляя звук на

радио и отвлекая моё внимание от

телефона.

Я распознаю намёк на ревность,

томящуюся в ней — этому мне и

нужно положить конец, чёрт возьми, сейчас.

— Да, она вернулась — навсегда, надеюсь.

Марта опускает очки и смотрит на меня.

— Вау. Это большой шаг.

— И впрямь, — признаю я. — Я без ума от неё, Марта, и мне нужно знать, что ты это понимаешь. У тебя и меня непростое прошлое, но там оно и должно оставаться — в прошлом.

— Понимаю, — я слышу нотки разочарования в её голосе.

Не могу сказать, что удивлен её реакцией — я давно подозревал, что она хочет большего со мной.

— Я ценю тебя как друга и сотрудника, но Софи меняет для меня все правила игры. Честно говоря, я наконец-таки разрешил всё со Стеллой.

— Я поняла, Колт, — её голос приобретает раздражённую интонацию. — Между нами всё было кончено задолго до того, как на горизонте появилась Софи. И я большая девочка. Мне по силам с этим справиться.

— Я знаю, что по силам. Спасибо тебе за это, — я рад тому, что она, по всей видимости, всё понимает. Последнее, чего я хочу, так это чтобы между ними с Софи всё усложнилось. Ну, или между нами,

если уж на то пошло.

— Кроме того, это произошло всего несколько раз, — отмечает она.

Мы оба смотрим на дорогу, и у меня возникает ощущение, что она в ярчайших подробностях вспоминает те несколько раз, когда мы были близки.

— Всё это в прошлом, — подтверждаю я. Во всяком случае, я надеюсь, что там оно и останется. Марта не отвечает. — Забыли, верно?

Она издаёт приглушённый смешок.

— Не стала бы я заходить так далеко, Колтон. Не думаю, что в ближайшее время смогу забыть о том, что ты самый крупный мужчина

из всех, кого мне доводилось повстречать, или же о том, насколько ты суров и властен, когда возбуждён.

В моих воспоминаниях наши встречи не такие запоминающиеся. Помню только, что первые месяцы после ухода Стеллы я был подавлен и одинок. А Марта была рядом, и хотела этого, поэтому я несколько раз позволил ей снять моё напряжение, но у нас никогда не было секса.

— Я серьёзно, Марта. Если ты начнёшь усложнять всё для Софи или будешь вспоминать прошлое...

Она резко поворачивается ко мне.

— Расслабься, босс. Оставь меня

с моими тёплыми воспоминаниями, и я обещаю, что никому ничего не скажу.

Мы разделяем напряжённую поездку до работы, и я делаю мысленную заметку рассказать обо всём Софи по приезду домой. Теперь, когда она вернулась и верит в то, что я поступлю правильно, я не позволю чему-то столь несущественному погубить наш прогресс.

День тянется с черепашьей скоростью, пока я дожидаюсь своего вечера с Софи. Мои братья застают

меня врасплох, заявляясь ко мне на обед с ланчем. Будучи столь занятым работой, я сдвинул нашу еженедельную встречу за ланчем. Сегодня же они не стали рисковать и влетели в мой кабинет с моим понуро семенящим следом ассистентом.

— Они просто взяли и ворвались, сэр, — произнес он, выглядя встревоженно.

— Всё в порядке, Дэвид.

Мой ассистент, Дэвид, слегка занудный и тщедушный тип, отчего у меня возникает ощущение, что присутствие моих братьев подавляет его. Но он один из лучших, поэтому я не укоряю его за ошибку.

— Тебе надо поесть, — говорит Пэйс, поднимая пакет из одного моего любимого суши-ресторана. — И мне нужен отчёт о том, что происходит с милейшей Софи.

Он полетел со мной в Италию именно по моему капризу, так что, возможно, я задолжал ему этот отчёт.

— В пакете есть острый ролл с тунцом? — осведомляюсь я.

Он кивает и начинает извлекать контейнеры с едой.

Я присоединяюсь к нему и Коллинзу за мраморным столом в центре моего кабинета.

— Итак? — спрашивает Коллинз. — Твоя поездка в Италию прошла впустую? Или ты заполучил

девчонку?

— Софи переехала обратно, — подтверждаю я.

— Да, чёрт возьми, — широкая улыбка озаряет лицо Пэйса. Он никогда не мог скрывать свои эмоции, они всегда отображаются на его лице. Это одновременно и дар, и проклятие. Он застройщик, поэтому его коммуникабельный характер помогает ему завоёвывать клиентов, однако он может быть и помехой, когда ведёт переговоры на крупные сделки. Все карты на столе перед ним лежат рубашкой вверх. Вы можете увидеть каждую мысль, посещающую его мозг.

— А как же Стелла? —

интересуется Коллинз.

Мой старший брат годами наседал на меня, чтобы я развёлся с ней. И, хотя он был всего на два года старше меня, он всегда вёл себя скорее как отец для нас обоих: меня и Пэйса.

— Я подписал бумаги.

Пэйс вскакивает на ноги.

— Срань Господня! Мы должны отпраздновать это каким-нибудь шампанским.

— Сядь, чёрт возьми, — ворчу я, не в силах однако скрыть кривую усмешку, возникающую в уголке моего рта. — Да-да, я знаю. Самое время.

— Я так чертовски рад, что

Софи есть в твоей жизни, — произносит Коллинз, выкладывая на свою тарелку небольшую порцию имбиря. Очевидно, он считает, что её появление в моей жизни поспособствовало этой перемене. И, конечно же, он прав.

— Нам нужно отпраздновать это, бро. Серьёзно, — говорит Пэйс.

— Неплохая идея. Крупный раут, чтобы отпраздновать твоё освобождение от этой мега-сучки, — отмечает Коллинз, задумчиво жуя.

— Бросьте, парни. Я подписал бумаги и отправил их адвокату. Этого праздника достаточно, — не обязательно отмечать анальное насилие, воспроизведённое над

моим банковским счётом, чтобы оплатить её уход.

Несколько минут мы трапезничаем в уютной тишине. Во время этого затишья мои мысли автоматически отчаливают к Софи и тому, что будет вечером, когда я вернусь домой.

— Марта же одинока, так? — спрашивает Пэйс, запихивая в рот суши.

— Почему ты спрашиваешь? — интересуюсь я, раскладывая салфетку на коленях.

— Она выглядит так, будто привыкла к хорошей жёсткой езде, — ухмыляется он.

Я опускаю свои палочки.

— Не трахать моих сотрудников. Почему тебе так тяжело это усвоить?

Он закатывает глаза.

— Чёрт, чувак. Ты ещё хуже, чем женщины. Сперва наезжаешь на меня за попытки подцепить сестру Софи, Бекку, а сейчас ноешь из-за того, что я обратил внимание на маленькую дерзкую задницу Марты.

— Я не ною. А даю тебе понять, что твои мастерские способности пикапа должны простираться за пределами женщин, находящихся в моём ближайшем окружении, потому что я не хочу, чтобы они трахались с тобой, а потом приходили плакаться ко мне. Мне известна твоя история с женщинами, мудака.

Коллинз соглашается, спеша на мою защиту.

— Он прав, придурок, твой послушной список равен нулю, к чему же сотни?

— Что, чёрт возьми, это значит?
— Пэйс на мгновение перестаёт жевать.

— Количество твоих моногамных отношений равняется нулю, тогда как количество половых партнёров перевалило за сотню, — отвечает Коллинз.

Пэйс пожимает плечами.

— Я сбился со счёту, когда дошёл до трёхзначных цифр.

— Послушай, мудака. Я уже сказал тебе. Марта работает на меня,

поэтому не смей её трахать. Что касается Бекки, то она больна раком. Ей не нужны никакие лишние стрессы в жизни от кого-то, кто трахнет её разок и свалит. Не говоря уже о том, что она сестра моей девушки. Если ты сочинишь её, а потом исчезнешь, мне придётся столкнуться с последствиями.

Он дуется, ещё глубже опускаясь в своём кресле, но не возражает.

Мы с Коллинзом обмениваемся быстрыми триумфальными взглядами.

Я понятия не имею, девственница ли Бекка, как и Софи, но это не имеет значения. Я не хочу, чтобы Пэйс ошивался рядом с ней.

Его история с женщинами слишком плачевна.

— Софи всё ещё девственница?

— спрашивает Пэйс.

— Ненадолго, — подтверждаю я.

Глава 8.

Софи

Когда Колтон и Марта приезжают домой, я уже приняла душ, оделась и теперь жду на кухне, открыв бутылочку белого вина и расставив стаканчики на длинных ножках. Я хмуро гляжу вниз, на три бокала, устроившихся на кухонном островке. Трое — уже толпа.

Когда они заходят на кухню, Марта тут же извиняется и отправляется наверх, чтобы переодеться, оставляя нас с Колтоном наедине. Блаженство. Я

ждала этого момента весь чёртов день и не думаю, что вытерплю ещё хоть минутой больше.

Он подкрадывается ко мне, выглядя восхитительно в своём костюме. Может, сегодня утром я и проявила сдержанность, не сорвав его, но сегодня ночью я такого терпения не выкажу.

Не говоря ни слова, он обхватывают руками мои щёки и подтягивает моё лицо к своему, прижимаясь губами к моим и одаривая меня долгим поцелуем. Когда он отстраняется, на меня накатывает тоска и головокружение.

— Как прошёл твой день? — интересуюсь я.

— Слишком долгий. Я скучал по тебе, — говорит он.

Я чувствую то же самое.

— Было бы слишком грубо, если бы мы пропустили ужин и отправились напрямик в постель? — я думаю о тарелках на нагреваемом подносе, что оставила для нас троих Бет. Видимо, домработница знала, что Марта здесь. Конечно, будучи его личным помощником, Марта, должно быть, оповестила их.

Колтон пробегается руками вниз по моему телу, останавливаясь на бёдрах и прижимая моё тело к своему.

— Ужин — последнее, о чём я

думаю, — у него такой взгляд, будто он уже представляет меня обнажённой.

Тёплая дрожь пронзает меня. Я волновалось, будет ли меня беспокоить присутствие Марты в доме во время нашего первого раза, но теперь мне нет дела до того, что она услышит мои крики. Да пошла она.

— Я был твёрдым весь чёртов день, — стонет Колтон, опуская мою руку ниже своего пояса и прижимая её к гигантской выпуклости. Я сжимаю ладонь и слышу его кряхтение.

Каждая унция моих сил уходит на то, чтобы не упасть на колени и не

взять его в рот. Даже если меня и не волнует, что Марта услышит наши стоны удовольствия за закрытыми дверями, я не хочу, чтобы она узрела комплекцию моего мужчины. Этим я делиться не планирую. Ни сейчас, ни когда-либо ещё.

Он раскачивается бёдрами навстречу, пока я двигаю по нему ладонью вверх и вниз.

— Не могу дождаться, когда окажусь в тебе, — шепчет он низким голосом у моего уха.

Мои трусики затапливаются влагой.

— Пошли наверх. Я помогу тебе снять костюм, — я одариваю его игривым взглядом.

Из-за угла раздаются шаги, и я понимаю, что мы больше не одни. Я поворачиваюсь лицом к Марте, убедившись, что остаюсь перед Колтоном, прикрывая вид на его неистовую эрекцию. Видимо мы на одной волне, потому что он обнимает меня за талию, безмолвно заверяя, что мне нужно оставаться на месте.

Мой взгляд блуждает по сваленным на полу позади неё чемоданам.

— Мой арендодатель говорит, что травля мышей подошла к концу, так что я возвращаюсь домой, — произносит она.

— Мне казалось, там были

крысы, — говорю я.

— Ох, точно. Мыши, крысы. Всё одно и то же, — она улыбается, однако её щёки слегка краснеют с осознанием того, что она была поймана на лжи.

У меня возникает чувство, что здесь она оставалась только для того, чтобы как-то повлиять на Колтона, а сейчас, когда я вернулась, она поняла, что упустила свой шанс.

Она тянет чемоданы за собой, останавливается и, вытянувшись на кончиках пальцев, быстро чмокает Колтона в щеку.

— Спасибо за гостеприимство. И я полностью согласна с тем, о чём мы говорили в машине.

Он молча кивает, сжав губы в твёрдую линию.

Несколькими минутами позднее дверь за ней закрывается и до нас доносится звук отъезжающей маленькой красной спортивной машины; шум отдаляется, пока не остаются лишь звуки биения наших сердец и прерывистого дыхания.

Я вновь поворачиваюсь лицом к Колтону. Он смотрит на меня с напряжённым выражением лица.

— С моей стороны было грубо не помочь ей вынести чемоданы, но я не смог бы нормально это сделать с твёрдым членом. Что ты со мной делаешь, детка? — стонет он в отчаянии.

Я хихикаю и поднимаюсь на цыпочки, целуя его.

— Уверена, всё в порядке. Выглядела она так, будто способна с ними справиться.

Он пожимает плечами.

— Думаю, да.

— О чём вы говорили в машине?
— интересуюсь я, вспомнив то, что сказала перед уходом Марта.

— А? — переспрашивает он.

— Она сказала, что полностью согласна с тем... — я стараюсь освежить память.

Он запускает руку в волосы.

— Пожалуй, нам нужно поговорить.

Он ведёт меня в берлогу и

жестом указывает сесть на диван рядом с собой.

Живот сводит от нервов. Настрой Колтона окончательно поменялся. Думаю, он собирается рассказать мне о чём-то, что связывает их с Мартой. Я делаю глубокий вдох и готовлюсь к худшему. Возможно, я и говорила ему только вчера, что принадлежу ему и всё это не имеет значения, ведь я ему доверяю. Сейчас же мне хочется проглотить все эти слова и свернуться в клубочек от боли, которая угрожает накрыть меня.

— Сделай глубокий вдох, Софи, — бормочет Колт. Уверена, он видит боль и переживания, отражающиеся

на моём лице. — После ухода Стеллы, у меня была непродолжительная интрижка с Мартой, — произносит он.

Мой желудок ухает в пятки, поскольку подтверждаются мои худшие опасения. Я делаю ещё один глубокий вдох по настоянию Колтона, с трудом сдерживая контроль и напоминая себе о том, что это было в прошлом.

— После развода я был разрушен, — объясняет он. — Она была рядом, и сейчас я об этом жалею, но мы порезвились пару раз.

— О, — я немею и опустошаюсь, чувствуя порыв разрыдаться. Я ревновала к Марте, её внешности и

их с Колтоном тесным отношениям с первого дня. И сейчас все мои догадки подтверждаются.

— Мы никогда не занимались сексом, — добавляет он.

От этой новости мне становится немного лучше.

— Что она имела в виду? Вы говорили в машине о том времени, когда она была с тобой?

— Я сказал ей, что я, чёрт возьми, без ума от тебя. И, хотя она уже давно знает, что не интересуется меня, я дал ей понять, что не потерплю никаких преград на нашем с тобой пути. Хороших работников найти сложно, но если она попытается хоть как-то вмешаться...

Он не договаривает. Чёрт, неужели он пригрозил уволить её, если она усложнит всё для нас с ним?

Её загадочное заявление, а затем и бегство отсюда должны означать, что она принимает наши с Колтоном отношения и не имеет никакого намерения вмешиваться.

— Я хотел быть честным с тобой касательно моего прошлого. И я хочу построить с тобой будущее, Соф. Скажи мне, что ты чувствуешь, — произносит он.

— Я рада, что ты открылся и рассказал мне о Марте, — однако в глубине души я понимаю, что Марта — наименьшая из моих забот. Я могу

принять его вынужденную интрижку. С нарастающей решительностью, я выпрямляю спину. — Но если ты хочешь со мной настоящих отношений, то не станешь задерживать свой развод. И не надо кормить меня этим дерьмом про деньги на проект для Африки — будь у тебя на самом деле сомнительное финансовое положение, стал бы ты тратить миллион на покупку секс-рабыни, ох, простите, я имела в виду, любовницы? Судя по всему, к Марте у тебя нет настоящих чувств, и я это переживу, но если ты хочешь этого со мной, то покажешь мне, что я стою риска. Я не могу делить тебя со Стеллой.

— Ты никогда не будешь делить меня, — его тёмные собственнические и полные тоски глаза умоляют мои.

— Я и так делю тебя — воспоминания о том, как она косится на меня в бассейне и говорит отвалить от её собственности, довольно прочно засели в моей голове. Ты не заметил, что я даже рядом с бассейном пройти не могу?

— Софи, я подписал бумаги. Вчера в кабинете, когда ты прервала меня, — произносит он.

— Что?!

— Да. Всё кончено. Я отправил их своему адвокату этим утром.

— Почему ты не сказал мне? —

это новости огромной важности, а он упоминает их в случайном разговоре, как что-то не особо важное.

— Не хотел прерывать наше веселье, — ухмыляется он.

Я в мельчайших деталях вспоминаю нашу пылкую встречу в его кабинете прошлой ночью, где я пообещала ему отдать себя. Всё разом устремляется обратно, и мой живот стягивает в узел.

— Кроме того, всё, что ты сказала, как обнажила себя, твоё полное доверие и вера в меня — именно это мне и было нужно. И если бы ты узнала, что я подписал бумаги, перед тем, как сказала мне

всё это, не было бы того же эффекта, — продолжает Колтон.

Мне ясно, о чём он говорит. Я согласилась на слепую веру в то, что он сделает всё правильно, хотя оказалось, что он уже это сделал. Моё сердце разбухает от счастья.

— Колтон...

Его глаза мечутся по моим, и он выдавливает небольшую улыбку.

Когда я спрашиваю об условиях развода, он ничего не утаивает. Он говорит мне, что его чистая прибыль в триста шестьдесят пять миллионов долларов разделена ровно пополам. И в той же мере, в коей меня переполняет счастье благодаря его наступившему разводу, я ненавижу

самую идею о том, что его теперь уже бывшая жена получит от него хотя бы цент. Она и так уже лишила его доверия к женщинам и испортила его дом воспоминаниями о себе.

Колтон обязался потратить пятьсот миллионов долларов в Африке в ближайшие десять лет, но теперь я вижу, что это невозможно. Из-за этого у меня тяжело на сердце, но я принимаюсь убеждать его, что его время и жертвования по-прежнему щедры. Он кивает и поглаживает мою коленку, хотя по нему видно, что мыслями он далеко отсюда.

Проходит несколько секунд его угрюмого состояния, и я вижу, что до

него доходит, что его жизнь приобретает новое направление. Переворачивается на новую страницу и всё такое. Он через многое прошёл, и, несмотря на его стойкость и манеру поведения, я знаю, что это тяжело для него. Мне хочется утешить его, обнять. Желание залезть к нему на колени слишком велико, чтобы его игнорировать, поэтому я так и поступаю.

— Софи? — зовёт он.

— Просто обними меня, — отвечаю я.

И он обнимает. Колтон окутывает меня своими объятиями, крепко сжимая, и его мужской запах обволакивает меня теплом. Я

уверена, что всё, что уготовано нам судьбой, будет масштабным. Возможно, мы начинали этот путь вместе, думая об этом как о чём-то мимолётном и сексуальном, однако насыщенность отношений и глубина наших чувств оказались слишком сильными, чтобы их не замечать.

— Что ты сегодня делала? — он убирает волосы с моего лица, закидывая их мне за спину, и пристально смотрит на меня, всё ещё свернувшуюся у него на коленях.

— Помимо того, что ждала, когда мой мужчина вернётся домой?

— Твой мужчина?

— Мой мужчина, — мой голос уверенный и твёрдый. Он мой, и

меня не спугнёт признание, касающееся Марты, или же его непростые времена. — Я отправилась на пробежку, приняла душ, а потом провела день, перетаскивая свои вещи из гостевой спальни обратно в главную.

— Хорошо, — он продолжает гладить мои волосы, и это чудесно.

— Это, кстати, навело меня на мысль.

— Какую? — он зарывается носом в мою шею и вдыхает мой запах, оставляя нежный поцелуй на чувствительном местечке за ухом. Он пытается отвлечь меня, и это почти работает, однако я знаю, что мне нужно обсудить с ним это, прежде

чем мы зайдём дальше.

— Ты делил с ней эту комнату,
— говорю я.

Почувствовав, куда я веду,
Колтон берёт мою руку в свою.

— Я переделал всю комнату,
когда она ушла. Мебель, матрас,
постельное бельё — всё новое.

— Их выбирала Марта? —
интересуюсь я вслух, вспомнив её
замечание о ремонте домика у
бассейна.

— Нет. Она показала мне веб-
сайт по дизайну, и я сам выбрал всё,
что захотел, после чего она
оформила заказ на мою кредитную
карточку.

— Оу.

— Это поможет?

— Да, поможет. Думаю, я чувствовала бы себя странно, имея интимную связь в той же постели, что ты делил со своей женой, — признаюсь я.

— Бывшей женой, — поправляет он. — И обещаю тебе, что, когда я, наконец, возьму тебя, Стелла будет крайне далека от моих мыслей.

Тёплая волна жара проходит между нами при упоминании о сексе.

— Я испортила ночь, задавая все эти вопросы? — спрашиваю я, встречая его лазурный взгляд.

— Нет. Отныне я обо всём хочу говорить с тобой откровенно.

— Думаю, с этим я справлюсь.

Он обхватывает моё лицо своими тёплыми ладонями и проводит своим большим пальцем по моей нижней губе.

— Слава, чёрт возьми, Богу, что ты по-прежнему здесь со мной. Ты понимаешь, что большинство женщин сбежали бы, обкладывая меня матом?

Я киваю.

— Да, хорошо, что ты милый.

— Ты думаешь, что я милый? — он поднимает бровь, пристально глядя на меня.

— Прелестный, — соглашаюсь я.

Он качает головой в ответ, а выражение его лица становится

серьёзным.

— Что не так? — осведомляюсь я.

— Мужчины не хотят, чтобы их назвали прелестными, Софи.

— Нет?

— Нет.

— А как бы ты хотел, чтобы тебя называли, Колтон?

Он проводит языком по нижней губе, обдумывая это.

— Хулиган, подонок, секс-бог, — он одаривает меня игривой улыбкой, кладя руки мне на талию.

— Ну, я не задумывалась об этом раньше, должна ли сейчас? — поддразниваю я. Он впивается глазами в мои, выдавая в высшей

степени тёмный, мрачный и
изнывающий взгляд — то, что я
чувствую в глубине своего тела. —
Колт...

Жаждающий звук громыхает в его
груди, и он обрушивается на меня
своим ртом. Сексуальное
напряжение, что мы выстраивали все
эти недели, обрушивается на нас в
одно мгновение. Я настолько полна
похоти и желания, что это требует
немедленного внимания.

Я всё ещё восседаю на его
колене и трусь об него, извиваюсь,
борюсь, чтобы оказаться ближе по
мере того, как он всё глубже целует
меня. Его язык поглаживает мой в
сильнейшем гипнотическом ритме,

напоминая мне о том, как порочно он облизывал мою сердцевину прошлой ночью до тех пор, пока я не кончила с такой силой, что едва ли не отключилась.

Почувствовав твёрдый хребет его эрекции, я толкаю бёдра ближе, повернув своё тело так, чтобы чувствовать его прямо между бёдрами. Я бездумно трусь об него.

— Колт... — в который раз издаю стон, мой голос звучит хриплым призывом в тихой комнате.

Он через голову стягивает с меня футболку, и его руки сразу же оказываются повсюду. Он расстёгивает лифчик и отшвыривает его в сторону, лаская мою грудь и

нежно пощипывая соски. Поцелуями он прокладывает влажный путь вниз по моему горлу и берёт одну грудь в свой горячий рот. Я вскрикиваю в смешении удовольствия и разочарования. Мне столь же хорошо от его внимания к моей груди, сколь плохо оттого, что его нет там, где он нужен больше всего.

— Я, чёрт возьми, больше не могу ждать, Софи, — стонет он.

— Не жди, — задыхаюсь я.

Я тянусь между нами, расстёгиваю ремень и проталкиваю руки в его брюки до тех пор, пока не нахожу то, что ищу. Его член тёплый и тяжёлый в моих руках. Боже, как же я скучала по этой штуковине.

Предыдущая ночь была будто десятки лет назад или просто возможно, что двадцать четыре часа без прикосновений к нему — это ад.

Колтон стаскивает с себя штаны и боксёры вниз по бёдрам, рыча ругательства и позволяя мне массировать его вверх и вниз по длине.

Внезапно он поднимает меня, ставит на ноги и проделывает быструю работу, снимая с меня штаны. Следующими он срывает трусики, и я практически трясусь от желания. Колтон стаскивает с себя рубашку и отшвыривает штаны и боксёры, запутавшиеся вокруг его лодыжек. Когда мы оба оказываемся

свободны от одежды, я опускаюсь на колени, не в силах устоять перед желанием взять его в рот.

Сперва кружу языком вокруг его кончика, а затем решительно оборачиваю руки вокруг основания и глубоко втягиваю его в рот.

— Блядь, Софи... — стонет он, запуская руки в мои волосы и раскачиваясь вперёд, засаживая его глубже.

После того, как он признал, что она никогда не делала этого для него, я захотела этого ещё больше. Это наша фишка, что безумно мне нравится.

Я вожу руками вверх и вниз, облизываю и посасываю, увеличивая

темп. Я никогда ничего не хотела так сильно, как сейчас хочу его член. У меня крыша едет от желания.

Колтон одной рукой обхватывает мой подбородок и отодвигает мой рот от себя. Я поднимаю взгляд, гадая о том, что я сделала не так.

— Мне нужно быть в тебе, — рычит он, в его грубом голосе отражается потребность.

Он предлагает мне руку, и я встаю на ноги. Практически вползаю по его телу, когда он поднимает меня с пола. Я оборачиваю ноги вокруг его торса, и он выносит меня из комнаты. Сначала мне кажется, что он направляется к лестнице, однако он останавливается и прижимает

меня спиной к стене. Он раскачивает свою толстую эрекцию у моего центра, подразнивая и заставляя меня изнывать по нему.

Он целует мою шею, губы и вершинку груди, всё это время не прекращая раскачиваться и толкаться своим широким кончиком напротив меня.

— Не могу ждать... — произносит он. — Я мечтал об этом моменте с тех пор, как впервые увидел тебя на сцене. Твоя красота, твоё мужество... ты так чертовски сексуальна, малышка.

— Трахни меня, Колтон, — я издаю отчаянный стон.

Он тянется между нами и

хватает свой член, скользя им по моей влаге и устраивая его прямо у моего входика. Осознание того, что мы собираемся сделать это не в спальне, сильно заводит.

— Сначала будет немного больно.

— Всё нормально, — я готова. Я ждала этого слишком долго и не позволю лёгкому дискомфорту испортить впечатление. Не могу дождаться того момента, когда окажусь заполнена им, чтобы увидеть каким любовником он может быть. Я так долго воображала об этом, умирая от желания увидеть, как он трахается. Быстро и жёстко или же длинными, медленными

махами.

— Дерьмо, — ругается он.

— Что такое?

— У меня нет презерватива.

Его дом такой чертовски большой, я ни за что не стану ждать, пока мы протащимся через весь его особняк в поисках защиты. Плюс, я с полной уверенностью осознаю, что не хочу, чтобы в мой первый раз нас что-то разделяло. Я хочу чувствовать его. Только я и он, безо всяких барьеров.

— Нет, никакого презерватива. Я хочу чувствовать тебя. Пожалуйста, Колтон.

Его взгляд цепляется за мой, и я могу прочесть нерешительность в его

глазах.

— Ты уверена?

Кивок.

— Да, просто возьми меня.

Уверена, он знает, что я не

принимаю никаких
противозачаточных, однако отмечаю
тот момент, когда он решает, что это
не имеет значения. Его глаза
тепеют, а глубокий голубой взгляд
оседает на моём.

— Поцелуй меня, сладкая Софи,

— мурлычет он.

И я целую.

Он расставляет ноги шире,
перекладывая одну руку мне под зад,
а другой пристраивая пульсирующий
член напротив меня. Я цепляюсь за

него, крепко обхватывая руками его шею и сливаясь с его ртом.

Колтон начинает двигаться, нежными поглаживаниями подраживая мой входик одним лишь кончиком. Я ловлю ртом воздух, когда чувствую, как он, наконец, проталкивается вперёд. Его лицо — маска концентрации, будто всё внимание сосредоточено на собственном контроле: лишь бы не причинить мне боль. Я знаю, что он большой, но в этот момент меня это не волнует. Я хочу быть заполненной им, переполненной ощущениями и знать, что всё это благодаря этому мужчине. Даже если я закричу от боли, даже если истеку кровью —

оно будет того стоить, потому что это будет означать, что он, наконец, сделал меня своей — момент, который я ждала всю свою жизнь.

— Ты готова?

Я напряжённо киваю.

— Не задерживай дыхание.

Я и не знала, что сделала это, однако глубоко вдыхаю, и Колтон дёргается вперёд, лишь слегка проникая в меня грубоватой головкой, прежде чем вновь отступает.

— Так было нормально? — выдавливает он из себя.

— Хорошо, — подтверждаю я.

Возникает ощущение растягивания, и лишь малейший укол

боли. Это невероятно, и, несмотря на дискомфорт, я бы ни за что не стала его останавливать.

Его язык поглаживает мой, тогда как он входит в меня малюсеньким шажочком.

— Боже, малышка... — он снова продвигается на дюйм вперёд, и моё тело растягивается вокруг него.

— Колтон... — стону я. — Мне это нравится.

— Хорошо. Я стараюсь сделать это приятным для тебя.

Осознавая, что я припёрта к стене и он держит меня на весу, внезапно я начинаю нервничать, — а вдруг ему это не доставляет такого же удовольствия, что и мне.

— Я слишком тяжёлая?

— Не переживай из-за этого, — он продвигается ещё на дюйм и целует меня в губы. — Мне нравится трахать тебя, удерживая на весу.

Ох. Мне тоже это нравится. Я чувствую себя маленькой и одержимой им с таким страстным желанием, о котором никогда и не подозревала. Однако я понимаю, что он не усердствует, очень аккуратно раскачиваясь вперёд, а затем потихоньку отстраняясь, и с каждым разом я чувствую, как он утопает всё глубже. Мне известно, какой он большой, потому я задумываюсь о том, каковы будут ощущения, когда он окажется ещё глубже во мне.

— Тебе хорошо?

— Лучше, — подтверждает он, и горячая дрожь — такая же небольшая, как и слово, сорвавшееся с его языка, — прокатывается вниз по моей спине. Он невероятно сексуальный и полностью сдержанный — две крохотные черты, ставшие моей гибелью. — Ты так уютно и крепко сжимаешься вокруг меня. Твоё тепло ощущается просто поразительно.

Я издаю стон блаженства, а он продвигается ещё на дюйм, на этот раз раскачиваясь ещё глубже. Я никогда не задумывалась о том, какими будут его ощущения, и мне нравится то, как он это описал.

— Чёрт, ты такая тугая, малышка. Следующая часть может быть немного болезненной. Оставайся со мной, ладно?

Я киваю и встречаюсь с ним глазами. Сразу видно, что он сдерживается. Но я понимаю и то, что доверяю ему.

Он дёргает бёдрами вперёд, заполняя до конца и крадя моё дыхание. Лишь слабый стон вырывается из меня. Этот момент — всё, чего я ожидала, и он даже более значим, чем я могла себе вообразить. Приступ боли внутри рассасывается через мгновение.

— Чёрт, — хрипит он. — Дыши для меня, сладкая.

Задыхаясь, я делаю глубокий вдох и цепляюсь за его плечи, пока Колтон вбивается в меня длинными жёсткими махами, забирая от моей девственности всё, что осталось.

Он сохраняет неуклонный темп, толкаясь в меня и отстраняясь. Вскоре уколы боли стихают, и я остаюсь с тёплым приятным ощущением, как если бы сосуд наполнили после продолжительной засухи. Этот долгожданный момент наступил, поэтому я невероятно рада, что хранила себя только для Колтона.

Я сжимаю вокруг него свои внутренние мышцы, подразниваем вырывая дребезжащий стон из его

горла. Несколько более глубоких толчков связывают его тело с моим, и я чувствую, как все мои мышцы натягиваются.

Прекратив сдерживаться, он усиливает хватку на моих бёдрах, и его толчки перерастают в быстрые сильные удары.

Колтон приближает свои губы к моим, и его тёплое влажное дыхание учащается, когда он высвобождает короткий стон, что, как я знаю, означает пришествие его оргазма. Он погружается ещё глубже в меня, и я чувствую прилив горячей спермы, извергающейся во мне. Спустя несколько мгновений Колтон опускает меня на ноги и целует мои

губы, приговаривая о том, какая я безупречная. И в этот момент я действительно чувствую себя таковой. Чёртовой секс-богиней, которая только что перевернула с ног на голову мир своего мужчины. И сонное, довольное выражение его лица попросту восхитительно.

— Прости, что так быстро. Ты была перебором для моего контроля над собой, — он целует мою шею, уткнувшись в меня. — Прекрасная девушка, — бормочет он у моего горла.

— Это было идеально, Колтон, — я не кончила, но я и не ждала этого в свой первый раз.

— Это было не идеально. Но

будет. Я натренирую твоё тело так, чтобы оно кончало одновременно с моим, — произносит он, оставляя ещё один поцелуй на моих губах.

Тёплая дрожь пробивает меня от мысли об оргазме в тандеме с ним. Этот вызванный образ невероятно эротичен.

Прежде чем я успеваю спросить, что он делает, Колтон опускается на колени, придвигается ртом к моей сердцевине и накрывает её губами, посасывая клитор и глубоко двигая пальцами внутри меня.

О Господи.

— Колт! Что ты делаешь? — мои ноги дрожат, тогда как тело остро реагирует на его горячий рот,

овладевающий мною. — Ты же только что кончил в меня, а теперь...

— Малышка, я должен попробовать то, что принадлежит мне.

Не удержавшись, я смотрю на него с широко распахнутыми глазами и отвисшей челюстью. Он прекрасен. Тёмные растрёпанные волосы, ресницы, трепещущие на щеках, полный сочный рот, который сейчас пожирает меня... Я разбухаю от возбуждения, а его рот, горячий и жадный, облизывает и посасывает меня, пока я не начинаю стонать и тереться об его лицо.

— Колтон, — мурлыкаю я, запуская пальцы в его волосы.

Я никогда не забуду образ того, как он после секса падает на колени и с жадностью впивается в меня. Его, кажется, не заботит, что из моего тела вытекают его собственные соки, его волнует только моё удовольствие — и это чрезвычайно горячо. Я делаю судорожный вдох, продолжая наблюдать за его ртом на себе. Он безжалостно бьёт языком по моему клитору, не переставая дразнить.

Затем надавливает двумя длинными пальцами внутри меня, и вид семени, покрывающего его пальцы, пока он входит и выходит из меня, служит для меня погибелью. Я начинаю трястись и понимаю, что мой оргазм уже не за горами.

Он хмыкает и зажимает мой клитор зубами, исторгая из моего горла низкий стон. Я сжимаюсь вокруг его пальцев, когда мой оргазм нарастает, и с воплем кончаю, отчего мои ноги подгибаются. Колтон мешает моему падению, крепко упираясь руками мне в бёдра и мягко целуя мои нижние губы, пока я не перестаню дрожать. После чего он поднимается на ноги с самодовольным выражением на лице.

Он берёт мою руку и выводит меня из берлоги, которую я навсегда запомню, как первую комнату, которую мы опробовали.

Колтон не прекращает касаться

меня, пока мы поднимаемся по лестнице и заходим в главную ванную: держит меня за руку, невинно опускает её на бедро или же совсем не невинно устраивает её на моей заднице. Он освобождает меня, только когда включает краны, чтобы заполнить большую ванну, по которой я зверски скучала во время своего отсутствия.

— Как насчёт того, чтобы расслабиться? — интересуется он, целуя меня в губы.

— Только если ты планируешь ко мне присоединиться.

Он коварно мне улыбается.

— Безусловно.

Мы оба всё ещё голые, как в

день, когда мы родились, и я не могу не бросать украдкой взгляды на его тело. Он похож на сплошную каменную стену из мышц, построенную для максимального удовольствия. Глубоко очерченные брюшные мышцы, что ведут вниз по его бокам к V. Мой взгляд скользит ниже, и я вижу его мужское достоинство, тяжело болтающееся между мощных бёдер. Даже в расслабленном состоянии он впечатляет. Раньше, когда я удовлетворяла его орально, он в мгновение ока вновь становился твёрдым. Должно быть, в этот раз я действительно насытила его. Утолила жажду, так сказать. Мои

губы кривятся в улыбке.

— Что смешного? — он опускает взгляд вниз, на свой расслабленный член, а затем, нахмурившись, поднимает его обратно ко мне.

— Ничего, — я расправляю губы, теряя улыбку.

— Софи, — отчитывает он. — Ты смотрела на мой член и смеялась.

— Я не смеялась, — исправляю его.

— Хорошо, тогда ты улыбалась ему так, будто вы двое вместе потешались над какой-то шуткой. Между вами всё нормально?

— Даже очень, — соглашаюсь я.

— Тогда скажи мне, что он

такого сделал, отчего ты улыбаешься.

— Он мягкий.

Колтон хмурится и вздыхает.

— Это случается, после того как мужчина эякулирует, Софи.

Я хихикаю, не в силах остановиться.

Услышанные произнесённые Колтоном слова довели сидящего внутри меня двенадцатилетнего мальчика до ручки. Собравшись, я объясняю:

— Да, я это знаю. Но до этого, когда, я, эм, использовала свой рот, ты тут же снова становился твёрдым.

Он внимательно смотрит на меня, выражение его лица бесстрастное, но по нему видно, что он раздумывает над тем, что

ОТВЕТИТЬ.

— Я, как правило, довольно быстро восстанавливаюсь, но ты права, с тобой это было безумием. Честно говоря, думаю, это потому, что я хотел тебя так сильно, что был в постоянной готовности кончить.

— А сейчас, вследствие того, что мы проделали внизу, ты удовлетворён?

— На данный момент.

Ох. Я прикусываю губу, понимая, что только из-за того, что у нас уже был сегодня секс, он не обязан не повторятся. Меня задевают за живое мысли о том, буду ли я в состоянии идти в ногу с этим мужчиной в плане секса.

— Забирайся в ванну, сладкая, — говорит он, вытаскивая меня из мыслей.

Приняв его руку, я ступаю в ванну и опускаюсь в восхитительно горячую воду. Почти невыносимо, но она хорошо действует на мои заезженные и уставшие мышцы. Я устраиваюсь на одной стороне ванны, а Колтон, забравшись и сев в воду, оказывается прямо напротив меня.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает он мягким и нежным голосом, касаясь моих пальцев ног под водой.

Мои внутренние ткани немного опухли и побаливают. «Но в лучшем

виде», — решаю я.

— Как женщина, — улыбаюсь я.

Он громко смеётся в ответ. Его смех — лучший во всём мире. Он — серьёзный мужчина, зачастую совершенно рассудительный и спокойный, поэтому взрыв мужского смеха в тихой комнате наполняет меня глубоким чувством счастья.

Мы устраиваемся в тёплой воде — каждый из нас опускается по плечи — и просто безмолвно смотрим друг на друга. Это тяжёлый момент, но в хорошем смысле. Всё, что мы делили, всё, что есть перед нами, доставляет мне ощущение счастья и надёжности.

— Я не должен был кончать в

тебя, Соф. Я повёл себя неосторожно,
— говорит Колтон, наконец,
разрушая тишину.

Мой маленький счастливый
пузырь моментально лопаётся.

— Я этого хотела.

— Но ты же не пьёшь
противозачаточные? Ты можешь
забеременеть.

— Я знаю, — я смотрю прямо на
него в ожидании ответа.

Его ответ — ленивая улыбка,
осветившая всё его лицо.

— Понял.

Моё тело тонет в эндорфинах
вместе с другими тёплыми
чувствами. Мы с ним на одной
странице. Это не какая-то интрижка.

Это не что-то мимолётное или временное. В том, что мы делаем, есть и смысл, и глубина, и полная ясность.

— Иди сюда, — приказывает он голосом низким и скрипучим.

Я тянусь к нему, практически переплывая ванную, и, глядя на меня, Колтон усмехается. Я берусь за его колено и устраиваюсь напротив него. Раздвигаю ноги и располагаю их по обе стороны от его бёдер, опуская свои руки ему на плечи. Он обхватывает мои щёки и прижимается своим ртом к моему в сладком поцелуе.

— Спасибо тебе за эту ночь. За веру в меня. За то, что отдала мне

себя.

Я медленно киваю, позволяя полноте этого момента и глубокому смыслу его слов впитаться.

— Ты была такой доверчивой, отправившись со мной домой в ту ночь. Такой сильной, — говорит он, зависнув ртом напротив моего горла.

— Я знала, что из всех тех мужчин той ночью, я должна была уйти именно с тобой, — отвечаю я.

— Ты принадлежишь мне. Навсегда.

— Да.

Никаких игр в скромность или же отрицания чувств, и мне это чертовски нравится.

Пока мы целуемся и обнимаемся

в тёплой воде, я чувствую, как мужское достоинство Колтона удлиняется и растёт.

Я скольжу вверх и вниз по нему, поддразнивая нас обоих мыслью о том, как легко бы он погрузился в меня с помощью воды.

Опустив руки вниз, он сжимает мои груди, лаская их лёгкими прикосновениями.

— Я никогда не устану от этого,
— говорит он.

— От чего?

— Прикасаюсь к тебе, зная, что ты моя.

Я чувствую то же самое и ни за что не хочу, чтобы этот момент заканчивался.

Колтон

Впервые занявшись любовью, мы были клубком отчаянных и борющихся конечностей, желающих оказаться как можно ближе друг к другу. В этот раз я держу её в своих объятьях, мы оба растянулись бок о бок в постели, и я обещаю не торопиться.

Я убираю ей волосы с глаз и смотрю на неё.

— Мне не следовало так забирать твою девственность, — я чувствую себя ужасно из-за того, что наш первый раз вышел быстрым жёстким трахом у стены. Никогда

прежде я не терял над собой контроль от страсти, только с ней.

— Как так?

— Прижимая к стене, с глубоко засаженым в тебя членом. Мне стоило быть куда более романтичным с тобой. Нежным.

Она качает головой.

— Мне нужно было именно так, — произносит она, не соглашаясь со мной.

— Но почему?

— Потому что все эти недели воздержания я думала, что со мной что-то не так. Мне нужно было, чтобы ты растерял весь свой контроль и взял меня таким, — тихо признаётся она.

— С тобой всё так, — уверяю я, приблизив руку к лицу и проводя большим пальцем по её губам.

— Покажи мне... — бормочет она.

Я тянусь вниз и поглаживаю свой член, который, вновь затвердев, достаёт до моего живота.

— Вот, что ты делаешь со мной. Ты делаешь меня невероятно твёрдым и изнемогающим.

Её щёки вспыхивают румянцем, и она погружает зубки в свою пухлую нижнюю губу.

— Думаешь, справишься с этим ещё раз? — спрашиваю я.

Не говоря ни слова, Софи взбирается на меня, оседлав бёдра и

растирая влагу своих половых губ вверх и вниз по моему стержню.

Её уверенность в себе и уровень сексуального комфорта продолжают меня удивлять. Она знает, чего хочет, и не боится это брать.

— Иди сюда, милая. Возьми мой член.

Она приподнимается, устраивая свой входик, и начинает медленно опускаться. В этот раз я легко в неё вхожу, и её шелковистое тепло нежно меня обволакивает.

С непривычным чувством отсутствия контроля, я кладу свои бесполезные руки на её бедра и оставляю их там, отдавая контроль над движениями ей.

Я смотрю ей в глаза, пока она вбирает меня, и в моей груди что-то сжимается, будто вот-вот взорвётся. Никогда я не испытывал чувства полного доверия. Это подавляет. Она вернулась ко мне, поверила, что я поступлю правильно, и отдала мне себя целиком и полностью.

— Что мне делать? — спрашивает она, балансируя надо мной.

— Объезжай его, малышка. Поглубже.

Она сводит руки на моём прессе и виляет задницей, подразнивая меня сексуальной усмешкой.

— Вот так?

— Чёрт, да. Вот так.

Она хихикает.

— В этот раз не так больно.

Я знал, что она солгала мне ранее, сказав, что ей не больно. Мочалка, которую я использовал в ванной, вымывая её между ногами, окрасилась в оттенок розового, породив у примитивной стороны меня приступ ярости. Мне было ненавистно знать, что я сделал ей больно, но меня чертовски преисполнил восторгом тот факт, что я оказался первым мужчиной, проникнувшим в её сладкую киску.

Я хмурюсь.

— Ты должна была сказать мне, что тебе больно.

— Ни за что, — качает она

головой, по-прежнему сосредоточенно и медленно двигаясь надо мной вперёд-назад.

— Почему ни за что? — ворчу я. Мне до чёртиков трудно сконцентрироваться на нашей беседе из-за её тупого жара, душащего мой член.

— Я хотела, Колтон. Хотела этого и тебя с самого начала.

— Я тоже, — признаюсь. — Хотя я рад, что мы подождали.

— Как и я, — произносит она.

На сей раз мы даже не обсуждаем защиту, а величина доверия, возникшего между нами, поражает. Несмотря на недолгое знакомство, мы разделяли с ней

напряжённую, глубокую связь. Ту, что я никогда раньше не испытывал. Мы оба были на одной и той же волне, отвергая любые преграды между нами. Я смутно осознавал, что должен вести себя аккуратнее, кончая в неё, но мой мозг работал не слишком ясно там, где она была заинтересована.

Глядя на меня горящими голубыми глазами, Софи вбирает меня глубже и издаёт тихий счастливый вздох.

— Я люблю тебя, Колтон.

Удовольствие от её уютного тела вокруг меня — ничто, по сравнению с чувством, что она вызвала, произнеся эти слова. Любовь и

согласие необузданной волной накрывают меня. Это не просто физический контакт. Это что-то гораздо большее, чем секс. Впившись своими глазами в её, я приподнимаюсь на кровати до тех пор, пока мы не оказываемся лицом к лицу.

— Я люблю тебя всей душой. Я твой, а ты моя, сладкая Софи.

— Да, — бормочет она, приближая свои губы к моим.

Я ловлю её руками за бёдра и начинаю поднимать и опускать на себя.

— Трахни меня, красавица. Объезжай мой член.

— Да, сэр, — стонет она.

Софи двигает задом вверх-вниз на мне, эффективно заглушая всякие признания между нами. Она чувствуется так чертовски удивительно.

Каждый раз, когда она раскачивается напротив меня, я чувствую, как меня прожигает её любовь. Раскалённая добела и такая сильная, что крадет моё дыхание. Я никогда не понимал сути занятия любовью, однако теперь осознал. Полностью, чёрт возьми. Это удивительный акт. Два тела, делящие один идеальный момент, вместе мчащиеся навстречу освобождению. Вот, чего я ждал. Этого. Нас. Лицом к лицу. Без всякого между нами, не

считая необузданного жара и нежного исследования.

Не в силах больше молча лежать хотя бы минуту, я поднимаю её с себя и укладываю пластом на кровать. Затем смещаюсь над ней, широко расставляя её ноги.

— На сей раз я хочу, чтобы ты кончила на мой член, — я толкаюсь вперёд, стремительно погружаясь в неё.

Она тихонечко скулит и прикусывает губу.

— Оберни вокруг меня ноги, детка, — говорю ей, проталкивая свой член чуть глубже.

Софи стонет, закидывая ноги и обвивая ими мои бёдра.

— Всё хорошо? — спрашиваю я, качнувшись вперёд ещё раз.

— Больше, Колтон. Отдай мне всё, — выдыхает она, устраивая губы на моей шее.

Погружаясь ещё глубже между её ног, я делаю выпад — грубый — заполняя каждый дюйм, какой только могу. Софи напрягается, и я ещё разок напоминаю ей дышать. Она глубоко выдыхает и издаёт мучительный крик.

Может я и сверху, заполняю её тело своим членом, однако не настолько глуп, чтобы верить, будто ситуация находится под моим контролем. Эта девушка, чёрт возьми, владеет мной. Своим

кротким нравом, силой, невинностью, которую она позволила мне разрушить и, конечно же, тёплой, влажной киской. Она идеальна. И, наконец, она моя. Ничто этого не изменит.

Стоя перед ней на кровати на коленях, я кружу большим пальцем по её клитору, продолжая длинными ленивыми толчками вбиваться в неё. Тепло тесно обволакивает меня горячими ножнами, глубоко вбирая мой член в себя. Она дрожит всем телом, и мне, с пониманием того, насколько близко я нахожусь к краю, нужно убедиться, что она достигнет пика прежде, чем это сделаю я. В первый наш раз она определённо не

кончила вместе со мной, но на сей раз я в этом удостоверюсь. Каким мужчиной я буду, если не уверюсь в том, что она испытала оргазм?

Вместе с тем, низкий ропот Софи нарастает, и я понимаю, что она становится ближе.

— Вот так, малышка. Отпускай.

Пот стекает по моей спине, тогда как моя борьба с подступающим оргазмом превращается в физическую боль.

Я врываюсь в неё снова и снова, сжимая челюсть. Сердце мучительно пульсирует в груди, и я вот-вот слечу с катушек.

Мы двигаемся вместе, глубоко, наши глаза прикованы друг к другу.

— Я люблю тебя, Софи.

Она сжимается вокруг меня, кончая, и её тело дико содрогается.

— Бля-ядь, — реву я, зарываясь в её совершенство.

Я обнимаю её, а она цепляется за меня. Хотя мы не обменивается ни единым словом, наши жесты говорят о многом. Я даже не утруждаюсь выйти, счастливо оставаясь в ней как можно дольше.

Я — мужчина, который контролирует всё. Все свои действия. От управления компанией и благотворительности до манипулирования условиями развода и покупки Софи в ту ночь... Пока весь идеальный порядок и контроль

не рушатся в одно мгновение. Любовь непредсказуема и неуправляема. Её сила поражает меня, как вес в тысячу фунтов, вселяясь и вплетаясь в каждую клеточку моего существа. Я глубоко и безумно влюблён в эту женщину. С чувством, будто меня разрезали надвое, неопытный, беззащитный и впервые в жизни неуверенный в себе. Это ужасно, но я ни за что не променяю это чувство ни на что другое в этом мире.

Глава 9.

Софи

— Прости за беспорядок, — говорит Кайли, пропуская меня в своё милое пляжное бунгало. — Слава Богу, ты вернулась, — она притягивает меня в своё однорукое объятие.

Она определённо вымоталась. Если и не плачущий ребёнок, раскачивающийся на её бедре, или даже не небрежный спортивный узелок, завязанный на макушке, то папка, зажатая между зубами, — неопровержимое тому

доказательство.

Я высвобождаю папку.

— Конечно. С чем тебе нужно помочь в первую очередь? — интересуюсь я.

Очевидно, что она перегружена, или же, возможно, это просто я заявила в неподходящее время.

— Возьмёшь Макса? — спрашивает она, протягивая мне плачущего ребёнка.

— Конечно, — скриплю я зубами. Я не очень-то хороша с детьми. Или животными. Или же с растениями, по той же причине. Я виню в этом отсутствие опыта. Его крики стихают, когда он поднимает на меня задумчивый взгляд, однако у

него уходит всего три секунды на то, чтобы решить, что он не фанат. Его вопли возрастают до невероятных высот, которые оставляют мои барабанные перепонки звенеть. Но Кайли уже скрылась на кухне, выкрикивая что-то о том, что нужно взять его бутылочку.

Ну, ладно.

Когда я опускаю взгляд на маленького парнишку в моих руках, до меня доходит, что раньше я его никогда не видела, если не считать многочисленных фотографий, расставленных в её офисе. Обычно, когда я нахожусь здесь, он спит или сидит с няней.

Это круглолицый малыш с

растрёпанными каштановыми волосами и огромными ярко-голубыми глазищами. И я бы сказала, что он восхитителен, но из-за его оглушительных завываний судить об этом трудно. Уверена, он был бы куда более симпатичным, воркуя мне и издавая милые лепечущие звуки.

Я подбрасываю его на бедре, как только что сделала на моих глазах Кайли, но это не помогает.

К счастью, она возвращается с бутылочкой и забирает его у меня. Как только соска оказывается у него во рту, он моментально успокаивается, и облегчение Кайли становится очевидным. Её поза расслабляется, а по губам медленно

распространяется улыбка, когда она опускает на него взгляд.

— Хорошо, мы пойдём в офис, и я покажу тебе, где остановилась, хорошо? Я закончу кормить этого монстра, а потом уложу его на утренний сон.

— Конечно.

Мы поднимаемся по лестнице в офисное пространство над её гаражом, которое Колтон так любезно соорудил для неё, чтобы она могла работать на дому с ребёнком. Будучи до сих пор не в курсе истории их отношений, я делаю мысленную заметку спросить его об этом вечером.

День на работе и в тени энергии

Кайли, выслушивая её настойчивые предложения о продажах, которые она делает с удвоенными усилиями, дабы привлечь пожертвования, заставляет меня почувствовать, что решение вернуться в ЛА не такое уж и плохое.

Наша работа периодически прерывается приступами криков, доносящихся до нас через треск радио-няни. Кайли работает урывками: выбегает из комнаты, чтобы поправить соску, возвращается в офис, чтобы отсортировать напор электронных сообщений на ноутбуке, затем успевает сыграть в напряжённую игру «Пикабу», одновременно отвечая на вопросы

инвесторов, с зажатым между плечом и ухом сотовым. Она действительно суперженщина. Никогда раньше я не осознавала, как тяжело быть матерью-одиночкой, пока не увидела её в действии. Я умудрилась устать, просто наблюдая за ней.

Приехав с работы домой, я узнаю мотоцикл, припаркованный у обочины, что означает, что Колтон успел добраться домой раньше меня. Домой. Я счастливо вздыхаю. Скинув туфли в прихожей, я отправляюсь на его поиски. Не думаю, что когда-нибудь привыкну к размерам этого дома. Возможно, однажды я уговорю его переехать в уютную двухкомнатную квартирку. Впрочем,

я бы слишком сильно скучала по видам на океан.

Я нахожу Колтона в кабинете с ослабленным галстуком, задранными до предплечий рукавами белой рубашки и хрустальным бокалом, наполненным бурбоном. Крепкие напитки сразу после работы? Это что-то новенькое.

— Всё в порядке? — интересуюсь я, опускаясь на его колени и обнимая руками за шею.

Он ставит свой стакан и упирается подбородком в моё плечо.

— Всего лишь работа, — он издает тяжёлый вздох. — В настоящее время всё хреново.

Обычно он не распространяется

о своей работе, и я понимаю, что хочу влиться в этот аспект его жизни. Он — генеральный директор компании, о которой я знаю слишком мало.

— Что с работой? — спрашиваю я.

Он поднимает голову и встречается со мной глазами.

— Тебе не о чем беспокоиться, милая.

Может, у меня и нет образования Лиги Плюща, как у него, однако я довольно-таки уверена, что смогла бы понять всё, что его беспокоит. Возможно, я даже смогу чуточку помочь. Разве не это делают девушки?

Я поднимаюсь с колен и встаю перед ним, держа руки на бёдрах.

— Не думаю, что я должна напоминать тебе, что ранее сокрытие информации довело тебя до беды. Ты никогда не говоришь о своей работе. Впусти меня. Позволь мне быть настоящим партнёром, Колтон.

Хмурые морщинки, прорезающие его лоб, углубляются, пока он наблюдает за мной.

— Это не... Я не пытаюсь ничего от тебя скрыть.

— Откуда ты знаешь Кайли? — выпаливаю я.

— Давай поужинаем и поговорим обо всём.

Ох, чёрт. У него такое

выражение лица, будто он должен сказать мне что-то неприятное. Неужели все видели член моего парня? Если это так, завтра на работе с Кайли будет очень сложно. Как бы сильно я не любила и не уважала её, я не смогу удержать себя в руках, если у них есть какое-то общее непозволительное прошлое.

Колтон

Как только мы с Софи садимся за обеденный стол с уже стоящими перед нами тарелками с едой, я понимаю, что больше не могу тянуть. Я не привык приводить людей в свой мир так основательно. Даже будучи

женатым, я редко обсуждал свою работу со Стеллой. Если честно, не думаю, что она вообще знала, чем я занимался. Впрочем, я также думаю, что пришло время для перемен.

— Во-первых, я знаю Кайли со времён колледжа. Мы с ней были в одной бизнес-братии. А несколько лет назад, когда я начал осваивать свой благотворительный фонд, наш общий знакомый рассказал мне, что она переехала в эти края и ищет работу. Я побеседовал с ней за чашечкой кофе. На тот момент мы не общались пару лет. Я обнаружил, что её кандидатура более чем подходящая. Она оставила свою работу в крупной восточной фирме,

чтобы насладиться Калифорнийским солнцем. Я знал, что если не ухвачусь за неё, она тут же получит множество предложений от других больших фирм.

Софи вертит в руках свою вилку.

— Значит, между вами двумя никогда не было ничего романтического?

— Нет, — это совершеннейшая правда, и я никогда не был благодарен за то, что держал свой член в штанах, больше, чем в этот момент. Я не выдержал бы ещё одного разочарованного выражения лица, исказившего черты моей девочки. — Она сотрудица, и на этом всё.

— Хорошо. Слава тебе Господи, потому что, если бы у вас двоих в прошлом были какие-то тайны, работать с ней было бы на самом деле тяжело, — Софи усмехается и забрасывает в рот большой кусочек еды с тарелки.

— Теперь что касается работы. Я не силен в разговорах о своих недостатках.

Она косится на меня с кислым выражением лица.

— У нас был плохой квартал, и акции компании упали на пятнадцать процентов.

— Что это значит?

— Это значит, что CNBC и многие другие СМИ обсуждают,

почему компания тонет и что собирается с этим делать генеральный директор.

— Ох. Прости, Колтон. Я не знала.

Кивок.

— Я здорово провалился.

— Это не провал, Колтон. Ты не провалился, — её яркие синие глаза прожигают мои. — Ты двадцативосьмилетний генеральный директор. Это очень офигенно. И что, разве у компаний не бывает плохих результатов время от времени?

Она права.

— Верно.

— У тебя есть план того, как ты

собираешься это исправить? — спрашивает она.

— Есть, — я весь день встречался со своими старшими сотрудниками, чтобы разработать шестимесячный план, который смог бы вытащить нас из красной зоны. Вот почему я оказался дома так рано и взялся за выпивку. Это был зверский день, но у нас, по крайней мере, есть план. Я бы взвалил это бремя только на себя, не желая беспокоить Софи, но, когда она тянется через стол и берёт меня за руку, сплетая свои пальцы с моими, я понимаю, как ошибался. Говоря ей об этом, открывая эту сторону, я не усложняю ситуацию, а скорее

облегчаю. По крайней мере, это являет всё в истинном свете. Работа есть работа. Она всегда будет на месте. Будут взлёты, будут и падения. Но это моя реальная жизнь. С этой женщиной, которая принимает меня со всеми моими недостатками и любит меня, независимо ни от чего.

— Ты справишься с этим, — заверяет она, сжимая мою руку.

— Конечно, — я сжимаю её руку в ответ.

Мы продолжаем трапезу, а затем вместе относим посуду на кухню.

— Я на секунду забеспокоилась, что твоё настроение как-то связано со Стеллой или урегулированием бракоразводного процесса, —

признаётся Софи, споласкивая тарелки и протягивая их мне по одной, чтобы загрузить в посудомоечную машину.

Я качаю головой.

— Нет. С этим всё устроено.

— Просто я не могу поверить, что всё... всё кончено.

— Да, сладкая.

— Колтон, я...

— Я знаю. Я, чёрт возьми, на седьмом небе от счастья. Пэйс предложил устроить вечеринку.

Она сосредоточенно морщит лобик.

— Мы должны это сделать.

— Серьёзно? Ты хочешь отметить мой развод?

Она качает головой.

— Нет. Я хочу отметить наше воссоединение как пары. Мы могли бы пригласить мою семью, твою, собрать всех вместе и пообщаться.

— Мне нравится эта идея, — я опираюсь на кухонный островок и чмокаю её в губы. — Что нам нужно делать?

— Мне кажется, единственным правильным вариантом будет организовать вечеринку у бассейна.

— Неужели? Не думал, что ты когда-нибудь снова захочешь приблизиться к нему.

— В этом-то и суть, Колтон. Пора двигаться дальше и отпустить прошлое.

Моя грудь раздувается от гордости. Я люблю эту девушку.

— Ну же, пойдём наверх, — она снова берёт меня за руку. — Думаю, массаж мог бы тебя расслабить.

Я приподнимаю в ответ бровь.

— Помнишь, что случилось в прошлый раз, когда ты попыталась сделать мне массаж? — в моей голове вспыхивают эротические образы нас в душе после её провальной попытки сделать массаж.

— Конечно, помню, — она улыбается и тянет меня из кухни.

Глава 10.

Софи

— Это так безумно тяжело, — говорю я, поворачиваясь к Бекке.

— Что, это? — переспрашивает она, поправляя узелки на бикини.

— Папа разговаривает с Колтоном, — *«с мужчиной, который купил меня на секс-аукционе»* — мысленно добавляю я.

— И?

Мы с Беккой поворачиваемся и смотрим за бассейн, где Колтон и наш отец, стоя в тени кедровой беседки, попивают коктейли и

непринуждённо болтают.

— Это просто странно, —
увеещаю я.

Она пожимает плечами в ответ
на моё беспокойство.

— Мы уже большие девочки,
Соф. Папу не волнует, спишь ли ты с
миллиардером. Чёрт, да он, наверное,
гордится. Я знаю, что говорю, — она
усмехается, глядя на меня.

Я закатываю глаза, радуясь тому,
что их прикрывают солнцезащитные
очки. Она чокнутая. Тревога,
которую я испытывала,
организовывая эту вечеринку, в
основном заключалась в том, как
поладят Колтон и мой отец. Никогда
прежде я не знакомила родителей с

мужчиной. Особенно с тем, кто старше меня на семь лет, управляет компанией и имеет собственный особняк в Малибу. Это заставляет немного понервничать.

Мама, явно чувствую себя некомфортно из-за обслуживающего персонала, выполняющего любую нашу прихоть, заняла себя на кухне, несмотря на то, что мы с Колтоном множество раз говорили ей расслабиться и наслаждаться. Не думаю, что моя мама умеет расслабляться. Этому я как раз сейчас и учусь сама.

Впрочем, день стоит вполне благоприятный. Солнце ярко светит над головой. Температура идеальная.

Мягкий фоновый напев регги лениво льётся через наружные колонки в баре, где подают тропические напитки и ледяные бутылки пива. Пока что в бассейне никого нет, но яркие разноцветные шары, пружинящие поверх водной глади, здорово искушают. После того, как большее их количество вынут, уверена, я и сама буду готова искупаться.

Коллинз и Пэйс сидят в баре, каждый с напитком в руке. Ещё рано, и Бет, личный шеф-повар Колтона, подготавливает всё для барбекю. Отчего мне становится ещё более любопытно, с чем же внутри помогает моя мать. Наверняка сводит

Бет с ума.

Я делаю ещё один глоток своего мангового дайкири и пытаюсь расслабиться.

Через двери патио, словно дефилируя по подиуму, проходит Марта. По какой-то причине из-за её вида в крошечных красных стрингах-бикини мой желудок скручивается в узел. Мне ненавистно, что у неё с Колтоном была интрижка — какой бы короткой она ни была.

— Кто это, чёрт побери, такая? — вопрошает Бекка, понижая тон.

— Марта. Она работает у Колтона личным помощником.

— Она восхитительна, — замечает Бекка.

По всей видимости, Марта не до конца поняла тематику вечеринки у бассейна: мастерски выполненный макияж, уложенные идеальными волнами волосы, которые спадают на её плечи и спину. Мои же волосы собраны в небрежный хвост, а единственное, что украшает мою кожу, — толстый слой жирного солнцезащитного крема. У меня возникает желание умчаться наверх, добавить тушь и помаду и надеть купальник с пуш-апом. Вместо этого я выдуваю остаток напитка.

— Повторить? — интересуется Бекка, ухмыляясь мне.

— Да, пожалуйста.

Бекка вальсирует к бару,

представляется Марте и недолго беседует с Пэйсом и Коллинзом, обновляя наши стаканчики с дайкири, после чего останавливается, чтобы переговорить с папой и Колтоном.

Наконец, она возвращается с нашими наполовину растаявшими напитками в руках.

— Что всё это значит? — спрашиваю я, принимая свой ледяной напиток и делая глоток.

— Ну, прежде всего, братья Колтона охрененно горячие.

Я киваю. Понятное дело.

— Мне всё ещё кажется, что мы с Пэйсом могли повеселиться в Италии... — бормочет она, не

обращаясь ни к кому конкретному. — Во-вторых, не волнуйся о папе и Колтоне. Они говорят о благотворительной деятельности Колтона в Африке, и отец практически пускает слюни на каждое его слово. Уверена, папа питает слабость к твоему парню.

— Спасибо, Бекс, — я изумляюсь тому, что она сделала. И опять же, слезка для меня была практически понятием из пособия по воспитанию близнецов.

— В-третьих, о Марте не следует никому беспокоиться. Её сиськи явно фальшивые, и, серьёзно, кто надевает туфли на вечеринку у бассейна?

Я не обращала внимания на

обувь, но Бекка права, у её сандалий четырёхдюймовый каблук. Сукин...

— Она очень сильно старается, Соф, — продолжает Бекка. — Но у тебя естественная красота, и мужчины предпочитают это фальшивке. Поверь мне.

Я издаю тяжёлый вздох. Я знаю, что она права. Колтон не смотрит на Марту так, как смотрит на меня.

— У них с Колтоном был роман, — признаюсь я Бекке. — Когда он только разошёлся со своей бывшей женой. Я довольно-таки уверена, что она не только лицезрела причиндалы моего мужчины, но и имела удовольствие стоять на коленях перед ним, принимая его глубоко в

своё горло.

— Что за королевская сучка.

Я смеюсь, обожая Бекку за её мгновенную ненависть к Марте.

— Серьёзно, сестрёнка, ты справляешься с тем, что она работает на него, учитывая их прошлое? Если же нет, значит, ты должна поговорить об этом с ним, — хмурость, так хорошо знакомая мне, опускает уголки её губ. То же самое представляется моему взору, когда я смотрюсь в зеркало.

— Он поговорил с ней. Сказал ей, что если она вызовет какие бы то ни было проблемы между нами, то будет уволена.

— Да, но, когда она заявляется

сюда в таком виде, что-то подсказывает мне, что у вас с ней должен состояться свой небольшой разговорчик. Красиво сформулированной фразы «отвали от моего мужика, сучка» должно хватить.

— Думаешь? — раньше я никогда даже вообразить не могла, что стану говорить что-то Марте напрямую, однако сейчас, когда это предлагает Бекка, сама идея вызывает во мне одновременно и волнение, и такой чуждый оттенок предвкушения. Я никогда не заявляла прав на мужчину.

Я высасываю оставшийся напиток, пока соломинка не

начинает издавать прихлёбывающие звуки со дна бокала.

— Держи, — вручаю его Бекке. Не давая себе возможности струсить, я поднимаюсь с кресла и шагаю к бару, туда, где Марта беседует с Пэйсом и Коллинзом.

— Можно с тобой поговорить, Марта?

— Конечно, — она сладко улыбается мне и ставит свой бокал белого вина.

Я веду её к ближайшим мягким креслам за пределами слышимости.

— Ну, и как проходит ремонт в домике у бассейна? — осведомляюсь я.

Дерьмо. Я чувствую, что

начинаю трусить. Неудобнее становится ещё и от того факта, что мы с ней стали в каком-то роде друзьями. Она была добра ко мне. Взяла меня на шоппинг и осталась со мной, когда Колтон уехал в командировку. Конечно, мне кажется, что вся эта штука с дружескими отношениями могла служить лишь для того, чтобы через дружбу со мной приблизиться к Колтону. Просто это не в моём характере, быть недоброжелательной, и вдруг, оказывается, что у меня нет ни единой подсказки, с чего начать.

— В процессе. Я скинула Колтону ссылку на дизайны, которые предпочла бы сама, но, в конечном

счёте, всё зависит от него.

Я не в силах говорить, да и не знаю, что сказать дальше. Думаю, мы обе знаем, что я отвела её в сторону от веселья не для того, чтобы в приватной обстановке переговорить о новых шторках, редко используемых в домике у бассейна.

— Всё в порядке, Софи?

— Нет. На самом деле, это не так, — я прочищаю горло, жалея, что не выпила третье дайкири перед этим неловким разговором. — Колтон рассказал мне о вашем с ним прошлом.

— Ох, — она опускает взгляд на выложенный камнем дворик между её напедикюранными ножками.

— И, хотя он и уверял меня, что у тебя нет к нему интереса, мне нужно, чтобы ты сказала мне то же самое, — я замолкаю, следя за ней глазами и сосредотачиваясь на своём дыхании. Ей не стоит знать, что моё сердце стучит, будто барабан.

— В своё время мне нравился Колтон. Он умный, обаятельный мужчина. Какая женщина не влюбилась бы в него? Но с годами я смирилась с тем, что он не рассматривает меня в таком плане, Софи. Я могу поклясться тебе, что переросла это.

Я киваю, всё ещё наблюдая за ней и не зная, что сказать. Боже, это нелепо. Мне следовало привести

сюда Бекку, устраивая этот разговор. Жаль, что мы не совершенно одинаковые и не можем поменяться местами, иначе именно так бы я и поступила.

Марта наклоняется ближе.

— Слушай, честно говоря, я знаю, что не могу конкурировать с тобой. Ты потрясающая. И Колтон любит тебя. Если он ещё не сказал тебе, я уверена, что сделает это позже, потому что я вижу это, когда он смотрит на тебя...

— Он сказал мне, — признаюсь я.

— Оу. Ну, как я и сказала, я не удивлена, — она отвлекается на минутку, вновь опуская взгляд на

свои отполированные пальчики ног, прежде чем встретиться со мной глазами. — Надеюсь, тебя не беспокоит то, что я работаю на него. Если это так, то я понимаю, хотя и люблю свою работу, и...

Я поднимаю руку, останавливая её.

— Это меня не беспокоит. Я доверяю Колтону. Мне просто нужно было удостовериться, что ты знаешь, что теперь он мой.

— Я знаю, — говорит она тихо. — Знаю.

Я расправляю плечи, моя уверенность растёт.

— Хорошо. Я рада, что мы поболтали. Я нормально отношусь к

тому, что ты продолжаешь работать на него, но только пойми, что я не потерплю твой флирт с тем, кто принадлежит мне.

— Я понимаю, Софи, — говорит она, опустив подбородок, как если бы её самообладание исчезло.

Я покидаю нашу слегка странную и немного грустную беседу. Когда я в подробностях передаю всё Бекке, опустившись обратно в своё кресло, она отмахивается от меня:

— Не кори себя. Послушай, Марта обалденная. На десяточку. И теперь, зная, что пришло время отпустить Колтона, она без проблем найдёт себе мужчину. Ты правильно

сделала, что поговорила с ней. Теперь всё вскрыто и нет никаких секретов. К тому же, теперь, когда ты встречаешься с таким донельзя привлекательным мужчиной, как Колтон, тебе лучше бы привыкнуть отгонять от него девушек. Это было хорошей разминкой.

Я киваю в согласии.

— Да, точно подмечено, — понятия не имею, когда моя сестра успела стать такой мудрой.

— Я счастлива за тебя, Соф, — произносит она. — Чертовски смехотворно счастлива. И не важно, что случится, я хочу, чтобы ты проживала каждый день на полную катушку. Смейся. Пой в душе. Танцуй

голой. Занимайся сексом со своим мужчиной на кухонном столе. Нарожай кучу детишек.

Я поднимаю на неё взгляд, мой желудок сворачивается в узел.

— О чём ты говоришь? Почему ты заговорила обо всём этом?

Она пожимает плечами.

— Просто мы же не знаем, сколько времени нам осталось, вот и всё.

Этот разговор при ярком солнечном свете с Бобом Марли, поющим «Всё будет хорошо» на фоне, совершенно неправилен и неуместен. Я ненавижу его.

Я сглатываю комок в горле.

— Ты же здорова, верно?

Она кивает.

— Я говорю о том, что если рак и научил меня чему-то, так это тому, что каждый день нужно проживать как последний.

— Господи. Не пугай меня так, Бекка. У нас у обеих куча времени для детей и всего прочего.

— Конечно. Просто ты так долго была сосредоточена на мне. Теперь, когда я выздоровела, тебе пришло время заняться собой.

— Я и секунды не раздумывала, чтобы оказаться там ради тебя. Я всё для тебя сделаю.

— Я знаю это. Просто мне не хочется, чтобы ты жертвовала чем-то ещё, — она слабо улыбается.

Мне ненавистно, что она права. Стыдно признаться, но были времена в моей жизни, когда я обижалась на неё. Наш выпускной в последний год старшей школы отличный тому пример. Я купила красивейшее длинное серебряное платье без бретелек и собиралась пойти на выпускной вместе с капитаном баскетбольной команды нашей старшей школы, Джонни Найтом. Однако состояние Бекки ухудшилось, и вся наша семья отправилась в Хьюстон на срочную операцию. Я чувствую себя ужаснейшей эгоисткой от одной только мысли. В результате, в прошлом году я выбросила это серебряное платье. На нём всё ещё

висели бирки. И чувству вины не было конца. Теперь мне жаль, что я не подарила его, а вместо этого в порыве злости запихала в мусорное ведро.

— Ты так долго жила в тени меня и моей болезни. Теперь настало твоё время, и я не хочу, чтобы на твоём пути что-то стояло.

— Когда твой следующий визит к врачу? — спрашиваю я, отводя тему подальше от своей личной жизни.

— В понедельник. Но я чувствую себя нормально, — она замечает моё теперь уже кислое выражение лица, и её улыбка становится хмурой. — Эй, прости, что так всё взваливаю на тебя. Мне просто хочется знать, что,

независимо от того, что произойдёт, ты будешь в порядке.

— Конечно, буду, — моя жизнь приходит в норму, и Бекка наконец-то выздоравливает. У всех нас предостаточно того, чего следует ждать.

Я лежу, глядя прямо на солнце. Наш разговор оставил меня слегка на взводе. Честно говоря, так проходит весь этот день. Первая встреча моих родителей и Колтона, разговор с Мартой, а теперь и эта странная беседа с Беккой... Я растеряла своё дзен-ощущение спокойствия. Пуф. И нет его.

Мой взгляд перемещается к Колтону, и я замечаю, что он смотрит

«Нет. Неправда»

«Ты лжёшь»

Я поднимаю на него взгляд и улыбаюсь. Мне очень нравится, что он так хорошо меня знает.

«Я в порядке. Клянусь. ;)»

Я не спускаю глаз с экрана, ожидая его ответа, но, когда он не приходит, вновь поднимаю взгляд на Колтона. Он стоит на другой стороне бассейна, и меня поражает красота нашего идиллического окружения. Над головами лишь голубое небо и блестящее солнце, ярко освещающее его, тем самым делая его похожим на бронзовую статую Греческого божества. Его обнажённая грудь, особняк, возвышающийся за ним, и

единственное разделяющее нас пространство сверкающей голубой воды служат мне напоминанием о том, насколько я удачлива.

Наконец, он печатает мне ответ:

«Ну, а я нет»

«Что случилось?»

«Я хочу трахнуть тебя»

«;)»

— Пойду поплаваю, — произносит Бекка.

Дерьмо, я так погрузилась в свою шаловливую переписку с Колтоном, что совсем позабыла о том, что она находится позади меня.

— Ладно. Повеселись, — я наблюдаю за тем, как она семенит к бассейну, и замечаю тоскливо

глядящего ей вслед Пэйса, который, однако, не делает ни шагу. Я на секунду задаюсь вопросом, предупредил ли его Колтон не приближаться к ней.

Едва Бекка оказывается в воде, я возвращаю свой взгляд к телефону.

«Мой член скучает по тебе. Я говорил ему, что мы отымеем тебя позже, но он довольно-таки, чёрт возьми, непреклонен в том, что ему нужно это сейчас»

«Сейчас? Как, СЕЙЧАС?»

Он сошёл с ума? Мы не можем. Как только моя голова начинает кружиться, у меня в руке вибрирует телефон.

«Да»

Я поднимаю на него взгляд и замечаю, как он печатает ещё одно сообщение.

«Встретимся в домике у бассейна»

Соски твердеют под топиком бикини, а сердце спотыкается в борьбе набрать скорость. Не дождавшись от меня ответа, Колтон суёт телефон в карман своих шорт. Он что-то говорит моему отцу, и тот отвечает ему кивком, после чего непринуждённо направляется в сторону домика у бассейна.

Моя собственная прогулка к домику проходит не так просто. Я чувствую себя столь грешной, как преступник в камере смертников,

уверенная, что все пялятся на меня и точно знают о том, что я собираюсь сделать. Щёки пылают ярко-красным, а дыхание учащается. Видимо, я ещё совсем лохушка в тайных секс-свиданиях.

Когда я подхожу к двери домика у бассейна, который для любого другого нормального человека был бы потрясающим огромным домом, Колтон уже стоит там, ожидая меня, с улыбкой предвкушения.

— Ты пришла.

— Ты в самом деле думаешь, что я бы тебе отказала? — интересуюсь я.

— Нет.

Взяв меня за руку, он заходит

внутри и захлопывает дверь, закрывая её на замок позади нас. Три спальни и две прилегающие ванны находятся в стадии ремонта. Обои уже ободраны со стен, а полы прикрывает брезент. Везде валяется мусор и хаотично разбросанные инструменты.

Всякие глупости, о которых я переживала чуть ранее, исчезают, когда я полностью фокусируюсь на своём мужчине и на этом прекрасном моменте.

Обхватив мои запястья своими руками, он притягивает их к своему рту, целуя нижнюю часть каждого из них. Его ухмылка подсказывает мне, что он чувствует, как гулко бьётся

мой пульс в ответ на его прикосновения. Он ведёт меня на кухню и останавливается рядом с каменной столешницей.

— Руки на стойку, — шепчет он низким голосом мне на ухо, губами щекоча чувствительную кожу на моей шее.

Я сглатываю и делаю, как было сказано, обернувшись и распластав ладони по столешнице.

Он двигается позади меня, и я чувствую, как он медленно развязывает узелок на моей спине. Затем скользит руками под чашечки топики бикини и массирует мою грудь, лаская соски до твёрдости, пока я не начинаю задыхаться от

ощущений.

Смахнув мой хвостик в сторону, он дёргает за верёвочки на моей шее и окончательно снимает мой топик, разложив его на прилавок рядом с моими вытянутыми руками. Он прокладывает дорожку из поцелуев вдоль моей шеи и спины, в то время как руками продолжает потирать мою грудь и соски. Я толкаюсь к нему задом и отмечаю его внушительную эрекцию, которую, уверена, едва ли удерживают шорты. Он издаёт резкий рык.

Едва касаясь, Колтон опускает руки по моим бокам и погружает их в мои трусики-бикини. Он ощупывает мою задницу, разминает

её в руках, а после продолжает стаскивать мои трусики вниз, пока они не падают, обвивая мои лодыжки.

— Раздвинь ноги, — шепчет он мне на ухо.

Я вся дрожу, но меняю позу, подготавливая к нему своё тело.

Я слышу, как он расшнуровывает свои плавательные шорты; звук мнущейся ткани, когда он стягивает их вниз по бёдрам — самый лакомый звук.

— Я накормлю тебя своим членом. Дюйм за дюймом. Будь тихой и хорошей, ладно?

Я киваю и чувствую, как он начинает тереться головкой члена об

меня, проверяя меня на влажность.

Колтон налегает, вводя в меня лишь широкий кончик. Я хныкаю и приподнимаю зад, жаждая ощутить, как он проталкивается глубже.

Он отступает назад.

— Ты должна оставаться тихой, милая. Мы же не хотим, чтобы кто-нибудь узнал, что я трахал тебя здесь, не правда ли?

Я снова киваю.

— Я буду тихой. Обещаю, — просто продолжай трахать меня.

Придерживая одной рукой моё бедро, другой он придвигается к моему переду. Он касается меня между бёдер и пальцами растирает мои соки по клитору мелкими

кругами.

Я утопаю в наслаждении, когда в меня врзается неожиданный оргазм. Я подталкиваю к нему бёдра, с каждым толчком принимая его всё глубже.

— Колтон... — стону я, не в силах молчать.

Он запихивает мне в рот верх от бикини, заглушая мои крики удовольствия.

— Т-с-с... — напоминает он мне, — я хочу, чтобы ты ещё раз кончила.

Я тихо хнычу, прикусывая ткань, от которой слегка отдаёт хлоркой и потом.

Схватив обеими руками мои

бёдра, он притягивает меня к себе каждый раз, когда подаётся вперёд, вдавливаясь в меня, вынуждая вскрикивать.

— Ты выглядишь так чертовски горячо, малышка. Я невероятно сильно хочу трахнуть твою задницу.

Он вдавлиывает один палец в мой зад, и эти ощущения — пока ещё совершенно чуждые — ни с чем несравнимы. Наслаждение осаждает меня изнутри. Это так, чёрт возьми, горячо. Он вдавлиывает палец глубже и исторгает сдавленный стон.

— Так. Чертовски. Сексуальна, — рычит он.

Его член раздувается, и я понимаю, что он близок.

— Я собираюсь кончить на твой зад.

Он продолжает вбиваться в меня, двигая пальцем вперёд-назад в моей попке, и вскоре я чувствую, как мои внутренности начинают содрогаться.

Моя кульминация взрывается во мне, и мои приглушенные крики наполняют тишину комнаты. Колтон закрывает одной рукой мой рот и вонзается в меня снова и снова, выжимая из моего тела каждую унцию удовольствия.

Затем он достаёт член, и я чувствую тёплую струю спермы, бьющую по моей заднице и пояснице, пока он опустошается, клеймя мою кожу.

Срань Господня, это было горячо.

Он оставляет влажный поцелуй на моей шее, а потом наклоняется и скользит низом от моего бикини по задней стороне моих ног. Я вся мокрая и грязная после обеих наших кульминаций, однако дом пуст — здесь нет никаких бумажных полотенец или хотя бы водопровода.

— Колтон? — зову я, задумавшись о том, как буду приводить себя в порядок.

— Ты можешь воспользоваться уличным душем, — его лёгкая улыбка и глаза, светящиеся желанием, бросают мне вызов.

Мне непонятно в какую игру он

играет, однако, если я выйду наружу вот так, есть шанс, что люди могут меня увидеть. Впрочем, я ни за что не отступлю. Я чувствую себя храброй и полной жизни после нашего полуденного сексуального приключения.

— Не проблема, Мистер Дрейк, — я сладко улыбаюсь, и у него отвисает челюсть.

Я выхожу на солнечный свет с ним, пристально следящим за мной, надеясь, что никто из наших гостей не обратит внимания на сперму, помечающую мою поясницу и бёдра.

Глава 11.

Колтон

Она дёргает за цепочку над собой, и вода из душевой насадки низвергается вниз, орошая её с головы до пальцев ног.

Я снова становлюсь полутвёрдым, наблюдая за ней. Потоки воды сбегают по её телу, и её соски твердеют от прохладной воды. Я заставляю себя отвести взгляд, дабы попытаться укротить свой стояк. Мне удалось поладить с её родителями, и я не хочу опровергнуть все произведённые мною первые

хорошие впечатления, получив громоздкий стояк, пялясь на их дочку.

Софи пробегаются взглядом по мне, и её вызывающая ухмылка подсказывает мне, что она точно знает, в какие игры играет. Плохая девочка. Позже она будет отшлёпана за подобные попытки вывести меня из равновесия.

Я вопросительно поднимаю брови, и Софи, выключив душ, заворачивается в полотенце, прикрывая все эти удивительные прелести.

Пронзительный вопль пронзает мирную обстановку, и все глаза устремляются к дверям патио. К

Кайли, одной рукой удерживающей на бедре кричащего ребёнка, а другой переполненную памперсами и детскими игрушками пляжную сумку.

Я пересекаю каменную дорожку и стягиваю с её плеча сумку, ни в коем случае не предлагая взять надрывающегося малыша. Спокойного я бы попытался, но не такого же. Он берёт уроки у банши, я в этом уверен. В противном случае, других объяснений его умению достигать таких октав не имеется.

— Спасибо. И извини за Макса,
— говорит Кайли, принимая мою помощь.

— Не проблема. Всё... в

порядке? — спрашиваю я, вопросительно поднимая брови на банши, то есть, ребёнка.

— Он такой уже несколько дней. Плачет, не переставая. У него режутся зубки, — поясняет она.

— Тогда я принесу тебе бокал вина. Могу я что-нибудь взять для этого парнишки? — интересуюсь я.

Она качает головой.

— Нет, надеюсь, он успокоится. Мне очень жаль, я не хотела, чтобы он испортил вечеринку.

— Нет, Кайли. Не всю. Ну же, прошу тебя, расслабься, — я веду её к бару, где весь день висают Пэйс и Коллинз.

Пэйс поднимается на ноги,

принимая роль бармена.

— Что мне замутить?

— Пэйс, Коллинз, это Кайли.

Она руководитель моей благотворительной организации.

Все обмениваются приветствиями, пока Пэйс наливает Кайли белого вина.

— Уверена, что не хочешь чего-нибудь покрепче? — спрашивает Коллинз, улыбаясь по-прежнему ревущему малышу в её руках.

— Я довольно-таки уверена, что мои барабанные перепонки лопнули пару дней назад, — она разъясняет им, что у парнишки режутся зубки.

— Позволь мне взять его, — предлагает Пэйс, огибая бар и

останавливаясь перед Кайли. — Не возражаешь?

Её брови взлетают от удивления. Я просто в шоке. Пэйс — котяра на охоте, но даже он не настолько глуп, чтобы попытаться соблазнить ещё одного моего сотрудника. Тем более, мать-одиночку.

— Можешь попробовать... — не раньше, чем слова вылетают изо рта Кайли, малыш оказывается в руках Пэйса, и его плач полностью стихает. Внезапная тишина удивляет всех нас, и мы стоим, глаза на Пэйса держащего ребёнка.

— Эй, маленький мужчина, — произносит он, качая малыша одной рукой.

Ребёнок тупо смотрит на моего бестолкового братца, моргая своими гигантскими голубыми глазами из-за солнечного света, пока всё осознает.

Схватив солнцезащитные очки Пэйса, он спускает их с его лица и принимается жевать конец.

— Мне очень жаль, его игрушки для режущихся зубок где-то здесь, — выговаривает Кайли, начиная поспешно рыться в огромной сумке у собственных ног.

— Мы крутые, — констатирует Пэйс, прогуливаясь с малышом.

— Он что, заклинатель детей? — шутит Коллинз.

Мы все разводим руками, и Кайли делает огромный глоток вина,

глядя на Пэйса и своего сына.

Большую оставшуюся часть дня Пэйс проводит с ребёнком: держит его, качает на коленке, плавает с ним в бассейне... и Макс остаётся тих и всем доволен — его большие голубые глаза прикованы к мужчине, всё это время держащего его.

— Он всегда такой с детьми? — подобравшись ко мне, спрашивает Кайли.

— Это впервые, — признаю я.

Она прикусывает губу, наблюдая за тем, как они плещутся на мелководье бассейна. Я и понятия не имею, о чём она думает, и, честно говоря, даже знать не хочу. Пэйс и Кайли были бы жуткой затеей.

Чуть позже мы садимся за идеально приготовленную еду Бет и Пэйс отдаёт ребёнка на достаточно долгое время, чтобы поесть, Софи забирает его, позволяя Кайли спокойно отобедать. Пэйс, может, и был отличной сиделкой весь день, но ничто не может встать между ним и кучей рёбрышек на его тарелке. С таким же успехом, он мог бы по ошибке слопать ручку малыша.

Для меня очень странно видеть Софи с ребёнком на руках. Моё сердце в груди трепещет, и я рассеяно прижимаю к этому месту ладонь, пытаюсь заставить его снова биться нормально. Какого чёрта? Софи что-то лепечет ему, что-то, чего я не могу

разобрать, но её тихий голос такой нежный и милый, в отличие от того, что я слышал раньше. Я понимаю, что мне это нравится. Очень.

Она усаживает его к себе на колени и по чуть-чуть кормит крекерами, разламывая их на крохотные кусочки. Я никогда не знал, что это может быть так увлекательно, однако по какой-то проклятой причине они полностью завладевают моим вниманием.

Когда этой ночью мы с Софи заползаем в постель, мы оба загорелые и вялые после весело

проведённого дня.

— Я рада, что наши семьи встретились, — говорит она через зевок.

— Я тоже.

— О чём вы говорили с моим отцом?

Наверное, она заметила, как я реквизирировал его весь день.

— В основном, о моей работе. Немного о моей семье. Ничего особенно захватывающего. Просто чуть-чуть поговорили, — лгу я.

Я не стану говорить об этом Софи, но я рассказал её отцу о том, как безумно в неё влюблен. Она — всё для меня. Я попросил его благословления и сказал ему, что

планирую провести с ней всю оставшуюся жизнь. Он стоял с таким серьёзным выражением лица, словно он присматривался не только ко мне как к мужчине, но и к моим намерениям. После напряжённого момента он улыбнулся и пожал мою руку, а затем принял в семью. Наш полуденный трах на самом деле был праздничным, просто она об этом не знала.

— Давай спать, малышка, — я ещё сильнее обнимаю её, надеясь прекратить любые дальнейшие расспросы.

Глава 12.

Колтон

В следующую пятницу, находясь на работе, я получаю целый ряд звонков от Кайли, Марты и, наконец, Бет. Я отправляю их на голосовую почту и задумываюсь: все ли женщины в моей жизни посходили с ума? Сегодня я встречаюсь со своим руководствующим штабом на запланированном совещании относительно попытки изменить третий квартал, прежде чем в следующем месяце выйдет отчёт о доходе.

Когда мой телефон снова вспыхивает, я опускаю взгляд на экран. Сообщение от Кайли вынуждает меня уронить стопку отчетов, с которыми я ознакамливаюсь.

«Колтон, ответь на звонок! Где ты?!»

«В офисе, в чём дело?» — вбиваю я раздражённо.

«Тебе нужно приехать за Софи. Её сестра скончалась»

Глазея на слова на экране, я тщетно пытаюсь постичь их смысл. Мы же совсем недавно провели выходные с семьёй Софи. Бекка была в порядке. Она исхудала и жаловалась на усталость, но была в

порядке. Нет. Это, должно быть, какая-то ошибка.

Вырвавшись из зала заседаний, я печатаю Кайли ответ, подтверждая, что уже в пути. Я набираю Марте, мчась вниз по лестнице. Нет времени ждать лифта, пока я нужен своей девочке.

— Колт, где ты был? Я пыталась...

— Я знаю. Кайли только что сказала мне.

— О Боже, Колтон, это ужасно.

Я лечу, будто ракета, всю дорогу до Кайли. Подъехав к её дому, я, не

стучась, прорываюсь вовнутрь, выискивая глазами Софи.

Вместо неё в передней комнате я обнаруживаю Кайли с растерянным выражением лица.

— Слава Богу, ты здесь.

— Где она? — рывкаю я.

Кайли указывает на заднюю часть дома. Я бегу по комнатам и нахожу Софи за кухонным столом со взглядом, опущенным на собственные руки, рядом с ней кружка с холодным чаем и полдюжины использованных салфеток.

Комната безмолвна и безжизненна. Мне это чертовски ненавистно.

— Милая... — шепчу я, прорывая гул холодильника.

Софи поднимает голову, и выражение её лица такое, какое я никогда прежде у неё не видел и надеюсь больше не увидеть никогда, пока мы живы.

Её кожа бледная, рот вытянут в тонкую линию, но самое худшее — это её глаза. Они пустые и безразличные — два затравленных голубых бассейна, которые, несмотря на её молчание, вопят от боли и изранены так глубоко, что мой желудок сжимается от страха того, что она никогда не будет в порядке снова. Бекка была не только её сестрой, не только лучшим другом.

Она была близняшкой Софи. Это потеря, которую мне никогда понять.

— Иди сюда, малышка, — я привлекаю её в свои объятия, и она без труда поднимается, позволяя мне притянуть себя к моей груди.

Она зарывается лицом в мою шею и всхлипывает.

Я прижимаю её крепче, ненавидя то, что ей больно и я, чёрт возьми, ничего не могу с этим поделать.

— Мне так жаль, — слова такие пустые и неправильные, что мне хочется проглотить их в ту же секунду, как они покидают мой рот. Я хочу спросить о том, что случилось, но понимаю, что сейчас

не время. Поэтому вместо этого я позволяю ей выплакаться, крепко держа её напротив себя и заглушая звуки её плача курткой.

Спустя несколько минут её рыдания стихают, и я убираю её волосы с лица назад.

— Могу я отвезти тебя домой?

Она кивает, позволяя мне взять себя за руку и отвести к машине, в то время как Кайли проводит нас с порога грустным, задумчивым взглядом.

Когда мы приезжаем домой, я отпускаю домашний персонал. Пылесос и полировка хрустальных ваз внезапно оказывается далеко не самым важным. Я укладываю Софи в

постель, где она сворачивается в крохотный клубочек, обнимая мою подушку. Я вытаскиваю её телефон из сумочки и звоню её отцу.

— Мистер Эванс? — мой голос срывается, и он издаёт сдавленный всхлип на другом конце.

— Колтон, как она?

— Сейчас она в постели. Пока ещё не сказала ни слова, — мне хотелось бы сообщить новости получше, однако так обстоит настоящее положение дел. — Я позабочусь о ней, сэр.

— Знаю, что позаботишься.

— Что случилось? Бекка выглядела прекрасно, когда была здесь...

Я узнал, что, когда в воскресенье Бекка вернулась домой, она жаловалась на лёгкий отёк и боль на месте катетера. В течение нескольких часов лихорадочное состояние обострилось, и её отвезли в больницу. Врачи ввели антибиотики против инфекции, бурно и беспрепятственно поражающей её организм. По прошествии нескольких часов в больнице, она впала в кому, а инфекция, тем временем, в полной мере воспользовалась её ослабленной иммунной системой.

Её усугубившееся здоровье поспособствовало проблеме, и через отверстие, любезно проделанное для

облегчения методов лечения рака, смертельная инфекция получила прямой доступ к кровеносному сосуду.

Её отец дважды останавливался, собираясь с силами. Я говорил ему, что всё в порядке и ему не обязательно продолжать, но каждый раз у него уходило несколько минут на то, чтобы взять себя под контроль и продолжить свой рассказ. Когда он заканчивает, я не знаю, что сказать, поэтому сообщаю ему, что мы скоро приедем.

Закончив разговор, я звоню Марте, поручая ей подготовить пилота и самолёт и принять нужные меры в моё отсутствие на работе в

течение некоторого времени. Это самое неподходящее время для несчастья, но его нельзя запланировать по календарю, оно просто размахивается и наносит вам удар по лицу, привлекая к себе ваше внимание. И сейчас моё полное и нераздельное внимание обращено к этой ситуации и моему главному приоритету — Софи.

Несколькими часами позже мы плавно восходим в ночное небо на борту моего самолёта. Мне пришлось нести Софи в машину и помогать ей устроиться в самолёте. Она слаба и

дезориентирована, а затравленное пустое выражение ни на секунду не покидает её глаза. Ни когда она лежала в постели, уставившись в потолок, ни когда я объяснял ей, что сегодня мы полетим домой, ни даже сейчас — пока она смотрит на крошечные огоньки, мерцающие в десяти тысячах футов под нами.

Я собрал наши чемоданы, которые, в дополнение к туалетно-косметическим принадлежностям и случайным предметам одежды, включают в себя строгую чёрную одежду, подходящую для похорон.

Я вытаскиваю бутылку бурбона, покоящуюся в центральной консоли и наливаю себе бокал. Взглянув на

Софи, я вспоминаю наш первый вечер вместе — этот самолёт и её мрачное настроение совершенно по другой причине. Она боролась, чтобы спасти жизнь своей сестры. Желудок сжимается, и я делаю глоток горького алкоголя, как никогда нуждаясь в его обезболивающем эффекте.

Только после того, как мы оказываемся в воздухе, Софи произносит свои первые за долгое время слова:

— Можно мне? — спрашивает она, кивая на стеклянный графин, стоящий рядом со мной.

— Конечно, — я предлагал ей воды, чая и пытался заставить её поесть, но она отказалась от всего

этого. И хотя я знаю, что крепкая выпивка — далеко не самое лучшее решение для пустого желудка, я ни за что ей не откажу. Налив немного в стакан, я передаю его ей.

Её пальцы задевают мои, и она встречается со мной взглядом.

— Я люблю тебя, — говорю я ей.

— Я знаю. Я тоже тебя люблю, — говорит она, после чего делает большой глоток и морщится.

Мы не говорим о том, что будет, когда мы приземлимся. Я никогда не видел дом её детства, но сейчас не время для ностальгии. Мне хочется обеспечить ей комфорт и забрать каждую унцию её боли. Это самая разочаровывающая, самая хреновая

ситуация, какую я только могу представить. Я ненавижу это. Мне хочется вернуть Бекку обратно. Мне хочется вернуть назад свою милую, полную жизни Софи. Я ненавижу ту мысль, что приходит мне на ум — поблекнет ли бытие самой Софи без существования Бекки?

Она выпивает два больших стакана бурбона, которые я ей позволяю вопреки своим лучшим суждениям, а потом засыпает на моём плече.

Обняв её покрепче, я наблюдаю за тем, как она спит, и зарекаюсь, что, что бы ни случилось, я всегда буду рядом с ней.

Глава 13.

Софи

Никогда не думала, что должна буду заботиться инфекции. Рак — огромное мерзкое табу-слово, бывшее моим врагом, — не какой-то непрошенный недуг, закравшийся в одиннадцатом часу. Это несправедливо. И я не понимаю. Она же была в порядке.

Я ненавижу то, насколько пуста и безжизненна спальня, которую мы делили. Кроме того, я не могу не лежать на кровати Бекки, ибо это единственное место в доме, где я

могу её почувствовать.

Я могу слышать Колтона, тихо переговаривающегося внизу с моим отцом. Не знаю, что бы я делала без него. Он — моя опора, и за прошедшие два дня моя любовь к нему возросла в четыре раза.

Когда солнце начинает свой спуск по небу, приходит мама.

— Милая? — она стучит по открытой двери и входит.

— Привет, мам.

Она садится на кровать возле меня.

— Как только мы поступили в отделение неотложной помощи, Бекка попросила у одной из медсестёр бумагу и ручку.

Я гадаю, почему она говорит это мне, пока она не вытягивает из кармана квадратный лист бумаги, передавая его мне.

— Хотя мы и были уверены, что она в порядке, когда они ввели в её организм антибиотики, она, казалось, знала что-то, чего не знали мы. Она упорно писала это, пока они ставили ей капельницу и убирали порт (прим. пер.: Порт-система — медицинское устройство, предназначенное для введения препаратов, дренирования, забора крови и т.д. Состоит из катетера, помещённого в сосуд или полость, и соединённого с ним резервуара). Затем она сложила листок и сказала

мне отдать его тебе. Я не читала.

Я беру бумагу в руки. Она по-прежнему тёплая после рук моей мамы, и я смакую образ непреклонной Бекки в её последнем мятежном деянии против чёртовой болезни, которая забрала её.

— Можешь оставить меня одну?
— прошу свою мать.

Она кивает и поднимается с постели, даруя мне уединение для этого, безусловно, эмоционального момента.

Я разворачиваю бумагу и смеюсь над рисунком, который выпрыгивает на меня с нижней части страницы. Это неудачно нарисованный пенис с большими яйцами и волнистыми

волосами, торчащими из них. Я улыбаюсь впервые за два дня. Слезы выступают на глазах, и моя любовь к ней увеличивается, если это вообще возможно. Я не прочла ещё ни слова из её письма, а моё настроение уже улучшилось. Она знала, что мне это потребуется. Она слишком хорошо меня знала.

«Софи,

Спасибо тебе за то, что взяла меня в Рим. Святое дерьмо, те итальянские парни были очень горячими. Спасибо тебе за то, что была моим лучшим другом, спасибо тебе за каждую жертву, которую ты принесла ради меня, большую и

маленькую. Спасибо тебе за то, что всегда отдаёшь мне свои розовые Взрывающиеся Звёзды...»

Я моргаю на этих словах, вспоминая бесчисленные пакеты Взрывающихся Звёзд, которые я скупала в автоматах больниц за эти годы. Розовые были любимицами Бекки, и, хотя и моими тоже, я неизменно их лишалась. Каждый раз. Без возражений. Без колебаний.

«...Я бесконечно люблю тебя. Не смей даже на секунду допускать мысль, что эта любовь исчезла. Не смей меня оплакивать. Скучай по мне. Каждый день, как я буду

скучать по тебе. А потом продолжи жить. Сделай это для меня. Потому что сама я не могу. Я буду рядом каждой звёздной ночью, в шёпоте ветерка на твоей коже, когда ты бегаешь, в пакете Взрывающихся Звёзд, улыбаясь тебе, пока ты съедаешь розовую...»

Одинокая слезинка
выскальзывает из уголка моего глаза,
и я стираю её, прежде чем
продолжить.

«Что бы ни случилось, прошу тебя, знай, что я с тобой. ВСЕГДА. Иди, люби этого своего горячего парня, ты, счастливица. Однажды

вы двое заделаете, чёрт возьми, прекрасных детишек. И это делает меня такой счастливой».

Внизу — рисунок пениса и её имя вместе с сердцем. Вот и всё. Всё письмо. Я читаю его ещё дважды, а потом складываю вдоль одной складки и несу через всю комнату, убирая его в свою сумочку на безопасное хранение.

Моя мама стучится и снова входит. Выражение её лица искреннее и выжидательное.

— Ну? Что там сказано?

Мне требуется время, чтобы подумать, как ответить.

— Всё.

Она кивает.

— Хорошо.

Преодолев комнату, чтобы снова сесть рядом со мной, мама тянется за моей рукой.

— Что планируешь делать завтра после похорон?

После похорон в нашем доме намечен обед, однако я понимаю, что она говорит не об этом. Думаю, все мы задаёмся одним и тем же вопросом: как нам жить дальше в мире, в котором больше нет моей живой великолепной сестры?

— Я решила оставаться здесь так долго, сколько вы будете нуждаться во мне. Колтону, наверное, придётся вернуться к работе, но...

Она качает головой, останавливая меня.

— У нас с твоим отцом всё будет в порядке. Мы долгое время знали, что подобное возможно.

Неужели я одна была так слепа, что не видела происходящего, не осознавала риска? Бекка продолжала чахнуть, пока остальные кормили меня баснями, тогда как экспериментальное лечение, которое я чудом оплатила, ничего не принесло. Это слово резонирует гораздо глубже, чем хотелось бы. *Ничего*. Всё это было впустую. Аукцион, продажа самой себя, встреча с Колтоном...

Нет. Как только мне в голову

приходит последняя часть, я понимаю, что это неправда. Сейчас я бы пропала без него.

Моя мама продолжает:

— У нас с отцом есть мы. Тебе не нужно здесь оставаться, Соф. Тебе следует отправиться домой с Колтоном. Бекка была так рада тому, что ты нашла его.

Я глубоко вздыхаю и киваю.

Когда мы покидаем Северную Калифорнию, зная, что моя сестра похоронена на местном кладбище, отлёт кажется таким неправильным. Часть моего сердца была погребена в

промёрзлой жёсткой земле. Она не принадлежит тому месту. Но потом я вспоминаю её письмо. Она не там. Она в каждом лучике солнца, что светит слишком ярко, в шёпоте ветра на моей коже, пока мы восходим на борт. Я точно знаю, что она всё ещё со мной. Я вижу её в собственном отражении в окне самолета, в шальных мыслях, слишком дерзких чтобы быть только моими. Ощущаю её в тисках своего сердца и снова чувствую себя цельной. Колтон притягивает меня ближе и говорит, что любит, а я думаю, что, возможно — только возможно — у меня появятся для этого силы.

Глава 14.

Колтон

Вопреки своим лучшим побуждениям, я возвращаюсь к работе. Софи заверила меня, что это важно — нам обоим нужно возобновить наш обыденный график. Но одна неделя превращается в две, и Софи всё больше продолжает превращаться в женщину, которую я больше не узнаю, поэтому понимаю, что необходимо вызывать подкрепление.

Была парочка дней, которые подарили мне надежду, что ей стало

лучше. Она отправилась на пробежку, остановилась как-то у Кайли, чтобы повидаться с ребёнком, и переговорила с психоаналитиком, которого я отправил на дом. Но сегодня, когда я возвращаюсь домой, моё сердце разлетается вдребезги от того, что я там обнаруживаю.

Софи сидит на балконе, соединённом с моим кабинетом. Ветер неистово треплет её волосы у лица, а её плоть покрывают мурашки. Надвигается буря, но она, кажется, не обращает внимания на этот факт.

Её кожа бледная, а выражение лица пустое. Она — всего лишь оболочка девушки, в которую я

влюбился. Гигантские голубые глаза тупо глазуют на океан, и она огромными глотками пьёт прямо из бутылки. Ей больше не приходится жмуриться от вкуса, что подсказывает мне, что это, пожалуй, превратилось в привычное явление. Чёрт.

— Малышка? — зову я, осторожно приближаясь к ней.

Она поворачивает голову в мою сторону и несколько раз моргает.

— Я теряю её, Колтон.

Я встаю коленями на настил рядом с ней и беру её лицо в свои руки.

— Теряешь что, милая?

— Все. Звук её голоса. Как она

пахла. Каково это было, когда мы были вместе...

Я сижу на месте, молчу, обхватив её щеки, и гляжу на то, как её глаза наполняются слезами. Чёрт возьми, Колтон, думай.

Сейчас она полностью разбита, и я страшусь того, что единственный, кто знает, как собрать её воедино снова, — Бекка, сестра, с которой она делила одну утробу девять месяцев, лучшая подруга, которую она любила без вопросов. Я боюсь, что меня недостаточно, что моей любви никогда не хватит.

— Мне нужно пописать, — говорит она спустя несколько секунд, после чего, пошатываясь, встаёт на

ноги.

Я веду её в ванную комнату, помогая ей удержаться на ногах.

— Как много ты выпила? — это дерьмо было сильным. Достаточно сильным, чтобы дать мне пинка под зад после одного небольшого стаканчика.

— Недостаточно, — отвечает она, её ноги заплетаются под ней. Я обвиваю Софи рукой за талию, удерживая её лицо от удара об пол. Чёрт побери.

Когда мы доходим до ванной, я завожу её в комнату, стягиваю с неё шорты и трусики вниз до лодыжек, а потом усаживаю на унитаз.

— Я буду прямо за дверью.

Она кивает, и я закрываю за собой дверь.

Я слышу, как она писает и что-то бормочет себе под нос. Что-то о розовых Взрывающихся Звездах. Что ещё за чертовщина?

Стоя в коридоре, я вытаскиваю из кармана телефон и набираю Пэйса.

— Мне нужна твоя помощь.

— Софи? — спрашивает он.

— Да. Она пьяна в стельку.

Выпила целую кучу столетней выпивки. Мне не по себе, и я не знаю, что делать.

— Это же сильное дерьмо. Она ела? — интересуется он.

— Нет, в этом я сомневаюсь.

Она бормотала что-то про розовые Взрывающиеся Звёзды.

— Я что-нибудь придумаю, братишка. Ты только дыши. Я скоро буду.

К тому времени, как Пэйс появляется в доме, небо становится тёмным, а вдалеке раздаются громкие раскаты грома. Скоро нагрянет дождь.

— Где она? — спрашивает он.

— В спальне, — я уложил её вместе с фотоальбомом моей последней поездки в Африку. Кажется, она могла бы смотреть на фотографии маленьких деревень, людей и детей часами.

— Чего ты хочешь от меня?

— Нам нужны макароны с сыром.

— Тебе следовало сказать мне, я мог бы прихватить что-нибудь по дороге, — он поднимает пластиковый пакет, который полон, по меньшей мере, десятью упаковками Взрывающихся Звёзд.

— Нет, нам нужны домашние.

— И как мы это сделаем?

— Не знаю. Загуглим, думаю.

Он кивает и направляется на кухню.

— Принеси их наверх, когда всё будет готово, — говорю ему, после чего поворачиваюсь к лестнице.

Софи тихонько посапывает, но, когда я пересекаю спальню, она

поднимает голову и несколько раз моргает, её глаза расфокусированы. Я рад, что она отдохнула, хоть и немного.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю я, присаживаясь на кровать рядом с ней.

— Слабой, — отвечает она, убирая с лица запутавшиеся волосы.

— Я думал, может, мне наполнить тебе горячую ванну? Это помогло бы тебе расслабиться.

Она кивает.

— Ладно.

По крайней мере, она позволяет мне заботиться о ней. Не спорит со мной из-за этого. Если бы она так делала, я бы на самом деле

чувствовал себя немощным и беспомощным. К тому же, я знаю, что мои деликатные жесты мало чем помогают, но я хотя бы могу что-нибудь делать.

Я врубаю горячую воду и наблюдаю за тем, как наполняется ванна. Затем, сбросив небольшое количество содержимого баночки «Stress Fix», иду за Софи.

Она позволяет мне отнести её в ванную и раздеть, а потом опустить в воду.

— Как тебе? — вопрошаю я, как только она садится.

— Хорошо, — отвечает она и балует меня своей редкой улыбкой.

Моё сердце подпрыгивает, Боже,

как же мне не хватает её радостного вида.

— С тобой всё будет нормально? Я принесу тебе одежду.

Она кивает.

— Ты же вернёшься, да?

— Да, — подтверждаю я.

Приготовив для неё сменную одежду, я повторно захожу в ванную, убираю её на прилавок, вытаскиваю табуретку из-под туалетного столика и сажусь.

— Спасибо за то, что остаёшься, — она снова ухмыляется мне.

— Понятное дело, что остаюсь. Хочешь, чтобы я помыл тебе голову?

Она качает головой.

— Я её уже мыла. Знаешь, я всё

ещё принимаю душ.

— Я знаю, что ты его принимаешь, — на самом деле, вовсе не знаю.

— Я не сломлена, ты же знаешь.

— Знаю.

Я дожидаюсь на табуретке: проверяю работу по электронной почте на телефоне, пока Софи отдыхает в ванне. Она спускается ещё ниже в воде и укладывает голову на бортик, глаза закрыты, а черты её лица рассекает пустое выражение. Когда она стягивает волосы в небрежный узелок на макушке, по её нескоординированным движениям я могу сказать, что она по-прежнему пьяна.

Желудок сводит от волнения. Я пытаюсь не зависать, пытаюсь не пялиться, а вместо этого сосредоточить внимание на ответах для десятка непрочитанных сообщений, но это трудно. Мысли о ней поглощают всё моё существо.

Я поднимаю взгляд, когда слышу звук движения в воде. Софи поднялась и стоит в центре ванны со сбегаящими по её телу потоками мыльной воды. Мои глаза лениво скользят от вершинок её полных грудей вниз, к обнажённой киске, и я чувствую, что моё тело заметило её. Мой член пульсирует, наливаясь тяжестью на моём бедре. Несвоевременный чёртов ублюдок.

Но голая Софи — не то, что я смог бы проигнорировать, какой бы мрачной ни была ситуация.

Я хватаюсь за полотенце, когда она выходит из ванны на коврик. Она позволяет мне вытереть её с головы до пальцев ног, казалось бы, не обращая внимания на моё возбуждающееся состояние.

Софи стоит на месте, наблюдая за мной огромными голубыми глазами. Когда я беру с прилавка пижаму, её полные губы пересекает небольшая надутость.

Игнорируя желание стереть эту хмурость поцелуем, я придерживаю штаны, и Софи, покорно поднимая одну ногу за другой, ступает в них.

— Как ты себя чувствуешь? — интересуюсь я. Мой голос слишком хриплый от желания. Я прочищаю горло.

— Лучше, — говорит она, её собственный голос — тихий шепот.

— Хорошо, — я рад, что ванна помогла, и надеюсь, что еда, приготовленная Пэйсом, улучшит её состояние. — Я не хочу, чтобы ты так пила, когда меня нет дома.

Я приподнимаю её подбородок, заглядывая ей в глаза.

— Знаю, — она сглатывает. — Просто это был тяжёлый день.

Дерьмо. Теперь я чувствую себя мудаком.

Я поглаживаю её щеку и

прижимаюсь к её губам нежным поцелуем.

— У тебя могут быть тяжёлые дни. Только я не хочу беспокоиться о тебе, ладно?

Она кивает и наклоняется для ещё одного поцелуя.

— Я скучаю по тебе, Колтон. Скучаю по нам.

— Я здесь, милая. Я никуда не уйду, — я прикасаюсь своими губами к её и чувствую с точностью до секунды, как поцелуй меняется, становясь разгорячённым и полным громкого обещания чего-то большего.

Софи раздвигает губы, и её язык легонько исследует мой рот. Я инстинктивно открываюсь, и мой

собственный язык осторожно пробегается вдоль её. Знаю, что не должен этого делать, но прошло столько времени с тех пор, как я целовал её — целовал по-настоящему, — и я страстно желаю её тепла и ощущения нормальности. Она посасывает мой язык в своём рту, и я подавляю тяжёлый стон удовольствия.

Частично отпрянув, я проверяю её глаза. Они сияют от желания, ослабевая мою решимость. То, что она стоит с обнажённой грудью, тёплая и всего в нескольких дюймах от меня, делу не помогает. Я близок к тому, чтобы обхватить её тяжёлые полные груди и зарыться лицом

между её сливочных бёдер. Я отступаю назад в необходимости проложить между нами хоть какое-то расстояние. Вот только я не ожидал, что предоставлю Софи прямой вид на эрекцию, натянувшую мои слаксы.

Её взгляд опускается на выпуклость, и она облизывает губы.

Чёрт возьми.

«Сосредоточься, Колтон!»

— Вот так, малышка. Давай оденем тебя, — я беру футболку и пытаюсь помочь ей её надеть.

Она отнимает её у меня и роняет на пол.

— Нет.

— Нет?

Она качает головой, по-

прежнему пожирая меня своими глазами:

— Я хочу тебя... Я хочу, чтобы ты трахнул меня.

Свежие приливы крови спускаются на юг, заставляя мой член пульсировать.

— Нет, не сейчас. Не сегодня, — она не в здравом уме. Я бы воспользовался ситуацией. Я перечисляю тысячу причин в голове, борясь с самим собой, пока она наблюдает за мной.

— Пожалуйста? — просит она.

Я качаю головой.

— Нет. Теперь, пожалуйста, оденься, — Пэйс поднимется сюда с ужином в любую минуту. Конечно, я

не хочу, чтобы пред ним предстало восхитительное зрелище. Её прекрасные изгибы предназначены для меня и только меня.

Она тянется вниз и прижимает руку к моему члену, легонько его сжимая.

— Трахни меня, Колтон. Заставь меня чувствовать себя лучше, — умоляет она.

Я убираю её руку.

— Ни за что. Ты пьяна. Я не трахну тебя.

Она обхватывает грудь руками, приподнимает и потирает пальцами соски. Она издаёт негромкий лепечущий вздох, как если бы это были самые приятные ощущения,

которые она испытывала за долгое время.

Я стою на месте, замерев, наблюдая за тем, как она трогает свою грудь. Она такая красивая, что я хочу бросить её на пол ванной комнаты и трахнуть по полной. Но не могу. У меня ещё есть сдержанность. Конечно, позже, как только она закутается в постели, я здорово потреплю свой член с этой самой картинкой в голове, но ей об этом знать не следует. Она слегка дёргает себя за соски и хрипло гортанно стонет. А потом опускает руки.

Слава Богу, её маленькое представление окончено. Я бы не смог вытерпеть больше.

Но затем она стягивает штаны, которые я надел на неё, и принимается тереть пальцами тугой комочек нервов. Блядь. Она крайне сексуальна и безрассудна...

Трусики падают с её коленок и скатываются на пол. Мой взгляд следует за их движением, и я осознаю, что это те же бледно-голубые трусики, которые она надела на аукцион. Я чувствую, как вся моя решительность отпадает. Я тру руками лицо. Чтоб его. Мне не следует этого делать, но мы не занимались любовью две недели, и я отчаянно хочу почувствовать её вокруг себя.

— Софи, ты уверена, что хочешь

этого? — мои руки неосознанно движутся к эрекции и поправляют её.

Она следит за моими движениями и кивает.

— Да. Мне это нужно.

— Расстегни, — я опускаю взгляд на колени, и Софи подносит руки к моей пуговице, освобождая её и медленно расстёгивая молнию. Её руки забираются в переднюю часть моих штанов, проталкиваясь в боксёры. Она берёт мой член в ладонку, крепко сжимает его и поглаживает. На конце выступает капля, и она размазывает её большим пальцем, вынуждая мои колени подогнуться.

В этот момент я полностью

сдаюсь. Если она хочет отвлечься, если ей нужно забыть всю боль и страдания последних нескольких недель, то кто я такой, чтобы запрещать ей это?

Я сжимаю её запястья, убирая руки из моих штанов.

— Помедленнее, малышка, — это невероятно хорошо, и я хочу, чтобы мы оба этим насладились. Но долго я не продержусь, если она продолжит так надрачивать мой член.

Она втягивает нижнюю губу в рот и дуется, пока не встречается со мной глазами. То, что она видит, когда смотрит в них, говорит обо всём, что ей необходимо знать. Я

позабочусь о ней. Я заставляю её кончить так сильно, что она забудет своё чёртово имя.

Я поднимаю её за талию, усаживая на полку. Становлюсь между её бёдер, раздвигая их, и она дёргает меня за рубашку поближе. Она совершенно голая, а я по-прежнему одет.

— Твоя рубашка, — выдыхает она.

— Да, сладкая?

— Сними её. Мне нужно почувствовать твою кожу.

Я подчиняюсь, расстегивая несколько верхних пуговиц, а затем рывком стягиваю рубашку через голову.

Она притягивает меня ближе, пока её соски не упрутся в мою обнажённую грудь, и мы оба вздрагиваем от этого контакта и прилива эндорфинов, которые он высвобождает. Прошло так чертовски много времени.

Я наклоняюсь и беру в рот одну из её шикарных грудей, омывая языком сначала левый сосок, а потом и правый. Софи выгибает спину и запускает руки в мои волосы, позволяя мне проглотить её. Я хочу взять паузу, убедиться, что она готова для меня, но каждый раз, когда мы оказываемся вместе — это как взрыв сексуальной энергии, и я не в силах себя контролировать. К этому-то я и

не привык.

Я вновь целую её, пожирая своим жадным языком. Её руки путешествуют обратно в мои трусы, с энтузиазмом потирая мой член. Я понимаю, что это случится быстрее, чем мне бы того хотелось, но, быть может, именно это ей и нужно.

С нашими слившимися ртами и её руками в моих штанах, я нахожу её влажный центр и запускаю внутрь указательный и средний палец. Она задыхается в мои губы, останавливаясь на мгновение, прежде чем продолжить начатый напротив меня натиск, вынуждая меня вскоре кончить. Другой рукой я играю с её грудью и сосками, тогда

как Софи тихонько скулит, продолжая увлечённо надрачивать меня своими руками.

— Малышка, полегче... — я снова беру её за руки, останавливая, отчего чувствую себя полным придурком.

Она ухмыляется мне, явно гордясь собой. Боже, как же хорошо видеть её улыбку. Если это всё, что требуется, чтобы заставить её чувствовать себя в порядке, тогда наймите меня.

— Я больше не могу ждать, — признаюсь я.

Она сдёргивает мои штаны и боксёры вниз по бёдрам, давая моему члену упереться в неё. Когда я

толкаюсь вперёд, исчезая в глубине её идеального розового входика, мы издаём совместный стон.

— Да, трахни меня. Сильнее, — умоляет она.

Я подчиняюсь, неустанно вбиваясь в неё. Моё тело доминирует над её гораздо меньше.

Она скользит глазами к тому месту, где мы соединяемся, и наблюдает за тем, как я вхожу и выхожу из неё. Это эротическое зрелище — видеть то, как она наблюдает за нами. Я могу прочесть каждую эмоцию и частичку наслаждения, прорезающие черты её лица. Когда я проталкиваюсь глубже, её дыхание на выходе становится

свистящим, и, когда я отступаю, её глаза следуют за моим блестящим стволом голодным взглядом.

Софи

Мы занимаемся любовью на полке ванной комнаты, наши тела отчаянно двигаются в унисон. Именно это мне и нужно — безрассудные, алчные поцелуи, твёрдый и холодный гранит подо мной, нежные пальцы, шепчущие в моих волосах, мягкие поцелуи, прижимающиеся к моему виску. Я благодарна тому, что чувствую что-то ещё, помимо оцепенения.

— Да, трахни меня. Сильнее, —

прошу я, цепляясь за его плечи.

Колтон ударяется в меня, его толстый член проскальзывает и отступает в напряжённом ритме.

Мой взор отпускает его, и я перевожу взгляд на местечко между нами, туда, где мы соединяемся. Зрелище эротичное и чувственное, и я сжимаюсь вокруг него изнутри, поддразниваниями исторгая из его горла низкий стон.

— Тебе это нравится, малышка? — он снова устремляется вперёд, зарываясь по самый эфес, и моя голова откидывается назад.

— Да-а... — стону я. — Сильнее, — прошу снова.

Он неожиданно снимает меня с

полки, поддерживая под задницу, и несёт меня напрямиком в спальню.

Он бросает меня на матрас и опускает на меня взгляд. Его твёрдый член влажен от моих соков, пресс напряжён, однако лицо совершенно собрано и сосредоточенно.

— Встань на колени.

Я подчиняюсь, поспешно вскарабкиваясь на четвереньки. Сидя на кровати абсолютно голой и готовой, я жду, чтобы увидеть, что он припрятал для меня. Колтон хватает меня за колени и дёргает назад, пока я не оказываюсь на краю кровати. Он пробегается руками вдоль моих ног, живота, а потом опускается на верхнюю часть моей спины — его

рука покоится между моих лопаток до тех пор, пока моя грудь не оказывается на кровати. Повернув голову, я прижимаюсь щекой к матрасу и смотрю на него.

Он по-прежнему спокоен и сдержан, и это донельзя сексуально.

— Ты хочешь доминировать и жёстко трахнутья? — интересуется он.

Я киваю головой, всё так же не сводя с него глаз.

Его взор темнеет, и мои внутренности с нетерпением выделяют сальто.

Он выравнивается напротив меня и толкается вперёд. Мне нравится, как моё тело растягивается

вокруг него, и я двигаюсь назад, затягивая его ещё глубже.

Одна рука придерживает мою шею, другая ладонь — задницу. Я чувствую, как его большой палец трётся о мой задний вход, и вздрагиваю. С членом, вбивающимся в меня, он запускает палец в мою задницу.

— Чёрт возьми, Софи, — стонет он.

Каждое ощущение, каждый неровный шёпот дыхания воспаляет всё моё тело. Я толкаюсь задницей назад, навстречу его сильным толчкам. Он вбивается в меня, возможно, рая, но мне это очень нравится.

— Это тебе нужно? Чтобы я был грубым? — рычит он у раковины моего уха, наклонившись ко мне.

Я всхлипываю от восторга, мои внутренности кричат: «Да, да, да!»

Его бёдра врезаются в мои, дикие крики наслаждения процарапывают свой путь вверх по моему горлу после каждого беспощадного толчка.

Оргазм прошибает меня, крадёт из меня воздух и вырывает резкий крик из моих уст. Я содрогаюсь, восхитительно сжимая его изнутри, пока распадаюсь на части.

Наконец, в мои лёгкие врывается воздух, и я повторяю его имя снова и снова. Я чувствую момент, когда его

член увеличивается и в меня изливается горячее высвобождение.

После, Колтон поворачивает меня лицом к себе, а затем осыпает поцелуями моё лицо — веки, щёки, лоб, словно говоря мне о том, как сильно любит. Потом он приносит мне тёплое полотенце вместе с моей одеждой и вытирает меня.

Я чувствую себя сытой и спокойной, а он, тем временем, одевает меня и укладывает в постель. Мои конечности устали и ноют, как и боль между ног, полученная наименее приятным способом.

Последние несколько недель протекали в нескончаемых процессах разлива вина в полдень,

что помогало мне пережить день, в снотворном, которое отправляло меня в нокаут по ночам, и слезах, что проливались слишком легко. Психолог, которого направил Колтон в первый день своего возвращения на работу, не помог. Она не сумела понять всю глубину моих отношений с сестрой-близняшкой. Потеря была немыслимой. Единственным методом лечения у меня был бег. Как и в те дни, когда Бекка была больна. Он успокаивает меня, утомляет конечности и помогает мне справиться, хоть и на короткий промежуток времени. Но, как я узнала сегодня, интимная близость с мужчиной, которого любишь,

превосходит всё остальное. Я чувствую себя куда лучше, чем в прошедшие дни.

Стук в дверь спальни привлекает наше внимание. Я не знала, что здесь есть кто-то ещё.

— Колт? — зову я.

— Оставайся здесь.

Он просовывает ноги в штаны, а потом идёт открывать дверь.

Колтон

— Всё нормально? — интересуется Пэйс, заглядывая за меня в комнату. — Я слышал крики.

— Ага, не обращай внимания.

Выражение его лица

ужесточается.

— Только не говори мне, что в такое время ты думаешь своим членом.

— Чёрт, нет. Каждая моя мысль о ней, о заботе о её потребностях. Не моих, поверь мне.

— И ей нужно было... — он приподнимает брови.

— Опустим это, чёрт возьми, — рявкаю я.

— Отлично. Еда готова, — говорит он, закатывая глаза.

— Заноси.

Я надел на Софи пижаму, и, когда Пэйс заходит, она сидит у спинки кровати с прикрытыми одеялом ногами.

— Пэйс? Не знала, что ты здесь, — её щёчки краснеют, когда она осознаёт, что у неё был громкий, бурный секс в то время, когда он находился в доме. Софи наблюдает за тем, как он пересекает комнату, балансируя с подносом в руках.

— Он готовил для тебя, пока я... о тебе заботился.

Она обменивается со мной знающей улыбкой, прежде чем переключить внимание обратно на Пэйса.

В комнате пахнет сексом, и я надеюсь, что он этого не заметит. А даже если и заметит, то ничего не скажет.

— Что это? — спрашивает

Софи, сияющим взглядом глядя на Пэйса.

— Коко сказал, что тебе нравятся макароны с сыром и розовые Взрывающиеся Звёзды, — он обращается к ней с одной из своих кривоватых ухмылок, используя моё укоренившееся детское прозвище.

— Взрывающиеся Звёзды? — её глаза выхватывают мои.

Её реакция неожиданна.

— Всё нормально, милая?

Пэйс опускает поднос ей на колени. На нём миска с макаронами и сыром, не такими уж плохими на вид, несмотря на то, что приготовлены моим отвратительно-умеющим-готовить-братцем, и

стеклянное блюдо, заполненное розовыми сладостями в красивой обёртке. Он, должно быть, открыл все упаковки и выбрал только розовые. Приятная неожиданность.

Слёзы выступают на глазах Софи, и она переводит взгляд от меня на Пэйса, а потом обратно.

— Как ты узнал? — спрашивает она, одинокая слезинка просачивается из уголка её глаза. Она смахивает её рукой.

Я пожимаю плечами.

— Просто узнал, — не хочу смущать её заявлениями о том, что слышал, как она писает и пьяно бормочет о конфетах.

— Она и вправду всё ещё здесь,

да? — говорит Софи, не обращаясь ни к кому конкретному, когда разворачивает одну конфетку и отправляет её к себе в рот. Она закрывает глаза и медленно жуёт, издавая тихий вздох наслаждения.

Мы с Пэйсом обмениваемся взглядами, бегло задаваясь вопросом, окончательно ли она отстранилась, однако затем Софи приглашает нас сесть на кровать рядом с ней и передаёт нам историю о том, как они с сестрой всегда делили эти сладости и рассказывает нам о её последних словах в письме.

Моя грудь сжимается, когда я понимаю, какой глубокий смысл стоит за этим, какую невероятную

связь они делили, да ещё и жертвы Софи, которые она принесла, чтобы сделать свою сестру счастливой. Моя девочка невероятна во многих отношениях.

Съев немного макарон, Софи благодарит Пэйса и сообщает нам о том, какая она сонная. Пэйс забирает яства и выключает свет, а я сворачиваюсь рядом с ней на кровати, крепко прижимая её к себе и держа до тех пор, пока её дыхание не замедляется и она не засыпает.

Глава 15.

Софи

Бекка кричала на меня весь день напролёт. Сидя и дуясь на неё в своём привычном стиле, клянусь, я могу чувствовать её. Я практически слышу её. Она сказала мне поднять задницу и заняться делом. И я ненавижу её за это.

Я вернулась к трудовому времени с Кайли. Бегаю несколько раз в неделю. У нас с Колтоном всё вернулось в норму. Он больше не держится от меня подальше. Он даёт себе свободу, понимая, что наша

интимная связь помогает мне. Но я всё ещё не я, и посредством каких-то странных шуковин со связью близняшек, Бекка призывает меня избавиться от этого.

Я избегаю по лестнице и вытаскиваю письмо из специальной коробочки на шкафу, в которой храню его. Я дважды перечитываю его, выискивая путеводные нити. Нарисованный пенис по-прежнему заставляет меня смеяться.

«Сосредоточься, Софи».

Читая письмо в третий раз, я понимаю. Озарение бьёт меня по лицу. Она не хочет, чтобы я просто проживала свою жизнь — работала, бегала, занималась ночью любовью

со своим парнем. Она хочет от меня большего. Она хочет большего для меня. На вечеринке у бассейна она призывала меня проживать каждый день как последний.

Я опускаюсь на кровать с письмом в руках.

Дерьмо.

Я хочу накричать на неё, сказать ей, что это не так-то просто сделать. Правда, я понятия не имею, как этим заняться. Всю свою жизнь я жила ради удовольствия других. Я придерживалась хороших оценок и никогда не давала родителям повода расстроиться — у одной их дочери и так был рак — им не нужно было никаких дополнительных стрессов в

жизни. Я была хорошей сестрой, хорошим человеком. Вежливой, воспитанной, какой угодно. Продажа самой себя на аукционе была самой сумасшедшей вещью, которую я когда-либо делала, и даже это было не для меня самой.

Чёрт возьми, Бекка.

На протяжении всего дня у меня ведётся невыносимая беседа с самой собой в попытке выяснить, чего она от меня хочет. Затяжные прыжки с парашютом? Прыжки с тарзанкой? Что?

И тут меня осенят.

Она никогда не желала, чтобы я делала что-нибудь сумасшедшее лишь ради прилива адреналина. Всё,

чего она хотела для меня — чтобы я была счастлива.

— Я поняла, — говорю пустой кухне.

Боже, я чувствую, будто теряю это.

Я проверяю часы. Ещё час до прихода Колта домой.

Один час, чтобы придумать, чем заняться вечером, чтобы доказать самой себе, что я могу проживать эту жизнь на полную катушку.

Колтон

Пока я еду с работы домой, мои мысли устремляются к Софи.

Не знаю, как так получилось,

что я оказался достаточно удачлив, чтобы той ночью отправиться домой с Софи, однако в эти последние месяцы я был благодарен за этот факт бесчисленное множество раз. Она спасла меня от горькой и одинокой жизни. И теперь я забочусь о ней в самый тяжёлый период её жизни. Впрочем, я ежедневно вижу у неё небольшой прогресс.

Я помогаю ей зажить снова и часто напоминаю, что именно этого хотела бы Бекка. Я останавливаюсь по пути домой и забираю пачки Взрывающихся Звёзд, розовые из которых спрячу по всему дому, чтобы она их нашла — одну лежащей у её утреннего кофе, одну в ящике с

косметикой и ещё одну в кроссовках для бега. Улыбка в её глазах, когда она их находит, вызывает стеснение в моей груди.

Я вижу её силу каждый раз, когда она зашнуровывает кроссовки, каждый раз, когда она готовит для меня, в каждой улыбке, в каждом смехе — я чувствую её храбрость. Она выбрала жизнь.

Конечно, иногда по-прежнему трудно. В некоторые дни, когда я возвращаюсь с работы домой, её глаза припухшие от слёз, и это разбивает моё сердце. Но мало-помалу моя милая Софи возвращается.

Впрочем, сегодня даже лучше.

Потому что на её щечках есть розоватое свечение, а глаза проказливо блестят.

— Что вы задумали, Мисс Эванс? — спрашиваю я её по прибытию домой.

— Ничего. У меня всего лишь есть планы для нас после ужина, вот и всё, — она мило улыбается, и моя грудь сжимается.

Мы разделяем ужин из запечённой утки, которую приготовила Бет, и я занимаю Софи деталями прогресса своей компании. Всё действительно возвращается на круги своя. Здорово иметь кого-то, с кем можно поделиться своими взлётами и падениями. Она успешно

разрушила мои стены и научила меня, как делиться собою с другими. Раньше я бы продолжил скрывать свои упущения в бизнесе. Теперь же я знаю, что нет ничего, что мне следует от неё утаивать. Она принимает меня таким, какой я есть. Это самое прекрасное чувство в мире. С ней я чувствую себя цельным.

Мы заканчиваем трапезу, и я как раз собираюсь спросить её о том, что она задумала по поводу вечера, когда начинает звонить мой телефон. Я переворачиваю его, и на экране отображается имя Стеллы.

— Почему она звонит тебе? — Софи морщит носик в отвращении.

— Чертовски хороший вопрос.

— Ответь, — произносит она.

Христос. Ну что ж, поехали.

— Алло?

— Привет, Колтон, —

здоровается она.

— Почему ты звонишь, Стелла?

— раздражение в моём голосе безошибочно.

— У меня есть несколько вещей, которые я хотела бы тебе сказать.

— Со мной здесь Софи. Я переключу тебя на громкую связь, — я кликаю по кнопке громкой связи на телефоне, не дожидаясь ответа. Я не дам ей гадать о том, что за обсуждение может быть между мной и моей бывшей женой, и не намерен

ничего от неё скрывать.

Стелла прочищает горло и на секунду замолкает.

— Мне никогда не хотелось выступать в роли мерзавки, Колтон, — говорит она мягко. Софи косится на телефон в моей руке, а Стелла тем временем продолжает: — Я была молодой и глупой. Я любила тебя. По-своему. Но вскоре после того, как мы поженились, я осознала, что это не любовь до гроба. Ты много работал, построил компанию в столь юном возрасте и был так увлечён и сосредоточен. Я не была готова жить в тени твоей работы. Я чувствовала себя забытой и, как бы неправильно это ни было, позволяла себе получать

внимание от других мужчин. Я испытывала желание и потребность, и именно этого мне недоставало от тебя. Ты дал мне всё, чего мне хотелось в материальном плане, однако эмоционально ты оставался закрытым. И я не виню тебя. Просто у нас не было глубокой связи. Твоя работа для тебя была на первом месте.

— Зачем ты говоришь мне всё это сейчас? — спрашиваю я, борясь с желанием закатить глаза. Не знаю, в какую игру она играет, но если ей нужно прощение, она, чёрт возьми, допустила промах. Она ведь изменила мне — переспала с нашим садовником, так потом ещё и забрала

половину моих чёртовых денег. Над отношениями нужно работать — если она и была несчастлива в браке, она могла бы поговорить об этом со мной.

После длительной паузы Стелла продолжает:

— Мой адвокат вскользь упомянул, что ты оставил работу из-за чьей-то смерти в семье. Мне стало любопытно, поэтому я позвонила Марте.

Я понятия не имел, что она всё ещё поддерживает связь с Мартой. По какой-то причине это приводит меня в бешенство. Мой взгляд устремляется к Софи, и её глаза расширяются.

— Да, мы потеряли сестру Софи — Бекку, — объясняю. Я беру Софи за руку и переплетаю наши пальцы.

— Я слышала об этом, и мне очень жаль, — произносит Стелла.

— Ты поэтому позвонила, Стелла? — моё терпение на исходе.

— Да. Когда я услышала о вашем происшествии, полагаю, это поразило меня. Мне захотелось позвонить и извиниться. Я поняла, что после всего этого я формально так этого и не сделала, и, хотя знаю, что простым «прости» всего не отменить, я надеюсь, что ты его примешь.

Я делаю глубокий вдох.

— Конечно, приму, — отвечаю я.

Это не значит, что всё будет замечено под чёртов ковёр, но я больше не собираюсь тратить энергию на споры со Стеллой. — Что-то ещё? — осведомляюсь я.

— На самом деле, да. Я хотела сказать вам обоим, что сделала пожертвование от имени Бекки. Два миллиона долларов на изучение рака.

Вау. Но в действительности я молчу. Мой взгляд перемещается на Софи, чьи глаза наполняются слезами.

— Спасибо, Стелла. Это было очень мило с твоей стороны, — говорит Софи дрожащим голосом.

— Пожалуйста. И простите меня

ещё раз. За всё, — произносит Стелла.

В самом странном повороте событий, который я только мог представить, Стелла исправляется и становится героем. Ну, не совсем, хотя это пожертвование было довольно впечатляющим.

Едва завершив вызов, я обращаюсь к Софи:

— Что ж, это было чертовски странно, — отмечаю я.

— Это было мило.

— Думаю, так оно и было, — я целую её макушку. — Но один хороший поступок не означает, что я прощу ей измену.

— Тебе и не надо прощать,

однако, думаю, в чём-то я стала понимать её немного больше. Плюс, хоть это и эгоистично, я рада, что у вас двоих ничего не вышло.

— Я тоже. Ведь теперь-то у меня есть ты, — её глаза находят мои и говорят мне всё, что необходимо. — А сейчас расскажи мне побольше о том, что ты запланировала на этот вечер.

— Лучше покажу, — её глаза загораются озорством, и я понимаю, что моя сладкая вернулась.

Софи

Практикуя наиболее
соблазнительную походку, я качаю

бёдрами, когда иду напрямиком к береговой линии. Луна проливает достаточно света для видимости, и низкое шипение Колтона подсказывает мне, что он оценивает вид. Медленная улыбка расплзается на моих губах.

— Идёшь, Мистер Дрейк?

— Да, чёрт возьми, — отвечает он. Его шаги становятся ближе, и я с визгом срываюсь вниз по пляжу с преследующим меня Колтоном. Быстро оглянувшись, я замечаю, как он снимает с себя пиджак и бросает его на песок, однако не останавливаюсь, пока не достигаю прибоя.

Сделав глубокий глоток свежего

воздуха, я забредаю прямо в воду, несмотря на минусовую температуру. Ничто, кроме купания в океане в одежде, не заставит вас почувствовать себя такими безрассудными и спонтанными.

Едва натолкнувшись на волны, я начинаю понимать, чего всё это время хотела для меня Бекка. Шуршание песка между пальцев, холодная вода, несущаяся по моей коже, и ослепляющая улыбка Колтона, когда он смотрит, как я прорываюсь через прибой — это делает всё вокруг кристально ясным. Я чувствую себя легкомысленной. Живой. Вспышка просветления помогает мне осознать всё, что она

пыталась мне сказать. От этого так хорошо и легко, что я почти плачу. Но вместо этого я смеюсь: грубый, первобытный звук срывается с моих уст. Боже, я не помню, когда в последний раз смеялась. По-настоящему громко смеялась. Это так чертовски удивительно.

Взгляд Колтона цепляется за меня при этом звуке, и на его губах появляется неспешная улыбка. Он тоже это чувствует. Я вернулась. Я это сделала. Со мной всё будет в порядке. Я не собираюсь просто существовать. Я буду жить полной жизнью. Могу гарантировать, что Бекка не успокоится. Её послание зазвонит громко и ясно, если у меня

появится что-нибудь — что угодно — о чём следует поговорить.

Чувство эйфории накрывает меня, и я раскидываю руки в стороны, поворачиваясь по кругу и глядя на тёмное небо, пока меня омывает прохладная вода. После чего заплываю глубже, жаждая ощутить это чувство еще больше.

Колтон гонится за мной, пока я не оказываюсь в воде по грудь. Мурашки выступают на моей коже, когда холодная воды окутывает моё тело, облепляя мокрой одеждой. Вода плещется у его талии, и мы стоим на месте, глядя друг на друга и тяжело дыша. Луна покрыта пеленой низких облаков, окрасивших ночное небо в

тёмный светящийся оттенок.

Колтон уверенно приближается ко мне. Он так непринуждённо справляется со своим телом, так сдержан во всём, что делает, что становится трудно не почувствовать себя маленькой и женственной в его присутствии. Его мощное телосложение завладевает вниманием. И он принадлежит мне — полностью и безраздельно.

Он расстегнул рубашку, и я замечаю, как волны лижут его подтянутый живот и грудь, гадая, будет ли он солёным на вкус от океанских брызг, если я решусь наклониться и лизнуть его, как и требует мой мозг. Ток сексуального

осознания гудит между нами.

Он находит мою руку под водой и подтягивает меня ближе.

Я тянусь к нему и оборачиваю ноги вокруг его торса, наслаждаясь ощущением его горячей кожи на моей. Со сплетёнными вокруг его бёдер ногами, мой центр оказывается под нужным углом — прямо у подходящего местечка, чтобы почувствовать шевеление его эрекции.

— Хм-м, а я-то думала, что взволновала тебя куда больше, — замечаю я, чувствуя себя бесстыдной.

— Вода немного холодная, милая. Дай мне минутку.

Я пожимаю плечами.

— Посмотрим, Мистер Дрейк.

— Поверь мне, ты не будешь разочарована, — произносит он тоном уверенным и авторитетным.

— Хорошо. Потому что сегодня я с нетерпением жду знакомства с чем-то **большим**.

— **Большим**? — он поднимает бровь, выжидающе глядя на меня.

— **Большим**, — подтверждаю я.

Его ленивая улыбка возвращается, а глаза впиваются в мои.

— Что с тобой сегодня? Не то чтобы я жаловался, — быстро добавляет он.

— Жизнь, — говорю я. — Я немного заплутала в ней.

— Понятно, — по-прежнему поддерживая меня одной рукой под ягодицы, он использует другую, чтобы обхватить мою щеку и смахнуть волосы с моего лица. — Ты — моё всё. Ты ведь знаешь это, да?

Я киваю, давая глубинному чувству его любви обрушиться на меня. Я боялась почувствовать это в прошедшие несколько недель, но теперь я позволяю каждой эмоции поглотить меня, и это подавляет, но в хорошем смысле.

— Я не могу потерять тебя, Софи, — шепчет он. Я вижу по его глазам, что он был напуган, даже если никогда и не говорил об этом. Моё поведение вызвало у него

беспокойство.

— Я здесь. Клянусь.

Словно знак свыше, начинается дождь. Сплошной ливень.

Гигантские капли обрушиваются на нас и превращают океан в бурную силу, живую, со своей собственной дикой энергией. Это походит на гигантский котёл с кипящей водой.

Я отодвигаюсь от него и плыву к берегу.

— Давай! — кричу я, когда замечаю, что он всё ещё стоит там, где я оставила его, с любопытством наблюдая за мной.

Когда я добираюсь до берега, моя одежда перекручена и тяжело свисает с тела, а мокрые волосы дико

хлещут меня по лицу.

Я хватаю руку Колтона — ледяную — и тяну его дальше, бегом к дому, пока сверху на нас обрушивается тёплый дождь.

Оказавшись внутри, я взбегаю по лестнице, удирая от замёрзшего Колтона, хватаясь руками за живот, где пузырится смех, который я не могу сдержать.

Низкий смешок Колтона грохочет позади, когда он бросается в погоню. Дом так долго был лишён смеха, что этот звук походит на музыку. Красивую и полную жизни.

Вскоре, добравшись до спальни, я ныряю на кровать. В потребности согреться, я сворачиваюсь клубочком

в пушистое одеяло, как бурито. Пытаясь не намочить постель, я снимаю свою одежду и выбираюсь из укрытия, чтобы отбросить её — скидываю вещи на ковёр с глухим влажным стуком.

Смех Колтона замирает на губах, когда его знойный взгляд скользит по моим изгибам, накаляя меня изнутри. Поднявшись по моему телу, его глаза останавливаются на моих.

— Ты такая красивая, — произносит он.

Почему-то я понимаю, что он говорит не о том, как я выгляжу снаружи, он говорит о том, что внутри. Он видит ярко разгорающуюся во мне жизнь. И я

чувствую себя красивой благодаря его потемневшему, пожирающему меня взгляду голубых глаз и глубокой любви наряду с одобрением, которые излучает этот его взгляд.

— Иди сюда, — он протягивает руку, и я встаю на колени, пересекая постель, пока не оказываюсь перед ним. Колтон с трудом сглатывает и смотрит на меня, пока раздевается, сбрасывая мокрую рубашку и давая штанам вместе с боксёрами упасть на пол.

Вспышка молнии озаряет небо, пропуская импульсы нетерпения через меня. Этим вечером всё чувствуется иначе. И мне это нравится.

Когда наша кожа прижимается друг к другу, мы холодные, влажные и липкие от солёной воды, однако его кожа, прижатая к моей, ощущается так восхитительно.

Спустя несколько нежных поцелуев он наклоняется вперёд и берёт мои груди в руки, поднимая их ко рту и чередуя на каждой из них влажные поцелуи и щелчки языка.

О дорогой Боже.

Я тянусь вниз и нахожу его твёрдым и готовым. Я тяну его за плечи вниз, на себя, обожая вес его тела на моём. Внезапно он ровняется напротив меня и толкается вперёд, позволяя мне привыкнуть к каждому твёрдому дюйму, которым он

наполняет меня медленно, но полностью.

Мы занимаемся сексом неспешно, наши взгляды прикованы друг к другу, пока мы двигаемся в унисон. Настрой напряжённый, мы тихие, и я люблю всё в этом моменте.

Глаза Колтона следят за моими, пока он продолжает входить и выходить из меня ленивыми толчками.

— Я хочу, чтобы ты трахнул мою задницу, — выдыхаю я, оставляя поцелуй на его губах.

Его губы неподвижны, всё тело полностью напряжено и натянуто, как если бы он сделал паузу, дабы

убедиться, что правильно меня расслышал. Затем он снова меня целует, скользя языком по моему, и отступает.

— Ты уверена, Софи? Нам не обязательно...

— Да, уверена, — мой голос твёрдый и убеждённый.

Облокотившись на кровать, Колтон открывает ящичек прикроватной тумбочки и достаёт оттуда маленькую бутылочку масла.

— Помнишь, когда я принес его домой? — интересуется он.

Я киваю. Это массажное масло он использовал, чтобы сделать мне массаж на вторую ночь моего пребывания здесь.

— Конечно.

— Ты подумала, что это смазка,
— улыбается он. — Ложись на живот,
— говорит он.

Оросив мою спину небольшим количеством ароматического масла, он начинает делать медленный, чувственный массаж. Прокладывая путь от моей шеи к лопаткам, вскоре его руки оказываются на полушариях моей попки, и он принимается мять их в ладонях. Моё тело гудит от ожидания того, что вот-вот превратится в эротический массаж. По крайней мере, я на это надеюсь.

Каждый раз, когда его пальцы приближаются к моему центру, я поднимаю бёдра, открыто приглашая

его потрогать меня ниже. Но он этого не делает. Он тянет время, растирая мою поясницу и задницу, пока, наконец, я не чувствую, как он раздвигает мои ягодицы и скользит пальцами между моих ног, распределяя немного масла на задний вход. Прилив покалывания вырывается из моего естества, и моё тело, всегда отзывающееся на его медленные, мучительные прикосновения, оживает. Кончик его пальца ласкает мой запретный входик, и я понятия не имею, как или почему, но его прикосновения там ощущаются невероятно. Эротично. Грешно. И так сексуально.

— У тебя идеальная задница, —

его голос низкий, грубый и хриплый от возбуждения. От этого я хочу его только больше.

Низкий рык вырывается из его горла, и он без лишних указаний скользит одним, а потом и двумя пальцами в меня, растягивая и подготавливая. Ощущения переполняют меня, и я издаю громкий стон.

После нескольких толчков Колтон полностью выходит из меня, и только я собираюсь запротестовать, как чувствую тупую головку его члена на заднем входике. О Господи. Всё моё тело напрягается.

Он склоняется надо мной и

оставляет влажный поцелуй между моих лопаток в попытке расслабить меня. Затем я чувствую его горячее дыхание на своих волосах.

— Я не сделаю тебе больно, обещаю. Ты только дыши. И расслабься. Клянусь, я сделаю всё в лучшем виде.

Я слышу скользкие звуки, когда он покрывает свой член смазкой, а потом возвращается обратно ко мне, раздвигая мои ягодицы и толкаясь вперёд.

Я сжимаю веки и сосредотачиваюсь на дыхании, расслабляя тело, как он и сказал.

— Вот так, красавица. Впусти меня, — голос у него невообразимо

строгий, и мои внутренности плавают при звуке его команды.

Он вдавливается и погружается в меня, моё тело кричит от силы удовольствия и боли растяжения. Он берёт паузу, пока я делаю несколько глубоких вдохов, а затем принимается слабо входить и выходить в серии мелких толчков.

Эти ощущения не похожи ни на что из того, чего я ожидала. Я чувствую себя невероятно полной и взятой таким способом, о котором никогда раньше не знала. В этот момент я его. Каждая частичка меня принадлежит этому мужчине. Он владеет моей задницей. Во всех смыслах.

Используя моё тело для своего удовольствия, Колтон вбивается в меня, беря и заставляя меня кричать в экстазе.

Поднеся одну руку, он находит мой клитор и трёт его, пока я не начинаю дрожать и извиваться под ним. Ощущения слишком сильные, и я вспыхиваю. Белые раскалённые искры мелькают на стенках моих век, пока я кончаю.

Колтон позади меня толкается ещё дважды, прежде чем отстраниться и извергнуть горячее липкое месиво на мою кожу.

Он притягивает меня к себе, и я могу чувствовать, что его сердце грохочет так же сильно, как и моё.

Мы задыхаемся и двигаемся вяло, словно во сне.

После тёплого душа мы вместе падаем в постель. Наша связь глубже, чем когда-либо прежде. Моя вера в него и в нас возросла в геометрической прогрессии, после всего, что мы пережили, всего, что мы разделили. И мне страшно подумать о том, какой была бы сейчас моя жизнь, если бы я не встретила Колтона. Он — мой страховочный трос. Мой спаситель. Причина, по которой я открываю глаза и встаю с постели по утрам. Он — моё всё.

Испытав столько стыда и вины перед Беккой в последние несколько

месяцев на этой земле за влюблённость и занятия любовью с этим мужчиной, я уверена, что всё произошло так, как и должно было. Моя любовь к Бекке никогда не найдёт замены, она всегда будет оставаться в самом центре моего сердца, но я понимаю, что без любви к Колтону я бы этого не пережила. Её потеря сокрушительна. И он собрал меня по кусочкам.

За это я бесконечно ему признательна.

— Спасибо за доверие, — шепчет он у моей шеи, сворачивая своё большое тёплое тело подле моего и крепче сжимая меня.

Его благодарность совершенно

не к месту, это мне следовало бы поблагодарить его, но я понимаю, что он имеет в виду. Требовалось невероятное количество доверия, чтобы отправиться с ним той ночью домой, взять его в рот в тот первый раз, подарить ему своё сердце и теперь поверить тому, что он снова меня заштопает, когда я буду нуждаться в нём больше всего.

— Я люблю тебя, — говорю я ему.

— Я люблю тебя больше, сладкая, — шепчет он.

Эпилог.

Софи

Шесть месяцев спустя...

— Оторви взгляд от её сисек, чувак, — рычит Колтону Пэйсу в третий раз за сегодняшний день.

Я хихикаю и поднимаю взгляд на Пэйса. Он улыбается мне не-так-уж-и-невинно, прежде чем надеть солнечные очки.

— Прости, Соф. У меня самая настоящая засуха, и каждый раз, когда поблизости оказываются титьки, мои глаза автоматически устремляются к ним, но я знаю, что

это не оправдание, — говорит он.

Колтон, похоже, готов врезать ему. Я кладу руку поверх руки Колтона в попытке успокоить его.

— Всё в порядке, Пэйс.

Я опускаю взгляд на свои одетые в бикини груди, убеждаясь, что всё прикрыто. Так и есть. Слава Богу.

— Вот, прикройся, милая, — Колтон протягивает мне пляжное полотенце.

— Мне не нужно полотенце. Я пытаюсь загореть, — говорю я ему.

Колтон прикусывает губу, вскипая, но отпускает ситуацию.

Мы проводим превосходный день на яхте Коллинза, и, должна признать, я чувствую себя крошечной

богиней. Все трое очень внимательны — помогли мне забраться на судно, принесли шампанское, размазали крем на моих плечах и обеспечили мне бесконечную забаву — их препирательства.

Бывают времена, когда я чувствую себя ужасно из-за улыбок и смеха, когда она больше не может этого делать. Но потом Колтон сплетает свои пальцы с моими, и я понимаю, что он читает мои мысли. Бекка хотела бы, чтобы я была счастлива, поэтому я отбрасываю тёмные, мрачные мысли прочь и сосредотачиваюсь на всём хорошем в моей жизни.

Солнце ярко светит над головами, отчего бриллианты и сапфир моего помолвочного кольца сверкают на свету. Я вытягиваю руку, любуясь им на солнце, чем вызываю у Колтона ответную улыбку, достаточно яркую, чтобы осветить всю комнату.

День, когда он надел его мне на палец был одним из самых счастливейших в моей жизни. Я случайно нашла кольцо в его ящике с носками за несколько недель до того, как он сделал мне предложение. Конечно, я засунула его обратно, но проходили дни, и я начала паниковать, гадая, не передумал ли он.

Он не передумал.

Несколькими днями позже он отвёз нас в Рим, обратно в тот же отель, где останавливались мы с Беккой. И в том же самом номере, который я делила со своей сестрой, он сделал мне предложение. Мы были окружены десятками белых мерцающих свечей и большими гроздьями белоснежных пионов. После того, как я сказала «да», он достал из кармана Взрывающуюся Звезду и, разломив её пополам, разделил между нами по кусочку. Это было невероятно мило, романтично и трогательно. Бекка была там, безмолвно аплодируя нам. Я почти могла бы представить её, схватившую

мою левую руку и производящую какие-то непотребные комментарии о том, насколько велик был камень.

Минувший год стал самым тяжёлым в моей жизни, но я прошла через все семь стадий горя. Отрицание. Боль. Гнев. И теперь я добралась до признания, хотя в свои самые тёмные часы я никогда не думала, что этот день настанет. Быть может, я и не хотела, чтобы он наступал. Никак не хотела оказаться в месте, где я принимаю её потерю.

Это был тернистый процесс заживления, но меня заштопала любовь Колтона и моя собственная решимость жить полной жизнью. У Бога на всё есть план. Он знал, что

позовёт Бекку домой, и привёл ко мне Колтона в самых невероятных местах.

Знаю, боль никогда не уйдёт, но я начала исцеляться. Чтобы начать снова по-настоящему жить, а не просто существовать. И эти перемены во мне, в основном, заслуга этого изумительного мужчины, лежащего рядом со мной.

Колтон — это именно то, что мне нужно. Он гладкий, как шёлк, когда того требует ситуация: открывает двери, разливает вино, помогает застегнуть жемчужное ожерелье на шее. И грубоватый, когда мне также это нужно. Его жадный рот пожирает каждый мой дюйм,

твёрдой рукой он швыряет меня на кровать, стягивая мои трусики вниз по ногам и наказывая меня изнутри своими мощными поглаживаниями, нащёптывая тем временем непристойности, вынуждающие меня вспыхнуть. Я люблю каждую сторону этого мужчины. Обожаю каждую из них. Я благодарна судьбе за то, что одного этого мужчины хватило, чтобы удовлетворить самые разные мои стороны, когда я чувствовала себя так, словно была отколота и разваливалась.

— Мы должны были пригласить Кайли, — замечает Пэйс, ни к кому в частности не обращаясь. За те несколько раз, что он виделся с ней,

он всегда относился к ней с мистифицированного рода интересом. Когда я справлялась со своим горем, она была хорошей подругой, принося мне домашний бульон на дом и позволяя мне пропускать столько работы, сколько мне потребуется.

— У неё ребёнок, она не может просто так запрыгнуть на судно в любой момент, — напоминает ему Колтон.

— Никогда не задумывался об этом, — произносит Пэйс, выглядя задумчивым. — Я мог бы присмотреть за парнишкой... — отмечает он себе под нос.

Коллинз, Колтон и я

обмениваемся многозначительными взглядами, словно недоумевая, что на него нашло.

Слова Бекки с вечеринки у бассейна и её письмо возвращают меня к тому, каких красивых детишек мы с Колтоном собираемся сделать, и я задумываюсь, смогу ли я прошмыгнуть с ним под палубу. Кого я обманываю, это же Колтон. Конечно, смогу.

— Привет, красавчик, — говорю я своему привлекательному жениху. — Не хочешь пойти освежиться под палубой?

Его порочная усмешка даёт мне понять, что он точно знает о том, что у меня на уме.

— Я так чертовски сильно люблю тебя, — отвечает он. — Давай сделаем это.

Я встаю и рывком его поднимаю. Его рост, возвышающийся надо мной, заставляет меня почувствовать себя маленькой. Колтон сплетает свои пальцы с моими, и я понимаю, что со мной всё будет нормально. С нами всё будет нормально.

Наши отношения были далеко не шаблонными. Неожиданными. Пока он крутит кольцо на моей левой руке, я думаю про себя о том, как всё вернулось на круги своя.

— Ты можешь поверить, что мы здесь? Что ты скоро станешь моей женой? — спрашивает он, отражая

мои мысли. Слово «жена» на его губах в отношении меня порождает слабое покалывание, пробегающее вверх по моему телу.

— Кто бы подумал, что для того, чтобы заполучить жену, ты должен будешь отдать миллионы? — переспрашиваю я, обращая к нему милый взгляд врозь дерзкому тону.

— Это не смешно, Соф, — наставляет он.

— Что? Я думала, тебя привлекло именно моё чувство юмора.

— Нет. Твоё мужество, — произносит он, переводя разговор из игривого в серьёзный.

Он смотрит на меня с

обожанием, и я могу почувствовать каждую частичку его пламенеющей любви. Я задумываюсь, всегда ли между нами всё будет так. Предпочитая жить моментом, я тяну его за руку.

— Пойдёмте со мной, сэр. Мне нужно провести с вами тест-драйв, прежде чем я решу, пригодный ли муж из вас выйдет.

Его рот кривится в ленивой улыбке.

— Я буду самым лучшим мужем в мире. А теперь тащи свой сексуальный зад вниз по этой лестнице, пока я не отшлёпал и не трахнул тебя здесь, прямо перед моими братьями.

Я поворачиваюсь и покорно направляюсь под палубу, моё тело гудит от всевозможного одобрения. Я люблю все стороны этого мужчины, но моя любимая — это когда он выпускает своего внутреннего альфа-самца поиграть. Сегодня намечается очень хороший день.